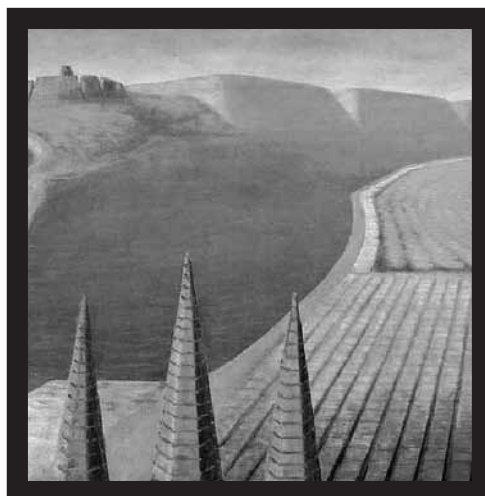

Перекрёстки N 1-2 / 2010

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный университет
Центр перспективных научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 1–2/2010
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международную базу данных Indexed in the MLA International Bibliography

Редакционная коллегия:
Светлана Наумова (главный редактор) (Минск)
Павел Терешкович (Минск)
Татьяна Журженко (Харьков)
Людмила Кожокари (Кишинев)

Научный совет:
Анатолий Михайлов (Беларусь), доктор филос. наук
Ярослав Грицак (Украина), доктор ист. наук
Виржилию Бырлэдяну (Молдова), доктор ист. наук
Геннадий Саганович (Беларусь), кандидат ист. наук
Димитру Молдован (Молдова), доктор экон. наук

Журнал выходит с 2001 г.
Периодичность: ежеквартально
Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: publish@ehu.lt

Формат 70x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius

Авторы статей несут ответственность за предоставленную в статьях точку зрения.

На обложке использован фрагмент картины художника
Язепа Дроздовича «Лунный город Тривеж» (1932–1933).

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта
Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Игорь Бобков

НА ВОСТОК ОТ ЦЕНТРА:
КОНФИГУРАЦИИ МОДЕРНОСТИ
В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ7

Микола Бянько

ГОМЕЛЬ И СЕВАСТОПОЛЬ –
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ АНТИПОДЫ20

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Наталья Барановская

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
АВАРИИ НА ЧЕТВЕРТОМ ЭНЕРГОБЛОКЕ ЧАЭС34

Андрей Степанов

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ЧЕРНОБЫЛЯ:
ЛАБОРАТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ43

Мелани Арндт

ОТ СТРАХА К ДЕЙСТВИЮ?
ПРЕДПОСЫЛКИ И МОТИВАЦИИ НЕМЕЦКИХ
ГРАЖДАНСКО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ
В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ67

Анастасия Леухина

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
НПО В УКРАИНЕ ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ
КАТАСТРОФЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ77

Татьяна Касперски

ТЕЛО, НАСЕЛЕНИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
В ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ В БЕЛАРУСИ88

Александр Долговский

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА
И ПИСЬМЕННЫЙ ПРОТЕСТ БЕЛОРУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В 1986–1991 гг.105

ПЕРЕВОДЫ

Дэйвид Р. Марплз

ЧЕРНОБЫЛЬ.
В ПРЕДДВЕРИИ 25-й ГОДОВЩИНЫ АВАРИИ..... 116

Астрид Зам

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ..... 131

Адриана Петрина

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ГРАЖДАНСТВО ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ 147

НАШИ АВТОРЫ 181

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 183

CONTENTS

RESEARCH

Igor Bobkov

TO THE EAST FROM THE CENTER:
CONFIGURATIONS OF MODERNITY
IN EASTERN EUROPEAN BORDERLAND7

Mikola Byanko

GOMEL AND SEVASTOPOL: POSTCOLONIAL ANTIPODES20

POLITICS AND SOCIETY AFTER CHERNOBYL

Natalia Baranouskaya

PUBLIC AND POLITICAL PRECONDITIONS OF ACCIDENT
AT THE FOURTH POWER GENERATING UNIT
OF CHERNOBYL NUCLEAR POWER PLANT34

Andrei Stepanov

SCIENTIFIC DISCOURSE OF CHERNOBYL:
LABORATORIES OF POLITICAL DECISIONS43

Melanie Arndt

FROM FEAR TO ACTION? REASONS
AND MOTIVATION FOR GERMAN CIVIL
AND PUBLIC INITIATIVES IN BELARUS AFTER CHERNOBYL67

Anastasia Leukhina

STAGES OF DEVELOPMENT OF ECOLOGICAL NGOS
IN UKRAINE AFTER CHERNOBYL DISASTER:
TENDENCIES AND PROBLEMS77

Tatiana Kasperski

BODY, POPULATION AND HUMAN LIFE
IN POST-CHERNOBYL POLITICS IN BELARUS88

Andrei Dolgovskih

STATE CHERNOBYL POLITICS AND WRITTEN PROTEST OF BELARUSIAN PEOPLE IN 1986-1991.....	105
---	-----

TRANSLATIONS

David Marples

CHERNOBYL. ON THE THRESHOLD OF 25TH ANNIVERSARY OF THE ACCIDENT	116
--	-----

Astrid Zam

CHERNOBYL DISASTER IN THE CONTEXT OF EUROPEAN MEMORY CULTURE.....	131
--	-----

Adriana Petrina

BIOLOGICAL CITIZENSHIP AFTER CHERNOBYL.....	147
---	-----

OUR AUTHORS	181
-------------------	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	183
-------------------------------	-----

Игорь Бобков

НА ВОСТОК ОТ ЦЕНТРА: конфигурации модерности в восточноевропейском Пограничье

Abstract

The major object of analysis in this article is the place that the Eastern European Borderland occupies in diverse scientific, as well as scientific and ideological, discourses. Having analyzed the theories and models of Edward Said, Larry Woolf, and Walter Dignola, etc, the researcher comes to the conclusion that the Eastern European Borderland is the place of a certain inner self-colonization. In order to be described adequately this place requires not only referring to the cultural archive, but also deconstructing the regulatory (Euro-centered) models of modernity.

В 1994 году в издательстве Стенфордского университета вышла книга американского историка идей Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения»¹. Исследование посвящено одному из наиболее интересных моментов европейской интеллектуальной истории. Согласно Вульфу, именно в эпоху Просвещения произошел разрыв с идентичностью христианского мира, и благодаря новому зеркалу, что поставили перед континентом интеллектуалы этой эпохи, преимущественно французского происхождения, Европа начала отождествлять себя с идеями науки, прогресса и цивилизованности. Теперь не христианство, а новое знание и свет разума определяли место страны на шкале цивилизованности, а сама шкала являлась не столько *описанием реальности*, сколько идеологической фиксацией определенных прав и преимуществ.

Именно в тот момент (этот тезис является одновременно и стартовой гипотезой, и выводом книги) европейские интеллектуалы почувствовали потребность в чем-то отличаю-

щемся, в месте, которое не было бы радикально Иным, отстоящим в пространстве (как Восток), либо радикально отсталым, отстоящим во времени (как Африка). Место, которое бы стало своеобразной тенью просветительской Европы, пространством полуварварства, полудивилизованности, местом, с перспективы которого свет разума смотрелся бы особенно выигрышно и привлекательно.

Эта потребность и привела к рождению Восточной Европы в качестве образа, интеллектуальной конструкции, которая была изобретена Западом и встроена в новую модерную/колониальную иерархию мира.

Этот новый образ территорий, что лежат на восток от зоны романо-германского расселения, выявился в целом ряде текстов, которые и стали объектом анализа американского исследователя. Тексты жанрово и дискурсивно разные: дневники случайных путешественников, исторические трактаты, письма, даже частные разговоры. Все они объединены дискурсом «Восточной Европы».

В результате их анализа Ларри Вульф приходит к выводу, что перед нами именно *изобретение*: создание нового интегрального образа для территорий, которые лежали на Восток от зоны цивилизации Запада.

Вскоре после выхода схема, которую предложил Вульф, стала на Западе почти классической, а немногие попытки критики (преимущественно в немецкоязычном мире, и в основном за игнорирование немецкоязычной интеллектуальной продукции) остались практически без ответа. Сама книга вышла в определенный момент интеллектуальной истории Европы: когда надежды на триумфальное воссоединение Запада и Востока (горбачевская концепция *общеевропейского дома*) окончательно остались в прошлом. По сути дела, это был пункт поворота, время первых критических переоценок взаимоотношений между Западом и Востоком Европы. Время, когда возникало понимание, что этот разлом имеет момент своего рождения и его генеалогия еще не написана.

Ларри Вульф был первым, кто тематизировал всеобщие концептуальные ожидания в форме академического бестселлера. Но не единственным. Похожая работа происходила в самых разных зонах, и соответствующие идеи циркулировали во второй половине девяностых в разных дисциплинах. Среди классических работ можно припомнить альтернативную версию истории Европы Нормана Дэвиса «Europe. A History», где он предложил такой нарратив истории континента, в каком история восточной части не является только тенью истории Запада, а занимает достойное и, что важно, концептуально отличное, *свое* место.

Мы имеем также целый ряд работ, которые касаются тех либо других восточноевропейских субрегионов и которые, конечно, готовились и выходили независимо от Вульфа, хотя и опирались на те же самые идеи (Мишеля Фуко и Эдварда Саида). Среди этих субрегиональных проблем безусловным лидером во второй половине девяностых стала проблематика балканизма.

В 1995 г. Бакич-Хайден ставит вопрос, является ли дискурс, который касается региона бывшей Югославии, ответвлением ориентализма. В 1996 г. Горгурис

пишет работу о Греции, связи эпохи Просвещения и колониализма. В 1997 г. выходит «Воображая Балканы» Марии Тодоровой, историческое исследование, которое стремится проследить рождение и развитие дискурса балканизма, и опять же в качестве основной модели выбирается модель ориентализма Саида. И, наконец, в 1998 г. Голдсворти издает «Воображая Руританию. Империализм воображения», работу, в которой анализ стремится перейти от региональных схем к определенной социально-культурной типологии².

В другой половине девяностых начинается работа болгарской *Группы по исследованию периферии*, лидер которой Александр Къёсев в своем программном тексте «Самоколонизированные культуры» рассматривает восточноевропейские общества как итог определенной колониальной травмы³.

Все эти работы имеют не просто общий объект исследования, но и определенное методологическое сходство. Во-первых, все они обращаются к анализу конфигурации знания/власти в регионе, используя идеи Мишеля Фуко и Эдварда Саида. И второе: они предлагают (де)конструктивистское прочтение этих конфигураций. Ключевыми концептами становятся концепты воображения, конструирования либо изобретения: традиции, нации, сообщества, территории.

Несмотря на это общее, отличаются идеологические акценты: некоторые авторы направляют свой деконструктивистский пафос *против центра*, пытаются показать *власть за работой*, показать, как рождается та позиция интеллектуального превосходства, что последние столетия характеризует отношение центра к своим перифериям. Другие исходят из обратных задач: их деконструктивизм направлен на развенчание попыток периферии пройти тем самым путем, которым когда-то шел центр, и по существу должен подчеркнуть всю слабость и интеллектуальную вторичность новых проектов по сравнению с респектабельной стариной старых.

Но в конце концов и первое и второе приводит к нулевому итогу: богатство и многообразие идентификаций, образов, конкуренция проектов на той либо другой территории, – как в центре, так и на периферии, – все это видится как грезы интеллектуалов, как работа воображения и тем самым дисквалифицируется.

Слабость этих исследований состоит (как это ни парадоксально) в их методологической наивности. Основные понятия не вводятся, а берутся в готовом и «всем понятном» виде. Ссылаются не на методологию, а на предшественников. В результате конструктивизм такого рода становится *методологией для бедных*: когда историк (либо историк идеи) не в состоянии объяснить, как возникает тот либо иной феномен, каким образом происходит процесс перехода от сингулярного интеллектуального события к норме, от единичного к необходимому (Фуко), он вынимает из кармана модель изобретения. При этом не замечается, что сам акт изобретения либо воображения чего-то так и остается на уровне сингулярного события и по сути ничего не объясняет⁴.

Также не принимается во внимание, что изобретение, конструирование и воображение – это разные вещи. Изобретение, конструирование – это всегда попытка рациональной интервенции в реальность, размещение в реальности того, чего там раньше не было как целого, хотя и существовало в качестве материала, строительных частей. Воображение же – это скорее вытесненное из реальности то, что не нашло там надлежащего и легитимного места и что теперь осталось без основания, как случайное. Как сказал бы Лакан, конструирование – это всегда работа *символического*, воображение же происходит на уровне *воображаемого* и идет в обратном направлении.

На сегодня недостаточно просто заявить про то, что что-то было изобретено, сконструировано, либо воображено.

Необходимо обращение *к самим вещам*.

Нужен, с одной стороны, новый анализ культурного архива эпохи, совокупности единичных интеллектуальных событий, что случились на той либо другой территории, что возникали на пункте пересечения интеллектуального, культурного, социального, политического.

С другой – обращение к системным вещам: анализ дискурсов, интеллектуальных формаций, социальных механизмов функционирования идей.

Нужна работа со всей тотальностью эпохи.

И в этой работе не обойтись без концепта модерности.

Вульф избегает концепта модерности⁵, хотя и ссылается на определенную интеллектуальную традицию, в которой она легитимно присутствует, – на Эдварда Саида и Имануэля Валлерштайна⁶. С Валлерштайном Вульф не соглашается, элегантно отбрасывая всю его модель восточноевропейского присутствия в истории капиталистического мира-экономики одним абзацем⁷.

Основную же методологическую нагрузку несет концепт ориентализма, что возник благодаря Эдварду Саиду и его одноименной книге⁸. Ларри Вульф пишет, что процессы изобретения Восточной Европы могли бы быть названы полуориентализацией, изобретением своего, близкого «востока», только в более мягкой форме.

В дальнейшем Вульф обращается к анализу текстов, посчитав, что ссылка на Саида достаточна для введения основного концепта, на котором держится вся структура книги. Надо отметить, что и термин *изобретение* в книге употребляется скорее как концептуальная метафора, чем как концепт с определенным содержанием: Вульф нигде не объясняет, что значит изобретение Восточной Европы и какую реальную задачу для Запада решали соответствующие процессы, помимо обеспечения «нарциссизма центра».

Попробуем сравнить содержание концепта *ориентализм* у Саида и *полуориентализм* Ларри Вульфа.

Книга Саида «Ориентализм» вышла в 1978 году. Как свидетельствует сам автор, окончательная версия текста писалась в 1975–1976 годах, во время его нахождения в Стенфордском центре исследований человеческого поведения, и являлась частью более широкого проекта, в рамках которого в 1979 году вышла книга «Палестинский вопрос», а в 1981 г. – «Покрывая ислам».

Что касается академической локализации в контексте своего времени, «Ориентализм» мог рассматриваться (и рассматривался) как использование идей Мишеля Фуко (на которого Саид ссылается) в конкретной области и занять свое место на полке многочисленных постструктуралистских интерпретаций. Но этого не произошло. В результате определенного дисциплинарного и концептуального смещения «Ориентализм» занял место классического текста в постколониальных исследованиях и, как сформулировал Бгабха, *inagurated the postcolonial field* – объявил о возникновении самого пространства постколониальности. После многочисленных дискуссий и перевода на десятки языков («Ориентализм» даже стал бестселлером в Швеции) сам Саид в послесловии к изданию 1994 года вынужден был (ссылаясь на Борхеса) говорить об «Ориентализме» не как об одной книге, а как о множестве книг. Действительно, на сегодня «Ориентализм» – как книга и как проект – существует в многочисленных интеллектуальных, культурных и академических контекстах.

На Западе, за исключением некоторых случаев категорического неприятия книги (связанного преимущественно с враждебностью к самому постколониальному проекту), реакция академического мира была позитивной. Критика касалась в основном методологических непоследовательностей (объединение в одном исследовании комплекса постструктуралистских идей и понятий (конфигурация власть/знание, понятие дискурса) – и постмарксистской социально-критической перспективы (понятие гегемонии, сформулированное Грамши)). Но ценность самого проекта анализа и деконструкции имперского/колониального дискурса не ставилась под сомнение.

Предметом исследования Эдварда Саида является ориентализм, – как дискурс и как система мышления. Первое из возможных определений ориентализма, которые дает Саид, – академическое. В нем мы имеем дело с академической дисциплиной (или рядом дисциплин), которые занимаются Востоком. Вне зависимости от того, каким аспектом реальности занимается та либо иная дисциплина – антропология, языковедение, экономика, – и вне зависимости от конкретной страны – всё это определяется как ориентализм.

И, несмотря на то что в XX столетии термин выглядит немного старомодным, нагруженным колониалистскими коннотациями XIX века – золотого века европейского колониализма, сущность самого явления органично перешла к его академическим наследникам. Потому что ориентализм – в академическом

значении – это не столько механическая сумма доктрин и идей, сколько определённый тип мышления, который основывается на онтологическом и эпистемологическом различии между Западом (Оксидентом) и востоком (Ориентом).

Само по себе различие не несет никаких аксиологических коннотаций: в отличие от дихотомии Север – Юг, которая базируется по крайней мере на климатических отличиях, и Запад и Восток располагаются на одной и той же горизонтальной оси, и именно эта первичная семантическая пустотность и позволяет неограниченную смысловую продуктивность, позволяет использовать оппозицию Запад – Восток как основу и матрицу разнообразных культур-антропологических самоопределений (по линии мы-они, свои-чужие и т.д.). Но только тогда, когда мы нагружаем это различие аксиологическими, культурными и иными смыслами, когда мы начинаем приписывать Востоку определенную сущность, только тогда мы вступаем в сферу власти собственно ориентализма.

Это значит, что ориентализм основывается не на простом выборе Востока в качестве объекта изучения или пространства потенциальной доминации, а прежде всего на убеждении, что Восток является сущностно отличным от Запада и это сущностное отличие должно быть исследовано, выявлено и зафиксировано. Действительным предметом ориентализма является не реальный Восток, а всего лишь сущность Востока – и не так важно, как к этому относится сама восточная реальность. Ибо тот, кто знает и контролирует сущность, – владеет и реальностью.

Параллельно с академической дисциплиной и вместе с ней возникает институциональная инфраструктура ориентализма. В этом контексте ориентализм обнаруживает себя как совокупность корпоративных институций Запада, задачей которых является выстраивание взаимоотношений контроля и господства над Востоком. С конца XVII столетия количество таких институций выросло неимоверно. На протяжении XIX века заморские колонии Европы выросли с 35% заселенных территорий земного шара до 85%.

Понятно, чтобы контролировать такие территории, нужна была не только власть, но и знание. Была необходима определенная легитимация европейских колониальных практик, и не только политическая, но и идеологическая, культурная и даже метафизическая.

Предметом исследования Саида является то сложное переплетение власти и знания, колониально-ориентальных институций и академически-ориентальных дисциплин, которому Саид дал название «дискурс ориентализма». Этот дискурс ориентализма не является механической совокупностью власти и знания, политики и культуры, академических текстов и практических действий, совокупностью, в которой каждая из частей остается отдельной и отличной. Разговор идет не просто о тактическом альянсе, взаимной поддержке, – а о глубоких внутренних мутациях как власти, так и знания, об их сплаве во что-то третье. В дискурсе ориентализма мы имеем не просто деградиацию знания под влиянием

политических факторов, не хронику расистских убеждений и идей, зашифрованную в научные термины. Мы имеем мутацию базовых принципов, которые до этого времени определяли как феномен науки, так и практическую политику. Именно в результате этого, как утверждает Саид, ориентализм становится дискурсом имперской доминации со своими принципами и стратегиями.

Один из таких принципов – принцип реальности. Как для науки, так и для политики принцип реальности является самым главным. И наука и политика опираются на реальность, исследуют реальность, изменяют реальность. Но Восток, о котором говорится в дискурсе ориентализма, не является *реальным Востоком* с многочисленными языками и народами, со своей историей и географией. Восток не является эмпирической данностью. Восток ориентализма является идеей, конструкцией, принципом формирования и порождения реальности. И главное в этой идее Востока – то, что он является *не-Западом*.

В то же время этот изобретенный Европой Восток – изобретенный как для Европы, так и для самого Востока – остается недостижимым в своей сущности. Чтобы этот Восток открыть для Запада, он должен быть еще и ориентализирован – это значит поставлен в ситуацию такой оппозиции к Западу, в которой Запад имел бы возможность, право и средства господствовать над Востоком.

Образы и идеи Востока, которые изобретает ориентализм, не являются только неправдой или только мифами. Они, безусловно, имеют отношение к действительности, но отношение сложное и амбивалентное. Исходя из колониального статус-кво, из ситуации реального превосходства Запада в конкретный отрезок времени, ориентализм универсализует это превосходство, придает ему метафизический, вневременной характер. В результате ориентализированный Восток априорно ниже Запада, априорно подчинен Западу, ибо такая его сущность.

Таким образом, если суммировать, получается следующая картина.

Имперский дискурс, воплощенный в ориентализме, работает через исключение, локализацию и универсализацию временных преимуществ.

Важная особенность: ориентализм работает через знание, применяет знание, опирается на него – и в этом смысле совсем не связан с воображением, фантазиями, с тем, что, согласно Вульф, послужило основным материалом при изобретении Восточной Европы.

Это, собственно, и есть основная методологическая нестыковка Вульфа и Саида. Ориентализм работает через знание. Восточная Европа рождается в режиме воображения, фантазии. В режиме вытесненного.

Но что значит *изобретение* применительно к фантазии? Каким образом конструируется Восточная Европа и в каких таких целях, когда при ее изобретении можно обойтись без знания? На эти вопросы Вульф не просто не дает ответа, – он их даже не ставит.

Возникает подозрение, что, обращаясь к западному воображению, к фантазиям, к воспоминаниям путешественников, Вульф выбирает *не тот материал*.

Чтобы анализировать процесс ориентализации Восточной Европы, нужны обращение к знанию, к научному дискурсу, анализ тех дисциплин и моделей, которые применялись Западом для описания и концептуализации Восточной Европы.

И еще одно. Как и Саид, Ларри Вульф неоднократно подчеркивает, что его исследование – о западных интеллектуалах, которые изобретают концепт либо образ Восточной Европы, а не о Восточной Европе как реальности.

В то же время Восточная Европа стояла значительно ближе к центру, чем классический Восток, и, безусловно, реагировала на изменения своего статуса.

В этом смысле реакции восточноевропейских интеллектуалов на первые попытки Запада выстроить новую модерную/колониальную иерархию являются частью интеллектуальной истории *всего континента*.

Без исследований этих реакций схема Вульфа не просто неполная – она зависает в воздухе.

И все же анализ Вульфа необычайно важен и интересен. Только тот материал, с которым работает Вульф, позволяет сформулировать обратную гипотезу.

Восточная Европа начинает видеться как иная, другая Европа, как амбивалентное пространство, место, где с тех самых (модерных) слагаемых возникают другие конфигурации. Восточная Европа в таком прочтении есть своеобразной лабораторией модерности, где в той самой логике (переход от традиционного к новому обществу) возникали *модерные альтернативы*.

Тема модерности неизбежно возникает при любых попытках написания интеллектуальной истории региона.

При этом модерность понимается не столько как один из исторических периодов (Новое время), сколько как определенное цивилизационное событие, которое создало гештальт современного мира. В этом новом гештальте Европа либо Запад заняли место центра, превращая остальной мир в провинцию либо периферию.

Существует определенная традиция, что проецирует соответствующую схему в политико-экономическую, социально-культурную и даже философскую сферы. В политико-экономической проекции это приводит к истории капиталистического мира-экономики (И. Валлерстайн), с ее ядром, полупериферией и периферией, территориями, которые остаются (либо стремятся остаться) вне капиталистической системы обмена. В социально-культурной преобладает проблематика национальных проектов и всего, что с ними связано: национальных государств, культур, идеологий. Национальный проект с соответствующим типом общества и государства выступает в качестве основной современной «утопии» Запада, утопии, которая навязывается остальному миру как универ-

сальная. И которая, наконец, должна быть преодолена в эпоху поздней модерности.

Наибольшие проблемы и недоразумения возникают при анализе интеллектуальной траектории модерности, при опознавании и анализе тех самых вызовов модерности в сфере идей, на которые периферия была вынуждена «искать ответы». В философии возникают попытки отождествить интеллектуальную траекторию Европы, модерную идентичность Запада, с универсальностью как таковой, с универсальной позицией критического разума (от Гегеля до Хабермаса).

В этой простой (и самой распространенной) схеме «прихода модерности» Восточная Европа видится как одна из периферий, для которых вызовы модерности стали политико-экономическим, культурным, но прежде всего интеллектуальным шоком.

Дальнейшая логика периферийности ведет к двум вариантам ответов периферии на вызовы модерности: либо чистая рецепция, принятие модерности в исторически возникших *западных* формах, либо сопротивление, которое ведет к нативизму и консерватизму.

Для Восточной Европы эта бинарная схема приводит к следующему.

Первое. Создание каталога отсутствия, который помещает в себе все то, что есть на Западе и чего нет на Востоке. Этот лист должен пояснить отставание либо опоздание Восточной Европы и фактически является частью обратного процесса – изобретения Запада как определенной нормы. Западный канон, который изобретает для себя Восточная Европа, и является по сути такой нормативной идеей.

И второе. К определенной схеме размещения собственного содержания, при которой все артефакты эпохи ретроспективно относятся либо к прогрессивным, либо к отсталым (ре-грессивным).

В интеллектуальной истории (либо истории идей) логика периферийности приводит к идее рецепции как универсальной схемы, которая позволяет объяснить все локальные траектории идей.

Весь этот процесс можно было бы назвать процессом интеллектуальной самоколонизации, если применить концептуальную метафору Александра Кьёсева. Сама схема является итогом определенных структур культурного колониализма, интеллектуальной зависимости. Ведь – и это чрезвычайно важно для понимания восточноевропейских путей через модерность – идеология модерности не просто зафиксировала цивилизационный отрыв остального мира от центра, она сама и спроектировала этот отрыв.

В результате в западном воображении история Восточной Европы попадает на теньевую сторону модерности.

История европейской периферии таким образом может быть рассказана как часть истории *иной Европы*, как часть *европейской тени*.

Такая история еще не написана, хотя ее фрагменты мы наблюдаем в самых разных интеллектуальных движениях последних десятилетий.

Написание такой истории несет с собой определенные концептуальные сложности. Не так просто писать историю тени либо историю неприсутствия. Еще сложнее создавать знание про неприсутствие.

Стремясь рассказать историю про колонизированного, мы сталкиваемся со странной детерриторизацией: нет такого места *в современности*, где эта история могла бы разместиться.

С одной стороны, история тени разворачивается в том же времени, что и главная история, – но в результате определенной концептуальной подмены она находит, что ее правдивое место в прошлом, как бы это прошлое ни называлось (домодерностью, детством, примитивностью, отсталостью) и какое бы место на ментальной карте ни занимало (Восток, периферия, провинция, отсутствие).

История теневого пространства европейской модерности – это не только история угнетенных народов и неуспешных наций. Это также и история природы (?!), которая стала первым и основным объектом колонизации. Это и история *детства*, история *женского*, а возможно, и история *старости*. Это история преодоленных (хотя и не превзойденных) цивилизаций и типов культуры.

Чтобы описать эту двойную работу модерности, Вальтер Миньёла ввел понятие *модерный/колониальный раздел мира*⁹.

Согласно ему, одним с итогов европейской модерности стало *пере-воображение мира*. Универсальность выявила свои границы. За этими границами нашли себя европейские колонии. На пограничье универсального и локального возникли европейские периферии. Одна из таких периферий – Восточная Европа.

Анализируя периферии модерности, мы сталкиваемся с тем, что сам объект анализа парадоксальный. Собственно говоря, именно европейская модерность и перевоображает мир, разделяя его на центр и периферию, и потому надо говорить о перифериях модерности не как о натуральной норме эпохи, а как об итоге современных практик.

Одним из существенных моментов идеологии модерности являлось возникновение схемы центр – периферия. Появляется идея всемирности – в литературе (Гете), философии (Кант). Модерность занимает центр этой воображаемой всемирности, понимает себя как основной двигатель прогресса. Европа (главные европейские нации) стремится при этом рационализировать и представить как *разумное* те элементы, силы, идеи, какие ее образуют. Начинается конструирование периферии и (следующая стадия) ее колонизация.

Периферии модерности не являются только географическим понятием. Периферией становятся все сферы, которые должны подчиняться европейскому разуму. Эмоции и воображение образуют близкую периферию разумной души или человеческого сознания. Деревня и традиционная культура образуют социальную и культурную периферию. Неевропейские (дикие, примитивные, неисторические) народы образуют пространственно-историческую периферию. Периферия возвращает в центр многочисленные контрмодерные идеи и проекты. Разум в этом противостоянии становится не только инструментом критики и рационализации, но и инструментом колонизации, часто воспринимается как чужая, колониальная сила, ему противопоставляются проекты, которые стремятся поставить под вопрос сам разум.

Таким образом, история европейской периферии не является чем-то внешним к процессам европейской модерности. Она есть их органической частью. Но при этом – секретной, скрытой частью, чем-то, что никогда не выходило на поверхность европейского культурного нарратива, что всегда было отсутствующим на уровне репрезентации, хотя и присутствовало на уровне реальности.

Эта история есть часть теневой стороны европейской модерности, а именно *внутреннего колониализма*.

И дело тут не только в том, что часть сегодняшних европейских наций на протяжении истории были объектами угнетения и колонизации со стороны своих более сильных соседей. Не только в неуспешных проектах нациогенеза в границах самой Европы (провансальский, шотландский, валлийский и пр.). И не только в периферийных нациях, что и сегодня существуют в ситуации зависимости.

Дело в том, что процессы колонизации неотделимы от европейской модерности, но никогда не ставились под вопрос в своих основаниях, мотивациях и последствиях.

Хотя европейская история однозначно связывает процессы возникновения Новой Европы (европейской модерности) и европейский колониальный проект, сами эти процессы и тематика колонизации обычно отодвигаются на маргинез европейского мышления, рассматриваются как дополнение к процессу становления европейской рациональности. Дополнение, которое преодолевается в современных стратегиях мультикультурализма, толерантности, уважения к Иному и т.д.

Маргинальный и дополнительный статус феномена колонизации позволял исключать саму тему из классических западных теорий рациональности, от Макса Вебера до Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса. Несмотря на этот распространённый стереотип 1980–1990 годы принесли понимание, что феномен колонизации неотделим от процессов становления новоевропейской рациональности, зашифрован в ее базовых оппозициях и даже структурирует эту рациональность.

Как мы уже говорили, европейская модерность поставила остальной мир в ситуацию колониальной зависимости, и именно из этой ситуации – ситуации колониального столкновения – рождаются антиколониальные национализмы. Возникают опоздавшие, неоконченные модерности *самоколонизированных* – по Кьёсеву – культур, культур европейской тени. Эти новые модерности подходят – в процессе преодоления своей конститутивной травмы – к моменту присвоения универсального. И именно в этот момент они слышат с Запада, что универсальности не существует, что великие нарративы окончательно исчерпали себя и что *их модерности* навсегда должны остаться провинциальными, локальными, неоконченными проектами. Это связано еще и с тем, что колониальные и имперские нации рассматривают *только себя* как универсальные, а потому навязывают образ провинциального, нативистского, антимодерного всем антиколониальным национализмам.

Таким образом, наши исходные предпосылки достаточно прояснились.

Это прежде всего плюрализм траекторий модерности либо путей через модерность. Отказ от ее нормативного содержания (Э. Дюссель).

И второе, амбивалентность самого явления, которое состоит из разных проектов либо разных *обещаний модерности* (И. Валлерстайн).

И всё же откуда мы могли бы увидеть наше восточноевропейское пограничье?

Как писать историю тени?

Две вещи, согласно нашему мнению, являются обязательными компонентами любых возможных генеалогий: *деконструкция кодов угнетения и новое обращение к культурному архиву*, новое его прочтение.

Первая задача требует деконструкции, анализа и расшифровки конфигураций власти/знания в тех либо иных восточноевропейских зонах. Анализа тех кодов и нарративов, в которых Восточная Европа возникает перед западным знанием. Эти коды на протяжении европейской истории менялись.

В конце XVIII столетия это был код отсталости, связанный с метанарративом «прогресса». В XIX столетии это был образ «человека этнического». В XX веке Восточная Европа стала *царством идеологии*.

Новое прочтение культурного архива предусматривает обращение к тому очень специфичному интеллектуальному/идеологическому ландшафту, который начал складываться в Восточной Европе с приходом модерности.

Вся эта работа должна вернуть нас к основным вопросам.

Что происходило в восточноевропейской лаборатории модерности? Куда шла Восточная Европа? В каком направлении? Вопреки или навстречу модерности?!

В контексте этих вопросов исследования локальных ответов на вызовы модерности имеют совсем не локальное значение. Они позволяют очертить границы универсальности и нормативности идеологии модерности, выявить ее скрытый евроцентризм и, наконец, дать более полную картину асинхронной модернизации, итогом которой стала экономическая, культурная и социально-политическая неоднородность современного мира, в котором для большинства обществ модерность еще не закончилась.

Примечания

- ¹ Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford (Californ.): Stanford University Press, 1994. В 2003 году вышел русский перевод: Ларри Вульф. *Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. М.: НЛО, 2003. Было бы интересно рассмотреть работу Вульфа не только в отношении к самой восточноевропейской реальности, но и как определенный дисциплинарный разрыв с моделями и схемами восточноевропейской истории основателя этой субдисциплины Оскара Халецкого. См.: Halecki O. *Historia Europy – jej granice i podziały*. Lublin: Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1994.
- ² См.: Bakić-Hayden M. *Nesting Orientalism: The Case of Former Yugoslavia* // *Slavic Review*. 1995. № 4 (54). P. 917–931; Gourgouris S. *Dream Nation: Enlightenment, Colonization and the Institution of Modern Greece*. Stanford: Stanford University Press, 1996; Todorova M. *Imagining the Balkans*. Oxford: Oxford University Press, 1997; Goldsworthy V. *Inventing Ruritania: The Imperialism of the Imagination*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- ³ К'ёсэу А. *Самакалянизава́ня культуры* // Фрагменты. 1999. № 4. В 1990-е мы имеем целый парад таких изобретений. Например, см.: Delanty G. *Inventing Europe. Idea, Identity, Reality*. New York, 1995; Inden R. *Imagining India*. Cambridge Oxford, 1990; Federici S. (Hg.). *Enduring Western Civilization: The Construction of the Concept of Western Civilization and its «Others»*. Westport (Conn.), 1995.
- ⁵ Существует целая традиция анализа незападных форм модерности. См.: Chakrabarty D. *Habitations of Modernity: Essays in the Wake of Subaltern studies* Chicago: The University of Chicago Press, 2002; Dussell E. *The Invention of the Americas: Eclipse of “the Other” and the Myth of Modernity* New York: Continuum. Translated by Michael D. Barber. Therborn G. *Multiculturalism and East Central Europe in European Modernity* // *Cultural Crossroads in Europe*. Stockholm: FRN, 1997. S. 22–41.
- ⁶ Wallerstein I. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press, 1974.
- ⁷ В этом замечании Вульф не оспаривает само место Восточной Европы в системе неэквивалентного обмена раннекапиталистической (европейской) миро-экономики. Он только говорит, что этому месту еще не соответствовал образ периферии, который пока не был изобретен западными интеллектуалами.
- ⁸ Said E. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. 3rd edn, Penguin, Harmondsworth, 1991 (1978).
- ⁹ Mignolo W. D. *Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking*. Princeton: PUP, 2000.

ГОМЕЛЬ И СЕВАСТОПОЛЬ – ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ АНТИПОДЫ

Abstract

In the article the author carries out the analysis of neo-imperial and postcolonial memorial places in the process of official political projects development in Belarus and Ukraine in the case of urban landscape designing in Sevostopol and Homiel. Different models of fighting with former mother country influence can be observed in Homiel and Sevostopol on the stage of transformation from subordinate colonial to postcolonial status. Reinterpretation of imperial practices is observed in Homiel. Decolonization of postsoviet Sevostopol is carried out by confrontation of colonial (neo-imperial) and anti-colonial discourses, or war between memorial places.

Key words: memorial places, postcolonialism , liminality, political project, symbolic representation, local counter-projects, imperia, identity policy.

*Калі імперыя зьнікне, як дым,
дзе будзеш ты і з кім?¹*

гурт «Ulis»

Цель данного исследования – проанализировать конкуренцию неоимперских и постколониальных мест памяти в условиях разворачивания официальных политических проектов Беларуси и Украины на примере конструирования городских пространств Севастополя и Гомеля. Для верификации тезиса о цивилизационной предопределенности векторов развития бывших российских колоний проведем компаративный анализ неоимперских символических репрезентаций двух городов транскультурного Пограничья: «го-

рода русской военной славы» Севастополя и самого «уникального в Российской империи» частновладельческого города Гомеля [13].

Оба города, несмотря на географическую отдаленность, а также существующие культурные и этнические различия, присущие его современным жителям, имеют между собой много общего. И Гомель, и Ак-Яр-Ахтияр-Севастополь попали в состав Российской империи в конце XVIII в. Индоктринированные идеологией европейского Просвещения представители российской аристократии, получившие во владение новые территории, стремились реализовать утопические проекты идеально организованных европейских городов. В случае с Севастополем фаворит Екатерины II светлейший князь Григорий Потемкин лоббировал проект создания южной столицы империи в Тавриде, который поставил бы достижения императрицы по «прорубанию окон во внешний мир» на один уровень с евросвершениями Петра I. И хотя данной идее не суждено было сбыться в последующих XIX–XX вв., мифологема избранности и уникальности Севастополя продолжала притягивать взоры российских самодержцев к этому городу. Для министра иностранных дел Российской империи графа Николая Румянцева Гомель был своеобразной экспериментальной площадкой по внедрению инновационных архитектурных решений. Благодаря Николаю Румянцеву Гомель из «заурядной деревеньки на берегу реки Сож» превратился в образцовый город империи. Еще точнее, как писал в начале XX в. историк Гомеля Лев Виноградов, Николай Румянцев, «застав Гомель соломенным, оставил половину его каменной» [17. С. 126].

Колонизаторы, как в Севастополе, так и в Гомеле, обустривая свой быт на новом месте, не считались с повсеместными артефактами, свидетельствующими о глубоких исторических корнях двух городов. Так, первые севастопольские постройки были возведены из хорошо сохранившихся руин древнего Херсонеса под руководством адмирала Фомы Фомича Мекензи (Томаса Мак-кензи) [23, 24]. Новая власть Гомеля, в свою очередь, разобрала до основания средневековый оборонительный замок, дабы построить на его месте дворец в модном в конце XVIII в. стиле классицизм. Таким образом, империя в обоих случаях закреплялась на новых плацдармах, искореняя следы чуждого ей прошлого.

В последующие столетия подчиненные колониальные административные центры жили в соответствии с ритмом метрополии. Непрерывность традиций доминирования универсального над локальным продолжалась вплоть до 1991 г., когда в результате распада второй русской империи СССР Севастополь и Гомель оказались в административных границах новых государственных образований. Именно с момента «отрыва» этих частей от русского цивилизационного материка происходит эскалация конфронтации имперских и антиимперских дискурсов. Лиминальное состояние метрополии спровоцировало эмансипацию бывших колоний, стремящихся идеологически обосновать свое право на самостоятельный нарратив. Несмотря на внешнюю схожесть процессов разворачи-

вания национальных проектов в Беларуси и Украине, внутренняя логика развития этих двух субъектов существенно отличалась.

Беларусь, остро переживающая кризис идентичности, на начальном этапе независимости не смогла себя мыслить вне колониальных рамок. Приход к власти в 1994 г. пророссийского популиста Александра Лукашенко, максимально использовавшего тоску белорусского народа по советской «античности», казалось бы, должен был предопределить необратимость дрейфа Беларуси в объятия империи. Однако сценарий воссоединения реализован не был. Вектор официального политического проекта Беларуси, основанного на модифицированном панславизме с определенными компонентами этнонационализма, на начальном этапе имел однонаправленность с российским неоимпериализмом. На примере символических репрезентаций это означало постепенную реинтерпретацию роли российских культурных героев, лишившихся имперской «почвы под ногами» и получавших за это «местную прописку». Иначе говоря, местный политический проект предусматривал «порабощение» «Другого» за счет его занесения в систему знаковых средств официального дискурса. Перефразируя Гайятри Спивак, новое политическое сообщество белорусский народ совершало акты эпистемического насилия над «Другим», асимметрично уничтожая следы его сомнительной Субъектности². Механизм присвоения героев чужой культуры – обычная практика Пограничья. Один и тот же исторический деятель либо символ, важные в плане конструирования воображаемого сообщества, могут являться прецедентами для обоснования национального проекта одновременно для нескольких пограничных этнических групп. В контексте этого материала весьма показателен пример с талантливым капитаном российского флота Александром Казарским, образ которого используется одновременно тремя этническими группами (русскими, украинцами и белорусами) для аргументирования легитимности своего присутствия в Севастополе.

Затянувшаяся стадия перехода от подчиненного колониального состояния к постколониальной субъектности в белорусской действительности означала не внезапный разрыв с имперскими практиками, а постепенное их переосмысление. Вполне возможно, что именно эта специфика трансформации белорусского общества обусловила относительно бесконфликтный характер конструирования символического пространства пограничного с Россией Гомеля. Бесконфликтность официального политического проекта в Беларуси по отношению к российскому нарративу выработалась в результате отторжения населением радикальной антиколониальной доктрины, преследовавшей цель деконструкции идеологических основ существования империи. Общество не желало строить свою идентичность на предложенных националистами ценностях первой половины 1990-х гг. Дело в том, что переживаемые многими аффективные состояния и кризис благополучия обусловили негативное отношение к кратковременному этапу национального возрождения. Отторжение массовым

сознанием негативных реалий начала 1990-х гг. привело к идеализации советского периода истории, который рассматривался властями как исходный с точки зрения генезиса белорусской государственности. Ностальгия по советскому порядку, по всей видимости, была вызвана тем, что белорусская современная нация состоялась именно в условиях БССР. Соответственно, колониальный опыт не воспринимался большинством населения как негативный, поэтому его коммеморативный потенциал использовался властями для обоснования законности своих истоков. Иначе говоря, попадая на белорусскую идеологическую территорию, имперский дискурс модифицировался, становясь частью единственно допустимой версии видения «общего» белорусско-российского прошлого. С помощью инкорпорированных в государственную идеологию представителей духовного пантеона русской цивилизации, прецедентные имена которых формируют имперскую идентичность, происходило утверждение официального политического проекта. На примере конструирования городского пространства Гомеля эта амбивалентная тенденция получила свое отображение.

В 1996 г. в Гомеле по решению городских властей был установлен памятник российскому государственному канцлеру Николаю Румянцеву. Инициатива по мемориализации данного героя имперской истории не сопровождалась общественным резонансом. Для установки монумента была отведена площадка в нескольких десятках метров от главного входа во дворец Румянцевых и Паскевичей. Скульптура одному из владельцев города, использовавшего самые передовые практики европейского градостроительства для развития Гомеля на переломе XVIII–XIX вв., ознаменовала начало реставрационных работ всего дворцово-паркового комплекса Румянцевых-Паскевичей. Установленный на невысоком постаменте бюст одного из самых предприимчивых российских просветителей олицетворяет собой новую эпоху рационального освоения пространства. Манера исполнения памятника, согласно которой образ графа Николая Румянцева предстает в ипостаси как минимум Колумба (с решительным выражением лица, а также широко развернутой картой «устроительства города»)³, отражает достаточно распространенные стереотипные представления о выдающейся роли российских администраторов в возрождении отсталого в культурно-экономическом смысле Северо-Западного края. Вместе с тем признание весомости вклада Николая Румянцева в развитие Гомеля и его приверженности принципам европейского Просвещения воплотилось в относительно невысоком памятнике. Бюст установлен на приземистом пьедестале, на котором размещен родовой герб графа с девизом NON SOLO ARMIS (не только силой оружия). Чуть ниже фамильного символа рода Румянцевых изображена надпись: «Румянцеву Мікалаю Пятровічу – грамадзяне горада Гомеля»⁴. И текстовое сопровождение памятника, написанное по-белорусски, и указание конкретной географической привязки (граждане Гомеля) свидетельствуют об определенной тенденции визуализации представлений об отдельных российских героях. Эта тенденция вы-

ражается в присвоении белорусской властью как проводником официального политического проекта исключительного права на интерпретацию знаков присутствия «Другого». Памятник владельцу гомельского имения графу Николаю Румянцеву является своеобразным симулякром, призванным воплощать собой общность истоков белорусско-российской государственности. Учредителей памятника интересует не столько «российское» происхождение и имперские представления его прототипа, канцлера Румянцева, сколько приветствуемая идеологами белорусской государственности ипостась «крепкого хозяйственника». Гибридный характер данного места памяти, символизирующего одновременно два дискурса (модифицированный имперский и официальный белорусский), можно объяснить лиминальным состоянием белорусского общества, осуществляющего качественный переход от колониального состояния к самостоятельному субъектному существованию. Как отмечал представитель символической антропологии Виктор Тёрнер, изучение лиминальных стадий наиболее плодотворно с точки зрения появления множества амбивалентных символов. Двусмысленные и неопределенные свойства лиминальности выражаются, считал В. Тёрнер, в «большом разнообразии символов в многочисленных обществах, ритуализирующих социальные и культурные переходы» [20].

Подобные механизмы включения представителей культуры метрополии в официальный политический проект⁵ проявились и в более поздний период. Так, в 2003 г. в Гомеле был воздвигнут памятник «последней хозяйке» города княгине Ирине Паскевич. Меценатка и общественный деятель Ирина Паскевич уделяла большое внимание развитию инфраструктуры города, жертвовала немалые средства на содержание объектов общественного призрения. После большевистского переворота 1917 г. княгиня добровольно отказалась от своего имущества, передав его в распоряжение новой власти. Воздвижение монумента сопровождалось переименованием небольшого участка улицы Первомайская в Ирининскую, что, по всей видимости, должно было символизировать достижение компромисса между двумя ранее несовместимыми идеологиями: ортодоксально-коммунистической и имперской. Выполненная в стиле модерн скульптура, вписывающаяся в окружающий архитектурный антураж, не обладает монументальными чертами. Около памятника расположены скамейки для отдыха горожан, что свидетельствует о желании инициаторов создания скульптуры атмосферы камерности и непринужденности. Характерная особенность установленной на улице Ирининская скульптуры заключается в деперсонифицированном характере данного места памяти. Памятник лишен каких-либо признаков апелляции к его прототипу. Скорее, создателям статуи удалось запечатлеть образ «золотого века» Гомеля, совпавший с периодом российского политического доминирования в XIX в. О привязке мемориала к конкретной личности свидетельствует русскоязычная табличка с надписью «Ирине Ивановне Паскевич – благодарные гомельчане». На данном примере мы наблюдаем ана-

логичную, как и в случае с памятником Н. Румянцеву, технологию помещения героя российского культурного пантеона в условия белорусской постколониальной реальности. Оба памятника материализуют взаимопроникновение имперского и белорусского дискурсов, неожиданно воспроизводя двойственные символические репрезентации, одновременно обладающие признаками различных мировоззренческих систем.

Таким образом, сосуществования различных властных дискурсов в условиях культурного пограничья, на точках пересечения которых возникают семиотические системы, наиболее адекватно отражающие компоненты формирующейся новой белорусской идентичности, – вполне закономерное явление. Созданное административным путем место памяти является дискурсивной практикой, осуществляющей идентификацию субъектов с создаваемой в транскультурном пространстве новой общностью.

Декolonизация постсоветского Севастополя проходила по сценарию столкновения и конфронтации колониального (имперского) и антиколониального (украинского) дискурсов. Носители имперского сознания болезненно восприняли факт суверенизации Украины в 1991 г., в результате которой «город русской военной славы» Севастополь в юридическом смысле перестал иметь отношение к метрополии. Как отмечает российский философ А.К. Шевченко, «национальный семиозис» играет ключевую роль в становлении идентичностей [28]. Важной составляющей любого национального проекта, согласно исследователю, выступают так называемые прецедентные феномены, наличие которых позволяет членам сообщества ощущать свое единство. Исторические события, вокруг которых строятся национальные мифологемы, как раз являются примерами подобных прецедентных феноменов. Если распад СССР, повлекший за собой отделение Севастополя, для граждан РФ – травмирующее событие, то вполне закономерно, что украинцы оценивают данный прецедент с позиции исторической справедливости. О болезненном восприятии пророссийскими жителями Севастополя событий, связанных с обретением Украиной независимости, свидетельствуют практики сакрализации данного города. Нахождение «ордена на груди Европы» в составе украинского государственного образования характеризуется исключительно в эмоциональных категориях «третьей обороны Севастополя» [19]. Из многочисленных текстов, посвященных тематике «освободительной» борьбы великороссов с «очередными оккупантами», следует, что приверженцы русского мира видят себя на передовой цивилизационной борьбы с вероломным Западом. Агентами влияния враждебного англосаксонского мира являются носители украинской идеи. Соответственно, любые попытки обозначить украинское присутствие в пространстве Севастополя наталкиваются на сопротивление русских патриотов. Более того, сами пророссийские жители города стремятся всячески подчеркнуть свое культурное доминирование, учреждая новые места памяти.

Примечательность севастопольской мифологемы заключается в ее комплексности, объединяющей в одно целое как предания о Крымской войне (1853–1856), так и эпос обороны города в годы Второй мировой войны. Наиболее точным воплощением севастопольской мифологемы является формула «Севастополь – город русской военной славы». Основания культа города-героя, по всей видимости, следует искать в дебютных произведениях Льва Толстого из серии «Севастопольские рассказы», повествующих о героизме русских офицеров и солдат во время Крымской войны. Несмотря на то что затеянная российским самодержцем Николаем I военная кампания потерпела фиаско, обнажив структурные проблемы империи, коммеморативный потенциал героического Севастополя снова стал востребованным через полвека. В период русско-японской войны для политической мобилизации населения власть снова использовала миф о стойкости русского солдата, не щадившего живота своего ради командира⁶. Именно в ознаменование 50-летней годовщины Крымской кампании в городе появился известный памятник «Панорама», изображавший сцены героической обороны Севастополя в 1854–1855 гг. В этот же период город обрел свой символ – памятник затопленным кораблям. Вплоть до второй обороны Севастополя, случившейся в 1941–1942 гг., мифологема «непокоренного» русского города была невостребованной.

В 1954 г., во время правления Никиты Хрущева, Крымская область была включена в состав УССР по причине 300-летия даты «воссоединения» России и Украины, а также наличия многочисленных экономических связей с данной советской республикой. Закрытый военный объект, коим являлся Севастополь в последующие несколько десятилетий, имел особый административный статус республиканского подчинения. Только в эпоху холодной войны поднялась вторая волна мемориализации подвигов защитников «неприступного» Севастополя. Правда, создаваемые в данный период места памяти не выносили за рамки подвига советского народа отдельный русский нарратив. Поэтому новой точкой отсчета для воссоздаваемой русской имперской традиции можно считать именно распад СССР в 1991 г.

Уже в первые годы существования независимой Украины вскрылись мировоззренческие противоречия, заложенные в самом русифицированном институте советского общества – армии. Поскольку именно армия являлась основным носителем советской идеологии, то влияние данной структуры на формирование антиукраинских установок жителей закрытого города было во многом определяющим. Период лиминальности советского спровоцировал ситуацию идеологического вакуума, заполнившегося впоследствии реинтерпретированными дореволюционными практиками и имперскими символами. Обновленный нарратив Севастополя – «города русской военной славы» стал наиболее востребованным инструментом в условиях локальной борьбы с украинским дискурсом. О том, насколько радикальный характер обрел локальный

российский политический проект, разворачивавшийся в условиях украинского государства, свидетельствует так называемая война мест памяти.

Как утверждал французский социолог Морис Хальбвакс, групповая память наиболее заметно проявляется в действиях по увековечению [26]. То есть создание группой каких-либо символов либо материальных носителей памяти предопределяется существующими рамками коллективной памяти. Согласно утверждению Мориса Хальбвакса, коллективных памятей существует ровно столько, сколько групп. Разное видение определенных прецедентных событий, влияющих на содержательную часть политических проектов различных групп, может провоцировать конфликты концепций памяти.

В севастопольской ситуации очевидна конкуренция носителей двух типов идентичности: имперской и украинской. Противоположность направленности векторов национальных политических проектов делает невозможным межгрупповой консенсус относительно символов, конструирующих идентичности. В условиях бескомпромиссного противостояния не может идти речи о сближении позиций. Скорее, представители обеих групп будут стремиться всеми возможными средствами лишать друг друга идеологических оснований на сосуществование в одном культурном пространстве. Если на примере с белорусским Гомелем имел место механизм «порабощения», лишения голоса «Другого» путем занесения его в характерную для представителей титульной нации семиотическую систему, то в Севастополе происходит взаимное «стирание» групповых памятей. Самый простой способ устранения опасного соперника, посягающего на самость другого, – это возведение своих мест памяти, чуждых враждебному влиянию. Распад СССР оставил глубокий след в сознании жителей Севастополя. Альтернативой растворению в украинском проекте стало воссоздание новой имперской идентичности, отрицающей право украинцев на проведение самостоятельной политики памяти. Исследователь феномена коммеморативного сознания Пьер Нора считает термин «место памяти» адекватной метафорой, отражающей те элементы коллективной памяти, которые утверждают групповую идентичность [30]. Исходя из предложенной Пьером Нора парадигмы, можно сказать, что местом памяти для той или иной группы могут быть как материальные носители памяти (монументы, архитектурные строения, произведения искусства и т.д.), так и признаваемые всеми членами сообщества образцы духовной культуры (песни, фольклор, обряды и т.д.).

Гимн Севастополя – пример места памяти, подвергающегося интенсивным воздействиям со стороны носителей двух типов противоборствующих идентичностей. Созданная в 1954 г. советским композитором Ванно Мурадели в соавторстве с поэтом Петром Градовым композиция «Легендарный Севастополь» была приурочена к 100-летию первой героической обороны города. Песня содержала рефрен «Севастополь, Севастополь – гордость русских моряков», что исключало по определению возможность вариативного восприятия «национального»

компонента идентичности города. В 1994 г. решением Севастопольского городского совета народных депутатов композиция обрела статус гимна города [10]. В 2006 г. гимн стал очередным украинско-русским камнем преткновения по причине появления украинского варианта текста. Автор новой версии гимна капитан ВМС Украины Мирослав Мамчак не ограничился дословным переводом русского текста, дополнив его основополагающими сюжетами украинской истории: киевским князем Владимиром, крещением Руси, казацкой доблестью и т.д. В завершение всего в украинском варианте не нашлось места упоминанию подвигов русских моряков, что было оценено представителями русской общины Крыма как насмешка.

Второй показательный пример борьбы символических репрезентаций двух политических проектов в пространстве Севастополя – появление памятника русской императрице Екатерине II. Доктрина сторонников идеологии русского мира однозначно указывает на ключевую роль императрицы в основании Севастополя, что, однако, не подтверждается реальными историческими фактами⁷. Очевидное несоответствие фактов не помешало пророссийски настроенным жителям Севастополя инициировать установку памятника Екатерине II в преддверии 225-летия города. Несмотря на прямое противодействие властей, активисты русского блока открыли памятник «учредительнице» города. Установка памятника проходила в непростой политической обстановке⁸. От немедленного демонтажа монумент спасло лишь присутствие нескольких сотен человек: казаков, депутатов городского совета и жителей Севастополя. В последующем этот памятник Екатерине II несколько раз становился объектом нападения неизвестных, из-за чего пророссийские казаки вынуждены были нести подле монумента круглосуточный караул. Ответ городских властей на незаконное самоуправство представителей русской общины был адекватным. В этот же день, 15 июня 2008 г., в Гагаринском районе Севастополя был установлен памятник украинскому гетману Петру Сагайдачному. Важность данного мероприятия подтверждало торжественное обращение президента Украины В. Ющенко, озвученное устами городского руководителя Сергея Куницына. Кроме того, С. Куницын, обращаясь к присутствующим на открытии памятника горожанам, заявил, «что теперь ни у кого не будет сомнений в том, что это украинский город» [7].

Приведенные выше примеры конфронтации на символическом поле следует связывать с возрастанием роли групповых идентичностей проживающих в Севастополе русских и украинцев. Так, исследователь этнополитических процессов мятежа и конфликтов Т. Гэрт отмечает, что нарастание межгрупповой напряженности зависит от трех внешних факторов: 1) остроты ущемленности группы по сравнению с другими группами; 2) степени культурных отличий от других групп, с которыми взаимодействует данная группа; 3) остроты конфликта с другими группами и государством [6]. Севастопольский кейс наводит

на мысль об инспирированном извне дестабилизационном устремлении со стороны бывшей метрополии, пытающейся удовлетворить свои геополитические амбиции путем стимулирования межэтнической напряженности. В частности, так называемая языковая проблема Крыма, озабоченность которой постоянно демонстрируют высокопоставленные российские чиновники, для Севастополя является явно преувеличенной. Исследователи отмечают языковой диспаритет в Крыму в пользу русского языка: «совокупный тираж газет на украинском, крымскотатарском и всех остальных языках составляет всего 5% от общего объема» [21]. Весь остальной объем крымской прессы, как следует из исследования, – это русскоязычные издания. Подобным образом ситуация с украинским языком обстоит в системе образования. Так, 95,6% учеников Крыма получают образование на русском [21]. Следовательно, аргумент о языковой дискриминации русских как самой многочисленной этнической группы, составляющей 58,3% от общей численности жителей Крыма, является манипулятивным. Заострение конфликта со второй по величине этнической группой, которой являются жители полуострова украинского происхождения, возможно разве что в результате какого-либо драматического события. Вместе с тем приближение даты вывода Черноморского флота РФ с территории Крыма в 2017 г. переводит Крым в категорию объекта информационного воздействия. Такое умозаключение подталкивает к пониманию механизма проникновения на идеологическую территорию бывшей колонии имперского дискурса, разрушительного для украинской государственности. С одной стороны, интенсификация ритуалов по увековечению героев российского нарратива обусловлена возрастанием роли групповой идентичности, нуждающейся в наличии собственных мест памяти. С другой стороны, симпатии определенных социальных групп по отношению к российской идеологии могут быть обусловлены целенаправленными действиями бывшей метрополии, стремящейся дезинтегрировать украинское общество. И первый и второй варианты не взаимоисключают друг друга, могут способствовать более успешному продвижению «русских» неоимперских ценностей в белорусском обществе.

Итак, установленный в 2008 г. по инициативе активистов российских националистических организаций севастопольский памятник императрице Екатерине II интересен с точки зрения визуализации колониальных смыслов. Как отмечает белорусский исследователь А. Казакевич, самым поверхностным уровнем рефлексии над подчиненным объектом в рамках колониального дискурса является навязывание ему функциональности для «Другого». То есть колонизированный объект предназначен «предоставлять пространство для деятельности метрополии», быть с ней идеологически связанным [11]. В этом контексте основная функция установленного в Севастополе памятника Екатерине – ретрансляция имперских смыслов. Бронзовый памятник в стиле псевдоклассицизм общей высотой 6,35 м маркирует колониальный статус Севастополя, что выражается

в размещенной в верхней части постамента надписи: «Указ об основании города Севастополя (...) объявляем сим волю НАШУ устроить следующие укрепления: ...Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для перваго ранга кораблей, порт и военное селение. ЕКАТЕРИНА». Анализ данного текстового сообщения раскрывает директивный характер взаимоотношений центра и периферии, в задачи которой входит реализация навязанной сверху воли. Империя, отображенная в монументе Екатерины, дает четкие указания о предназначении будущего поселения. Агрессивное закрепление на новых культурных плацдармах выражается в первоочередности организации военной инфраструктуры (крепость, верфь, порт и военное селение). Ни о каких партнерских и равноправных контактах метрополии и колонии идти речь не может, поскольку через весь текст проходит безусловный и категоричный дискурс царской власти. Еще одна интересная особенность текстового меседжа заключается в игнорировании создателями памятника локального контекста, заданного рамками украинского политического проекта. Фактически авторитарный стиль сообщения на екатерининском памятнике подчеркивает редуцированную субъектность Севастополя, которому отказано в праве на самостоятельность. Таким образом, фатумом несостоявшейся южной столицы империи является вечное пограничное состояние. Севастополь, согласно своей комплексной мифологеме, выполняет роль форпоста империи, стоящего на цивилизационном разломе. Отсюда следует, что идеологема города-стража, охраняющего империю от внешних угроз, не может по определению вписаться в рамки антиимперского украинского политического проекта. Эти смыслы нашли отражение в памятнике русской императрице Екатерине II.

Исследование неоимперских символических репрезентаций в постколониальных условиях Гомеля и Севастополя указывает на различные тенденции в конструировании городских пространств обоих городов. В силу сложившихся отличий в практиках по увековечению культурных героев российского нарратива Гомель и Севастополь представляют собой две разные модели визуализации имперских дискурсов. Так, для белорусского Гомеля характерен механизм занесения выдающихся деятелей империи в разряд транскультурных героев, являющихся достоянием как российского, так и белорусского народа. Такая тенденция обусловлена однонаправленностью векторов неоимперского и официального белорусского политических проектов. На этапе лиминального состояния общества такая стратегия реинтерпретации колониальных смыслов позволяет избежать конфронтационных проявлений. На примере украинского Севастополя можно отметить симптоматику так называемой войны мест памяти. Консервирующие колониальное состояние культурного ландшафта города памятники российским государственным деятелям противоречат антиколониальному по своему содержанию украинскому национальному проекту. По сути, в Севастополе происходит становление локального российского контрпроекта,

стремящегося делегитимизировать украинское присутствие в городе «русской военной славы».

Литература

1. Бабкоў І. Посткаляніяльныя досьведы // Беларускі калегіум [электронны ресурс]. Режим доступа: <http://baj.by/belkalehium/lekcyji/litaratura/postcolonial/babkou_01.htm>. Дата обращения: 08.09.2009.
2. Бабкоў І. Этыка памежжа: транскультурнасьць як беларускі досьвед // Фрагменты [электронны ресурс]. Режим доступа: <<http://knihi.com/frahmenty/6babkow2.htm>>. Дата обращения: 13.10.2009.
3. Беззубова О.В. Рецепция «постсоветского» в дискурсе повседневности // Антропология [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/bezzubova/postsoviet_10.html>. Дата обращения: 05.11.2009.
4. Вортман Ричард. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Энциклопедия культур [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/o/Official_Nation.html>. Дата обращения: 08.09.2009.
5. Гайятри Чакраворти Спивак. Могут ли угнетенные говорить? Введение в гендерные исследования // Belintellectuals: інтэлектуальная супольнасьць Беларусі [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://belintellectuals.eu/library/book/31>>. Дата обращения: 14.11.2009.
6. Гэрт Т. Почему меньшинства восстают. Объяснение этнополитического протеста и мятежа // Хрестоматия / Автор-составитель – д-р ист. наук А. А. Праздускас. М., 2000. С. 244–256.
7. В Севастополе открыт памятник гетману Сагайдачному // Вэб-сайт: [электронный ресурс] / УНІАН: украинское информационное агентство. – Режим доступа: <<http://www.unian.net/rus/news/news-256623.html>>. Дата обращения: 23.07.2009.
8. Дульман П. Она же памятник // Российская газета в мире [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.rg.ru/2008/06/16/pamyatnik.html>>. Дата обращения: 17.10.2009.
9. Живов В. О превратностях истории или о незавершенности исторических парадигм // Энциклопедия культур [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.net/o/Official_Nation-2.html>. Дата обращения: 08.09.2009.
10. Иванов В. История создания Гимна города-героя Севастополя // Отстоим Севастополь. Народный фронт [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://sev-front.ru/news.php?id=112>>. Дата обращения: 17.10.2009.
11. Казакевіч А. Пра калёнію // Belintellectuals: інтэлектуальная супольнасьць Беларусі [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://belintellectuals.eu/library/book/261/>>. Дата обращения: 07.01.2010.
12. К’эсэў А. Самакалянізаваньня культуры // Фрагменты [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://knihi.com/frahmenty/6kjosew.htm>>. Дата обращения: 13.10.2009.
13. Морозов В. Архитектура Гомеля графа Н.П. Румянцева в контексте развития европейского зодчества конца XVIII – начала XIX в. // Гомельский дворцово-парковый ансамбль [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.palacegomel.by/engine/print.php?newsid=209>>. Дата обращения: 09.11.2009.

14. Нора П. Всемирное торжество памяти // Журнальный зал: неприкосновенный запас [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>>. Дата обращения: 12.11.2009.
15. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
16. Рикёр П. Память, история, забвение // Библиотека ГУМЕР [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/index.php>. Дата обращения: 07.06.2009.
17. Рогалев А.Ф. От Гомеюка до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 1993.
18. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский мир, 2006.
19. Табачник Д. Третья оборона Севастополя. Марионеточный режим уничтожает город русско-украинского единства // ИноСМИ.ру [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.inosmi.ru/world/20080630/242272.html>>. Дата обращения: 17.10.2009.
20. Тёрнер В. Ритуальный процесс // Фонд «общественное мнение» [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://club.fom.ru/182/271/411/library.html>>. Дата обращения: 13.10.2009.
21. Тищенко Ю. Крымская ситуация и «Южноосетинский синдром». Возможные конфликты в Крыму: между реалиями и манипуляциями // Русский вопрос [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.russkiivopros.com/index.php?pag=one&id=253&kat=6&cs1=39>>. Дата обращения: 15.10.2009.
22. Усманова А. Между искусствоведением и социологией: к вопросу о предмете и методе «визуальных исследований» // Belintellectuals: інтелектуальна супольнасць Беларусі [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belintellectuals.eu/media/library/artsociology_ousmanova.doc>. Дата обращения: 13.12.2009.
23. Усольцев В.С. Фома Фомич Мекензи. Севастополь: Арт-Принт, 2001.
24. Фуко М. Что такое Просвещение? // Библиотека ГУМЕР [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_18.php>. Дата обращения: 14.08.2009.
25. Фурс У. Структурныя прынцыпы альтэрнатыўнага нацыятварэння // ARCHE [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://arche.by/by/8/10/121/>>. Дата обращения: 23.10.2009.
26. Хальбваск М. Коллективная и историческая память // Журнальный зал: неприкосновенный запас [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>>. Дата обращения: 18.11.2009.
27. Хаттон П.Х. История как искусство памяти // Библиотека ГУМЕР [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/index.php>. Дата обращения: 18.12.2009.
28. Шевченко А. Знаково-символические аспекты «национального проекта» РФ и возможности их использования при формировании новой украинской идентичности // Диалог UA [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=7753>. Дата обращения: 17.10.2009.
29. Ярашэвіч А. Палітычныя праекты адраджэння Рэчы Паспалітай і Вялікага Княства Літоўскага ў палітыцы расейскага царызму напярэдадні вайны 1812 г. // Манархія

[электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.manarchija.org/comment/reply/110#comment-form>>. Дата обращения: 19.10.2009.

30. Nora Pierre, Schwan Gesine, Traba Robert. Czy Europa istnieje? // Gazeta wyborcza [электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://wyborcza.pl/1,76842,4381316.html>>. Дата обращения: 12.12.2009.

Примечания

- ¹ Когда империя исчезнет, как дым, где будешь ты и с кем? Группа «Ulis» (пер. с бел.).
- ² В известном тексте «Могут ли угнетенные говорить» Гайятри Спивак деконструирует теорию Субъекта, которой оперируют в том числе представители радикальной философской критики М. Фуко и Ж. Делёз. В частности, Гайятри Спивак утверждает, что сама радикальная критика является «результатом любопытного стремления к консервации субъекта [метафизики] Запада или Запада как Субъекта» [5].
- ³ Сравнение графа Николая Румянцева с первооткрывателем Америки Христофором Колумбом приводится не впервые. Например, в книге «Колумбы Российских древностей» авторства В. Козлова, изданной в 1981 году в Москве, владельцу Гомеля отводится достаточно много места.
- ⁴ Румянцеву Николаю Петровичу – граждане города Гомеля (пер. с бел.).
- ⁵ Основные постулаты официального политического проекта отражены в идеологии белорусского государства, закрепляющей в массовом сознании советские ценности: коллективизм, социальную справедливость, патерналистские установки, государственный патриотизм.
- ⁶ Широко известен подвиг матроса-героя Крымской войны Гната Шевченко, прикрывшего своим телом от штуцерной пули лейтенанта Бирилева.
- ⁷ Энциклопедические справочники, а также биографические исследования подают информацию, что инициатива строительства нового города в Ахтиарской бухте в 1783 году принадлежала Фоме Фомичу Мекензи (шотландцу Томасу Мак-кензи) [23, 23].
- ⁸ Журналист «Российской газеты в мире» Павел Дульман отмечал: «Из-за трений между мэром Севастополя и депутатами горсовета мероприятие получилось едва ли не конспиративным. Белое покрывало сняли с памятника утром, в половину восьмого по местному времени» [8].

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АВАРИИ НА ЧЕТВЕРТОМ ЭНЕРГБЛОКЕ ЧАЭС

Abstract

The article analyzes the socio-political conditions at the time of the of the accident at the 4th unit of Chernobyl nuclear power plant: trying to save on safety during the design of reactors for nuclear power plants and development of nuclear energy; top-down management style of the totalitarian state; opposition of the industry leadership to the criticism and alternative views from the experts; formation of negligence and paternalistic attitudes in society; pressure on the station employees to build up energy production.

После аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции прошло почти четверть века. С годами стало понятным, что событие, произошедшее 26 апреля 1986 г., по масштабам его последствий является крупнейшей техногенной катастрофой в истории человечества. Необходимость изучения ее уроков очевидна. Однако эти уроки вытекают не только из самой аварии, переросшей в гуманитарную катастрофу для отдельных регионов, но и из общественно-политических предпосылок, породивших технические проблемы, спровоцировавшие ее. Вниманию читателя предлагается практически первая в историографии попытка осмысления этих предпосылок.

Общественное развитие во второй половине XX столетия в СССР характеризовалось множеством различных процессов, в том числе таким, получившим далеко неоднозначную оценку, как бурное развитие ядерной физики, достижения которой использовались и в военных, и в мирных целях не только в СССР, но и во всем мире. Очевидно, что за

последние десятилетия отношение к этой отрасли научно-технического прогресса и результатам ее воплощения в хозяйственную жизнь кардинально изменилось и стало в значительной степени негативным, однако был в истории советского государства период, когда ее пропагандистской машиной среди широких слоев населения насаждалось чувство уверенности и абсолютной исключительности тех достижений. Предметом гордости, в частности, было введение в эксплуатацию в 1954 г. Обнинской атомной электростанции (ныне в Российской Федерации), которая стала первой в мире опытной промышленной АЭС мощностью 5 тыс. кВт. Лишь через два года, в 1956 г., была введена в эксплуатацию первая АЭС в Великобритании и еще через год – в США¹.

Поскольку с 70-х гг. XX столетия почти все технологически развитые страны мира ориентировали свои национальные программы развития ядерной энергетики на определенный тип АЭС, на сегодня в мире разработано около десятка основных типов энергетических реакторов. В США, например, основными являются АЭС с водоводяными реакторами с водой под давлением и кипящие реакторы, в Канаде – АЭС с реакторами на тяжелом водороде и т.д. Все эти реакторы – с высоким уровнем безопасности. СССР же пошел другим путем – путем экономии именно на безопасности.

Строительство Чернобыльской АЭС началось в 1970 г.² в специфических условиях, характеристика которым была дана позже, уже после аварии, на заседании Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС от 16 марта 1987 г. Рассматривая ход работ по созданию безопасных ядерных реакторов нового поколения, специалисты отрасли, докладывая главной партийной структуре государства, отмечали, что в большинстве стран в атомной энергетике первоочередное внимание уделялось всестороннему обоснованию концепции ее безопасного развития. При этом проводился детальный анализ проектов действующих и перспективных ядерных парогенерирующих установок, разрабатывались меры по повышению их надежности, форсированно обеспечивались необходимые научно-исследовательские и конструкторские работы. Все это позволило подойти к созданию принципиально новых установок, которые благодаря своим физическим и теплотехническим характеристикам имели высокий уровень безопасности. Как отмечалось в документе, в СССР аналогичный анализ не проводился и на 1987 г. план разработок выполнен не был. Попытки организовать такую работу носили разовый и односторонний характер. Отсутствовала отраслевая программа в этой области. Не соответствовала современным требованиям экспериментальная база научных, конструкторских и проектных организаций. Отмечалось, что переходить к серийному строительству атомных станций нового поколения необходимо лишь после тщательного доведения их проектов и оборудования. Небрежное отношение к этому требованию привело к тому, что в 1987 г. были введены в эксплуатацию энергоблоки с ректорами ВВЭР-1000, проекты которых требовали срочной доработки³.

Такой была ситуация и после аварии на ЧАЭС, а до 1986 г. она была еще хуже.

При строительстве ЧАЭС был использован реактор конструкции РБМК-1000 (реактор большой мощности канальный). Разработчики этого реактора высоко оценивали положительные моменты своего детища, отмечая существенные преимущества канальных реакторов перед корпусными (ВВЭР). Вместе с тем авторы РБМК отмечали, что уран-графитовые реакторы имеют определенные недостатки, в частности высокую материал- и трудоемкость при строительстве и монтаже, для них необходим больший объем главного корпуса. При этом в ходе анализа качеств РБМК его авторы даже не упоминают о вопросах надежности и уровне его безопасности⁴.

В целом отношение к вопросам безопасности РБМК-1000 было в доаварийное время достаточно легкомысленным. «Реакторы не взрываются», «РБМК – это самовар», «АЭС с РБМК можно ставить в центре города» – таковы официальные оценки энергетического гиганта. А в это же время существовало и другое видение особенностей этого реактора. О возможностях аварии на РБМК, а, следовательно, и на ЧАЭС, из-за недостатков его конструкции предостерегал за 11 лет до аварии советский физик Иван Жежерун – бывший сотрудник Института атомной энергии им. Курчатова, которого за подобное понимание «достижений советской науки» выдавили из коллектива, объявив психически неадекватным человеком⁵.

Однако, невзирая на неприятие на государственном уровне альтернативных точек зрения на конструктивные особенности РБМК, узковедомственный подход, закрытость для критики государственных и научных структур, призванных решать проблемы качества и безопасности атомной энергетики, отдельные специалисты отрасли продолжали трезвый анализ и осмысление проблемы. Так, в 1985 г. инспектором Госатомэнергонадзора СССР на Курской АЭС А.А. Ядрихинским была подготовлена работа «Ядерная безопасность реакторов РБМК», которую он направил в высшие руководящие инстанции отрасли. В ней излагались опасные моменты, которые могли возникнуть в ходе эксплуатации РБМК-1000 в связи с их конструктивными и технологическими особенностями. Основным вывод этой работы: «В проектных документах и официальных отчетах Научного руководителя и Главного конструктора отсутствует достаточно ясное обоснование состояния ядерной безопасности реакторов РБМК»⁶.

Советский Союз реализовывал свою ядерную программу, в частности программу развития атомной энергетики, являясь членом мирового сообщества ядерных держав. В 1957 г. решением Генеральной Ассамблеи ООН было создано Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) – первая и единственная в мире международная организация по вопросам мирного использования атомной энергии. Основная ее уставная задача – достижение быстрого и широкого использования атомной энергии. Тем не менее МАГАТЭ и возглавляющий ее Ханс Бликс, руководствуясь отраслевым патриотизмом и ведом-

ственной заинтересованностью в оценке аварии и ее возможных последствий, сыграли крайне негативную роль в судьбе пострадавшего населения.

Как уже отмечалось, в СССР для АЭС первого поколения использовались уран-графитовые реакторы канального типа, в которых почти вся энергия, которая освобождается при делении ядер, преобразовывалась в тепловую, а затем – в электрическую. Генеральным проектировщиком Чернобыльской атомной электростанции был институт «Гидропроект» (что не может не вызывать удивления: неужели гидро-, атомные электростанции схожи в проектировании?!), главным конструктором реакторной установки – Научно-исследовательский конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ), а научным руководителем разработки – Институт атомной энергии им. Курчатова. Строительство и монтаж четвертого энергоблока ЧАЭС находились в ведении Минэнерго СССР, оно же и эксплуатировало станцию, которая состояла из первой и второй очередей (по два энергоблока), объединенных общим вентиляционным блоком и блоком вспомогательных систем реакторного оборудования (ВСПО) под одной крышей. Специалисты отмечали, что компоновка второй очереди станции, в которую входил и печально известный четвертый энергоблок ЧАЭС, авторами проекта была выполнена принципиально другой по сравнению с компоновкой первой очереди станции и аналогичных блоков других АЭС⁷.

Такие же как и на ЧАЭС, РБМК действовали (и работают до сих пор после многих реконструкций) на Ленинградской, Курской, Смоленской и Игналинской АЭС. По данным на начало 1995 г., только в России действовало 15 энергоблоков с реакторами этого типа и планировалось строительство еще одного⁸.

В связи с тем что в мировой атомной энергетике выбор был сделан в пользу других типов реактора, возникает вопрос: почему в СССР именно РБМК был активно использован? Отвечая на него, специалисты в первую очередь подчеркивают, что уран-графитовые системы с водяным охлаждением – самые простые и технологически доступные. Безусловно, РБМК, или, как его называли разработчики, «советский национальный тип реактора», имел свои плюсы, которые высоко оценивались в условиях советской модели развития экономики, а именно достижение максимального эффекта при минимальных вложениях. Для него можно было, например, использовать менее обогащенное топливо, что экономически выгодно. Можно, не останавливая реактор, перезагружать тепловыделяющие сборки (ТВС). У него нет тяжелого корпуса, что при его строительстве, по словам бывшего председателя Госкомитета по использованию атомной энергии СССР А.М. Петросьянца, освобождает заводы тяжелого машиностроения от изготовления стальных изделий массой до 200–500 тонн⁹. Отсутствие стального защитного корпуса воспринималось специалистами как большое преимущество этого реактора еще и потому, что снимало ограничения на мощность отдельного блока. Считалось, что можно стандартизировать его секции, формировать, словно из кубиков, реакторы практически любой мощности. И этот подход

начал воплощаться в жизнь. Был разработан проект реактора, в 2–4 раза более мощного, чем чернобыльский, шла работа над проектом реактора, в 4–8 раз более мощного. К счастью, эти проекты остались нереализованными¹⁰. Однако погоня за экономической выгодой и внешней упрощенностью имела и свою обратную сторону: отсутствие единого корпуса – это отсутствие дополнительной преграды на пути выброса радионуклидов при аварии. Гигантомания при разработке этого реактора привела к тому, что активная зона современного РБМК имеет внушительные размеры: ее диаметр составляет 12 метров, а высота – 7¹¹, что исключает возможность строительства внешней защитной оболочки, без которой в мире не строится практически ни один мощный реактор.

Имела свою негативную сторону и другая, казалось бы, положительная черта РБМК – возможность использовать менее обогащенное топливо, в частности полученное после регенерации (восстановления) отработанных твэлов с электростанций, работающих на водородных энергетических реакторах (ВВЭР). В силу физических особенностей конструкции эксплуатационные выбросы радиоактивных благородных газов РБМК почти в 40 раз большие, чем у ВВЭР¹².

В свете вышеизложенного актуальной остается мысль, высказанная специалистами, что ни один из известных промышленных объектов не имеет идеальных характеристик. Создание и эксплуатация промышленного сооружения, к которым относится и атомная электростанция, всегда происходит в соревновании между достижением желаемого эффекта и средствами на его достижение. В далекой перспективе такое соревнование часто приносит вред. Экономия на исследованиях по безопасности и на средствах безопасности в проекте АЭС с реактором типа РБМК и привела к глобальным последствиям апреля 1986 г.¹³

Однако у государственных и отраслевых руководителей наивысшего уровня конца 70-х – начала 80-х гг. XX столетия не возникало сомнений в безопасности достижений научно-технического прогресса. Именно поэтому еще до аварии на ЧАЭС Минэнерго СССР ставило перед Советом Министров УССР вопрос о необходимости строительства второй очереди Чернобыльской атомной электростанции на расстоянии всего 11 км от существующей. Естественно, после событий 1986 г. эта идея в Украине категорически отменялась. Однако формальным поводом для отказа стало то, что проектирование новых атомных электростанций Минэнерго СССР осуществляет без утвержденной перспективной схемы размещения атомных электростанций, которая учитывала бы весь комплекс эколого-экономических вопросов, связанных с развитием ядерной энергетики.

В справке Академии наук Украины о предполагаемом строительстве Чернобыльской АЭС-II в Киевской области приведен целый комплекс аргументов против этого проекта. В ней, в частности, идет речь о напряженной водохозяйственной ситуации, сложившейся в бассейне р. Днепр. Указывалось также, что размещение станции в этом районе требовало уничтожения около 3,5 тыс. гектаров лесных насаждений, а строительство пруда-охладителя площадью около

3 тыс. га могло вызвать подтопление, в том числе и мелиорированных земель. Кроме того, подчеркивалось, что размещение новой станции предусматривалось именно в том районе, где уже был излишек производимой электроэнергии, а в мировой практике строительства АЭС на то время не было случая возведения более четырех энергоблоков на одной площадке. После ряда аргументов в документе делался вывод о крайней нежелательности строительства ЧАЭС-II и недопустимости проведения такого эксперимента вблизи города-миллионника Киева. Примечательно, что этот документ датирован мартом 1986 г., а зарегистрирован в общем отделе Управления делами Совета Министров УССР 29 мая, что воспринимается как свидетельство попыток сопротивления украинских специалистов тому курсу развития атомной энергетики, который насаждался волевым путем из центральных органов власти¹⁴.

Важной составляющей общественно-политических предпосылок событий на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 г. является производственная жизнь коллектива, который начал год с большими надеждами. На большой мощности работали четыре энергоблока первой и второй очередей, завершалось строительство третьей очереди (блоки 5 и 6 с реакторами РБМК-1000), началось сооружение четвертой очереди (блоки 6 и 7 с реакторами РБМК-1500). Скоро станция должна была стать самой мощной в мире.

Однако эксплуатационников волновали блоки 3 и 4, которые по производству электроэнергии отставали от блоков первой очереди. Задачу поднять энергопроизводство до намеченного уровня решить не удавалось. Очевидно, именно по этой причине Министерством было решено провести на блоке № 4 эксперимент, связанный именно с проблемой роста энерговыделения в активной зоне без изменения параметров блока. Это был сугубо физический эксперимент в самом реакторе, поэтому в существующей и функционирующей системе все данные о нем относились к категории тайных. Подобное состояние вещей в отрасли было абсолютно обычным и нормальным и не вызывало никаких возражений.

В связи с тем что блок № 4 в конце апреля останавливался на плановый средний ремонт, подготовку и проведение работ в активной зоне привязали к этому событию¹⁵.

1 апреля 1986 г., когда блок № 4 работал на проектной мощности 104,7% и номинальной 102,6%, началась подготовка к эксперименту в активной зоне (АЗ). Фактические данные о перезагрузке топлива в реакторе и изменении параметров активной зоны на протяжении 1–23 апреля позволили техническим экспертам установить цель эксперимента и методы его проведения. Они посчитали, что подготовка закончилась 23 апреля, когда мощность составила 102% номинальной, а параметры АЗ соответствовали программе эксперимента. В тот же день из Москвы на ЧАЭС прибыла группа ученых для проведения именно этого эксперимента. Имея дело с засекреченными работами, специалисты находились

на станции инкогнито, общаясь с ограниченным кругом людей из персонала. Тем не менее в опубликованных в 1998 г. в Москве воспоминаниях сотрудники Института им. Курчатова рассказали, кто именно и когда прибыл на станцию, где жил, что делал, когда выехал¹⁶. Этот факт опровергает официальное утверждение о том, что персонал не согласовал свои действия с разработчиками реактора. Разработчики находились на ЧАЭС и не позволили бы персоналу что-то делать без их ведома.

Однако станция не была готова к остановке блока № 4 и проведению эксперимента и испытания 25 апреля. Не все участники работ прибыли на станцию, не все технические вопросы были решены. Директор станции В.П. Брюханов¹⁷ два дня убеждал Министерство, предлагая перенести остановку блока № 4¹⁸. Но важность эксперимента в АЗ перевесила: 24 апреля он подписал приказ, который не успели даже вовремя напечатать¹⁹.

Выводы о том, насколько обоснованы претензии к директору и коллективу станции в связи с аварией на четвертом энергоблоке, можно сделать на основании работы экспертов по анализу проектной документации второй очереди Чернобыльской АЭС. Анализ показал, что в создании надежной высокоэффективной максимально автоматизированной системы управления энергоблоками АЭС, оснащенных РБМК, были серьезные недостатки. Говорить о высокой надежности общей системы управления энергоблоками сложно, объем автоматизированных процессов управления был чрезвычайно низок. ОПБ-88 (Общие положения обеспечения безопасности атомных станций) определяют требования к системам контроля и управления блоком АС следующим образом: она должна быть построена так, чтобы обеспечивать наиболее благоприятные условия для принятия оперативным персоналом правильных решений по управлению АС, сводить к минимуму возможность принятия неправильных решений²⁰. То есть важнейшим отраслевым нормативным документом главная функция управления – принятие решений – делегирована персоналу с введением понятия «минимум неправильных решений». Таким образом, разработчики принципов управления блоком и его безопасностью, очевидно, сами того не желая, возложили вину на персонал в экстремальной ситуации.

Подводя некоторые общие итоги анализа общественно-политических предпосылок, породивших технические проблемы, которые в конечном итоге привели к крупнейшей техногенной катастрофе XX столетия, необходимо в первую очередь говорить о функционировании тоталитарной политической системы в СССР, породившей абсолютную власть и идеологический монополизм центра. Игнорирование альтернативных идей, знаний, предложений и мыслей, присущее тоталитарной системе, формировало уверенность в абсолютной правоте одних и безразличие других, понимавших невозможность оказать влияние на ту или иную ситуацию. Логичной составляющей в этой цепочке было формирование небрежности и патерналистских настроений в обществе. Экстрапо-

ляция подобных настроений и отношения ко всем компонентам общественной и производственной жизни на такую сложную и опасную проблему, которой было и остается развитие атомной науки и техники, и в частности атомной энергетики, обусловила конструктивные и технологические недоработки при проектировании и строительстве АЭС с РБМК, недоработки в ходе подготовки нормативной документации, определенные недостатки в подготовке эксплуатационного персонала, которые в своей совокупности и предопределили аварию на четвертом энергоблоке ЧАЭС.

Фактически материал по проблеме, который стал доступным в последние годы, дает основания и для более частных выводов. В первую очередь приходится говорить о чрезвычайной закрытости атомной науки и практики, ведомственном монополизме на истину, неприятии критики и альтернативных точек зрения. Понятно, что судить о проблемах отрасли должны специалисты, но и в их среде существуют дискуссии и не всегда, как показал печальный опыт ЧАЭС, большинство право. Следующий вывод может показаться банальным, но: атомной энергетикой должны заниматься только специалисты. На ЧАЭС же проектировщиками были специалисты по гидросооружениям; строительство, монтаж и эксплуатация были возложены на Минэнерго СССР, которое занималось тепловыми и гидроэлектростанциями. Эксперименты в ходе проектирования первой и второй очередей, гигантомания и погоня за экономической выгодой в ущерб безопасности, разделение функций между различными звеньями процесса проектирования, строительства и эксплуатации в такой сложнейшей отрасли, как атомная энергетика, и многое другое требуют внимательного изучения, так как привели к эпохальному событию, последствия которого человечество еще долго будет ощущать.

Примечания

- ¹ Ядерная энциклопедия. М., 1996. С. 193.
- ² Ее первая очередь (блоки 1 и 2) была введена в эксплуатацию в 1977–1978 гг., а вторая (блоки 3 и 4) – в 1981–1983 гг.
- ³ См.: Ярошинская Алла. Чернобыль. Совершенно секретно. М., 1992. С. 540–541.
- ⁴ Доллежалъ Н.А., Емельянов И.А. Канальный ядерный энергетический реактор. М., 1980.
- ⁵ Shabad Steven. Regional Report: The Soviet Union-Still at Risk? // World Press Review. 1988. 10.01.
- ⁶ См.: Чернобыльська трагедія. Документи і матеріали. К., 1996. С. 58–59.
- ⁷ Беляев И.А. Бетон марки «Средмаш». М., 1996. С. 14.
- ⁸ Ядерная энциклопедия. С. 194.
- ⁹ Цит. по: Львов Г. Чернобыль: анатомия взрыва // Наука и жизнь. 1989. № 12. С. 9.
- ¹⁰ Там же. С. 10.
- ¹¹ Ядерная энциклопедия. С. 194.
- ¹² Наука и жизнь. 1989. № 12. С. 10.

- ¹³ См.: Всесторонняя оценка рисков вследствие аварии на ЧАЭС // Общее издание Украинского научно-технологического центра и Украинского радиологического учебного центра. 1998. С. 2–2.
- ¹⁴ Правительствоный архив Украины, ф. Р–2. оп.15, спр. 218, стр. 48–49.
- ¹⁵ См. док. № 51, 53 в кн.: Чорнобильська трагедія. Документи і матеріали. С. 74–77, 78.
- ¹⁶ Москва – Чернобилю. М., 1998. Кн.. 1. С. 518, 529.
- ¹⁷ После аварии в адрес В.П. Брюханова прозвучало много обвинений. Не отстал от традиции активной поддержки официальной линии и бывший его коллега Г. Медведев в своей «Чернобыльской тетради». Однако до аварии в своей повести «Экспертиза» он писал о Брюханове: «Директор Чернобыльской АЭС, мой старый добрый друг, мой бывший начальник и коллега. Он умел в каких-либо обстоятельствах максимально собраться и выдать, словно мощнейшая ЭВМ, единое правильное решение».
- ¹⁸ Брюханов В.П. Искупление чужих грехов // Комсомольская правда. 2000. 26 апреля; интервью в газ. «Факты», 2000, 18 октября.
- ¹⁹ См. док. № 51. Чорнобильська трагедія. Документи і матеріали. С. 74–77.
- ²⁰ ОПБ-88. Общие положения обеспечения безопасности атомных станций. ПН АЭГ-1-011-89. Розділ 4.4., п. 4.4.10.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ЧЕРНОБЫЛЯ: ЛАБОРАТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Abstract

This article deals with the scientific interpretations of the Chernobyl disaster aftermath, which divide the scientific community in Belarus into different camps. As the Chernobyl policy in Belarus is based on integrated and complex scientific knowledge, the «production of scientific knowledge» in its turn is a set of institutions, laboratories, expert groups and research projects generating legitimate knowledge of the consequences of the Chernobyl disaster, applicable for new measures of Chernobyl policy, as well as to confirm already taken measures in the same area.

Scientific knowledge is produced within a paradigm or constructs a new paradigm. Scientists working on Chernobyl aftereffects in different fields (biology, chemistry, physics, and etc.) tend to explore the impact of radiation exposure on the human health and whether (and under which conditions) it is possible to live on the contaminated areas.

This article introduces and analyzes two types of scientific discourse within the Chernobyl policy in Belarus. The “humane” discourse uses the term of “acceptability and irreversibility” of the radiation after-effects, while “anthropogenic” scientific discourse uses the notion of “safety and reversibility” of Chernobyl radioactive consequences. These conventional scientific paradigms are related to the effects of radiation doses: the story-line of “humane” discourse argues that each, even the small one, radiation dose is dangerous for human organism and has implications for the safe living. The story-line of the “anthropogenic” scientific discourse argues that the relatively small (liminal, normalized) radiation doses can be safe for human activity in certain conditions.

Основные понятия.

Гуманный дискурс – дискурс научных дискуссий и концепций влияния последствий чернобыльской катастрофы на человека и окружающую среду, основанный на гипотезе приемлемого риска и беспорогового влияния радиации на здоровье человека.

Техногенный дискурс – дискурс научных дискуссий и концепций влияния последствий чернобыльской катастрофы на человека и окружающую среду, основанный на гипотезе дозового влияния радиации на здоровье человека и возможного проживания на территориях с повышенным уровнем радиоактивного загрязнения.

Введение

Чернобыльская катастрофа 26 апреля 1986 г., ее долгосрочные радиэкологические последствия спровоцировали не только новые угрозы для окружающей среды и здоровья людей, обусловленные радиоактивным загрязнением, но и новые угрозы для развития науки – как способа мышления, так и совокупности знаний и институтов, их производящих. Неопределенность, противоречивость и неполнота знания о Чернобыле стали дополнительным источником тревоги и риска. Знание о *Чернобыле* до сих пор остается источником риска, на котором строилась государственная политика по ликвидации последствий на ЧАЭС в БССР и строится в Беларуси на современном этапе.

С момента аварии и до настоящего времени на территории Беларуси реализуется чернобыльская политика – государственная политика по ликвидации, преодолению и минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС. Однако следует отметить, что данная политика основывается на специфическом знании, техническом, медицинском, биологическом и гуманитарном. Иначе говоря, научные институты и ученые, занимающиеся исследованием последствий катастрофы на ЧАЭС, в частности влиянием радиации, выступают акторами чернобыльской политики, потому что знание, которое они производят, служит основой политических практик конструирования постчернобыльской реальности. Изучение практик производства «чернобыльского знания», или знания о последствиях катастрофы на ЧАЭС, является частью исследования чернобыльской политики. Как и каким образом катастрофа на ЧАЭС, и в частности ее последствия, была опосредована (*manage*) различными учеными и научными институтами, научные решения которых легли в основу политики ликвидации, преодоления и минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС сначала в период СССР и БССР, а затем и в период Республики Беларусь?

Формирование направлений и приоритетов чернобыльской политики зависело от того, как и каким образом понимались последствия катастрофы, как определялись проблемы, которые данная политика призвана была разрешить.

Поэтому на разных этапах чернобыльская политика определялась и осуществлялась по-разному в зависимости от того, какие акторы имели возможность влияния на определение того, что такое «Чернобыль». Для того чтобы отследить формирование и проанализировать проявления различных концепций Чернобыля в чернобыльской политике, необходимо обратить внимание на то, как и каким образом Чернобыль начал появляться в дискурсе публичных акторов, а именно различных ученых и научных институтов. Необходимо показать, как формируются концепции чернобыльской политики, мобилизующие различные научные дискурсы.

В контексте социологии знания

Ульрих Бек в своей книге «Общество риска. На пути к другому модерну» (1986) рисует картину нового общества, в котором индивид вынужден самостоятельно выстраивать защиту и бороться против неопределенности. Современная наука становится областью множества мнений и суждений, где каждый может найти свое, ему подходящее объяснение, где экспертное знание, долгое время монополизировавшее поле «неизвестного», становится противоречивым и производит еще большую ситуацию неуверенности и неопределенности. Наука, претендовавшая на объяснение реальности и подчинение окружающего мира природных явлений, сама превращается в комплексное явление, подверженное влиянию многочисленных социальных акторов – медиа, политики, протестных движений – и требующее всестороннего объяснения.

Таким образом, по мнению Бека, на смену ощущению безопасности и защищенности приходит чувство опасности, тревоги и страха. Нельзя сказать, что данные настроения отсутствовали в индустриальном обществе, они носили скорее латентный характер. Говоря о переходе от «старого» к «новому» модерну, Бек указывает на обострение восприятия опасности, преодоление латентности и усложнение действий акторов модернизации.

Бек описывает новую реальность, используя термины «опасность» и «угроза», чтобы передать эмоциональную составляющую нового, другого модерна, где страх и тревога в социальной реальности выходят на первый план. Ощущение страха и тревоги Бек сводит к категории «риска», которая определяет или может определить как состояние индивида в политическом, социальном и природном окружении, так и отношение к нему. Опасность, согласно Беку, становится все менее предсказуемой, потому что, как ни странно, заключена в самой структуре знания. Хотя «новые угрозы выражаются на языке химических формул, биологических взаимосвязей и медико-диагностических понятий» (Бек, 2000, с. 34), не само знание порождает опасность, а знание о незнании полных последствий того или иного феномена, чаще всего самой наукой и произведенного. Именно поэтому в данном случае Бек говорит не о реальной угрозе, конкретной, матери-

ально выраженной, а о «грозящей возможности» того, что когда-нибудь обязательно произойдет.

Немецкий философ Гюнтер Андерс (Anders, 1986, ed. 2006) отмечает, что в современном обществе риск и опасность заключаются вовсе не в преодолении латентности опасности, а в осознании того, что эта опасность может быть или есть невидима, т.е. она не поддается ни визуальному, ни чувственному осмыслению. В этом и состоит опасность нового модерна: уменьшение значимости чувственного (как контакта с внешней средой) и социального опыта индивида (Бек, 2000, с. 36). Таким образом, Бек ставит под сомнение научную рациональность, подтверждая это тезисом о «демократизации естественных наук», которые научились учитывать некоторое право общества на выражение собственного мнения. В данном случае, по Беку, научная рациональность выступает как легитимное прикрытие научно-технического прогресса.

Согласно концепции «общества риска» Бека, развитие науки приводит к производству не только нового знания, но и новой неуверенности и непредсказуемости, которые не поддаются подсчету и вероятности – инструментов, заложенных в самой науке. Однако данный подход, согласно Borráz имеет существенные недостатки: сложность эмпирического подтверждения, а также трудность в изучении таких аспектов, как проявление риска в практиках и дискурсах (Borráz, 2008, p. 11). Borráz предлагает рассматривать трансформирующееся понятие риска как «результат процесса наделения качеством, способствующий уменьшению неуверенности и неопределенности, которые окружают деятельность, химическое вещество или промышленный объект» (Ibid, p. 13). Таким образом, разделяя два процесса, придавая риску количественное (quantification) и качественное (qualification) значения, Borráz предлагает исследовать не только сами риски, но и изучать процессы создания рисков, а именно социальное и политическое конструирование рисков.

Риск в современном обществе определяется степенью знания или представления о том, какую опасность или угрозу несет тот или иной объект, тот или иной феномен. Поэтому на передний план в изучении риска, особенно техногенного, выходит социология знания или социология науки, а именно изучения роли науки в создании научных фактов и социальном конструировании рисков. Таким образом, знание о природных, социальных и иных феноменах создается и производится в обстановке не только неизвестности, но и неуверенности в том, что данная *причина* приведет к данному *следствию*, что в свою очередь не приведет к новой *причине* и к совершенно непредсказуемому *следствию*. Возрастает разрыв между неуверенностью и знанием, а именно: в науке «известные неизвестные» (*known unknowns*) уступают место «неизвестным неизвестным» (*unknown unknowns*) (Borráz, 2008, p. 15). Чтобы сократить данный разрыв, наука должна находить новые формы не только в методологии изучения неизвестного феномена, но и в отношениях с обществом.

Jasanoff использует понятие «регулятивной или регулирующей науки», которая «постоянно извлекает из названия “наука” необходимую легитимацию, но социологически это совершенно отличный от базисного исследования вид деятельности» (2005, р. 108). И в отличие от обычной науки, чьими механизмами продвижения служат «неизвестность, неопределенность, условность и неожиданность», «регулятивная наука» нуждается в механизмах защиты и закрытости, таких как ограниченные экспертные сообщества, потому что должна оставаться в «черном ящике» и подтверждать свой определенный и безусловный статус. Jasanoff не только расширяет роль науки в политике, но и наделяет ее характеристиками власти, а именно области не только выработки научного знания как обоснования для принятия тех или иных политических решений, но и как способа влияния на принятие тех, а не иных политических решений. Наука как знание о технологиях и способ его производства не только вписывается в контекст разделения властей на основании исключительной компетенции, но и претендует на роль политического актора, чьими характеристиками являются борьба за ресурсы, властные отношения и способы доминирования.

Callon говорит, в частности, о появлении новых акторов, способных комбинировать политические стратегии и научные инновации в неуверенном окружении, произведенном новыми технологиями. Государство, прежде всего, совокупность административных учреждений и институтов и не в состоянии оценить технически и политически инновационное внедрение, как, например, в истории об электрических машинах: «Государство не обладает практически никакой способностью анализа, которая была бы ему свойственна. (...) Это отсутствие анализа касается как технологий, так и социальной системы. (...) Администрация не способна перевести в язык политики технические различия, которые появляются в ситуации инноваций» (Callon, 1979, р. 445–446). В данном случае речь идет не о беспомощности и бессилии административных органов, а скорее о невозможности конвертировать технические обоснования в политический выбор, что приводит либо к «сверхполитизированному», либо к «сверхтехническому» способу администрирования инновациями: «...администрация находится в сложном положении, разделенная между политикой и техникой, переходя от одного к другому, не имея возможности установить между ними отношения взаимопонимания» (Ibid, р. 446). При этом нужно отметить, что наука характеризуется не только состязательностью в политическом пространстве, но и высокой конкурентностью внутри научного сообщества, что приводит к исключению некоторых акторов, научных суждений и предположений из процесса легитимизации политических решений.

Что касается вопроса легитимности научного знания, то в данном случае можно сослаться на разделение, которое приводят Clark, Majone, на «сверхъестественную» и «гражданскую» легитимность научного исследования. В первом случае речь идет о легитимности, «производной от высшей власти, которой не

задаются вопросы», во втором случае – о «некоторой свободной договоренности или контракте, обязательстве следовать определенным правилам, о согласии на некоторые процедуры» (Clark, Majone, 1985, p. 16). Под гражданской легитимностью Clark, Majone понимают, прежде всего, современный конституциональный строй и экономические системы. Другими словами, в данном случае речь идет, с одной стороны, о незыблемости, неделимости и неоспоримости научного знания, а с другой – о знании, основанном на дискуссии и дебатах, на определенных правилах принятия этого знания как академическим сообществом, так и обществом в целом.

В своих работах Callon, Latour не столько предлагают социологический анализ научных фактов, сколько обозначают появление возможной новой парадигмы или направления исследования «технонауки», позволяющей рассмотреть и объяснить создание научного факта через совокупность условий и практик, процессов и дискурсов, техник и технологий, составляющих «науку в действии» (Latour, 1989). Создание научного факта представляет собой процесс, обусловленный многими обстоятельствами, материальными объектами, научными инструментариями, институтами, другими исследователями, окружением и местом производства знания – все это составляет, согласно Latour, сеть, которую создает ученый и использует в качестве диспозитива для конструирования факта. Данный процесс является процессом не только социального конструирования, но и многочисленных предшествующих практик, которые сложно отследить: «...мы не утверждаем только то, что факты социально конструированы. Мы хотели бы также отразить, что процесс конструирования задействует некоторые диспозитивы, которые во многом затрудняют обнаружение следов их производства» (Latour, Woolgar, 1988, p. 180).

Исследование научного факта как процесса конструирования не снимает вопроса о том, что определяющим является контекст, в котором данный факт производится, или содержание, значения, данные и переменные, которыми ученый наделяет научный факт. Определяющим является, согласно данным авторам, связующий элемент между контекстом и содержанием производства научного факта, выраженный в процессе перевода: не просто перехода от сложного и непонятного к простому и понятному, а именно сочетания всего многообразия факторов, акторов и сети, создающих условия для продвижения научного факта через всю совокупность мнений, суждений и других научных фактов и физических обстоятельств. Другими словами, при создании теории ученый должен уметь учитывать различные, а не только научные интересы для того, чтобы научный факт приобрел форму такового. Именно поэтому некоторые современные тенденции социологии науки стремятся к социологии социального факта, позволяющего, прежде всего, раскрыть научную деятельность или деятельность по производству научного факта как социальный феномен, объяснимый другими социальными феноменами.

Согласно Borraz, данная концепция предлагает рассматривать науку в динамике не прогрессивной и не регрессивной, а интеракционистской: «... исследователь воздействует на свои объекты исследования, которые в свою очередь влияют на исследователя и на сеть, которая его окружает и которая взаимодействует с исследователем, а также структурирует и моделирует научные объекты, придает им значения. Таким образом, вырисовывается комплексная схема взаимодействий и передвижения ресурсов, различных средств и научных объектов, которые лишают всякого смысла разрыв между внешней и внутренней средой лаборатории» (Borraz, 1990, p. 143).

Приведенные современные тенденции в социологии науки и знания уделяют внимание не столько отношению власти и знания, сколько переопределению образа общества и формы демократии. В частности, Callon, Lascoumes, Barthe (2001) ставят под сомнение сущность представительной демократии, основываясь на критическом анализе экспертизы, которая находится на службе у политиков. Вывод на передний план мнения экспертов не только усиливает демократизацию науки (Beck, 2000), т.е. дает возможность каждому оперировать научными фактами, имея собственное научное суждение, но и позволяет вывести научные дебаты из лабораторий на публичную сцену. Происходит некоторая подмена публичными дебатами научных споров и борьбы мнений, которые теряют свою значимость. И, согласно авторам, избежать такой подмены возможно путем создания новых процедур диалога, где будут задействованы различные акторы, с одной стороны, усиливающие плюралистический компонент, а с другой стороны, создающие среду научного спора и борьбы мнений.

Согласно концепции «политической экологии», предложенной Латуром (Latour, 2004), последнее время человечество занималось тем, что пыталось увеличить все больше и больше разрыв между обществом и природой, отводя науке роль арбитра. Поэтому, чтобы примирить человека и окружающую среду, необходимо переоценить роль науки и знания в этой системе – освободиться от того понятия «природы», которое сформировалось на протяжении веков. Используя методы социологии науки, Латур анализирует то, как в современных условиях развитие политики и науки пришло к данному пониманию природы и к данному демократическому устройству¹. Для этого необходимо различать практику и теорию «политической экологии», где второе – это процесс создания представлений о природе, а первое – это наука, мораль, право и политика, но никак не природа. Экологические кризисы, таким образом, не имеют никакого отношения к природе или окружающему миру, а только к обществу, которое наделило природные вещи смыслами «риска», «опасности» и «угрозы». «Простое», элементарное, то, что существуют в природе, стало опасным в обществе². Проблемы экологии – это не то, что происходит с природой и окружающим нас миром, а то, что происходит с обществом в данной окружающей среде.

Данное переосмысление «экологической» и «политической» реальности приводит Латура к выводу: из-за ложного представления о природе сложилось ложное представление об устройстве общества, которое называется демократическим и в котором индивид, обладая основными правами и свободами, кажется лишенным свободы мыслить и быть собой в окружающем его мире. Этот принцип существования общества является предопределенным, и множество неизлечимых экологических кризисов, природных катастроф, опасных вирусов и болезней не смогут пошатнуть устоявшийся порядок вещей. Латур, таким образом, предлагает задуматься и поучаствовать в создании новой политики, где «политическая экология» уже не будет просто формой политики, включающей вопросы природы в демократическое функционирование общества. Она будет изменять не природу, а общественное устройство.

Научные институты и сообщества

Институты или центры, разрабатывающие научное разрешение пост-чернобыльских проблем, являются своеобразными центрами производства научного знания для принятия политических решений в области чернобыльской политики. Данными институтами являются Республиканский научный центр радиационной медицины и экологии человека, Институт радиобиологии, Институт леса, белорусский научно-исследовательский Институт сельскохозяйственной радиологии.

Роль научных институтов и сообществ в чернобыльской политике выражается в первую очередь в разработке и принятии научных концепций: концепции «35 бэр»³; концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС⁴; концепции содержания зон отчуждения⁵; концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии⁶; концепции проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов⁷; концепции реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС⁸.

Разработка и принятие данных концепций имели исключительно важное значение для принятия политических решений, так как были разработаны базовые нормативные документы, регулирующие статус загрязненных территорий и права и обязанности там проживающего населения: «Процедура подготовки таких концепций в общих чертах состояла в том, что группы специалистов при академиях наук либо при соответствующих комиссиях Верховных Советов России, Беларуси и Украины готовили документы, которые обсуждались на сессиях Верховных Советов как основа законов о правовом режиме территорий, загрязненных радионуклидами в результате аварии на ЧАЭС» (Барьяхтар, 1995).

Можно сказать, что научное обоснование представляло собой некоторые рамки действий политических акторов, определенную систему восприятия (значений и показателей) чернобыльских проблем, которой должны руководствоваться политические акторы для принятия решений, а значит, для осуществления политического действия. Данный принцип организации когнитивной, смысловой, матрицы чернобыльских проблем будет затем использован для разработки государственных программ Республики Беларусь, одной из главных задач которой является разработка научного обоснования принятия политических решений для разрешения чернобыльских проблем.

Данные концепции были приняты на различных этапах формирования политической системы Беларуси и отражают степень и уровень научного подхода к решению чернобыльских проблем и его политическое применение. Кроме того, данные концепции содержат различный научный дискурс, различные восприятия чернобыльских проблем и пути их решения. В дискуссиях, посвященных научным концепциям, отражаются противоречия и противостояние дискурсов, выражающих различную логику видения чернобыльской политики, – техногенного и гуманного научного дискурса.

Прежде всего, необходимо обозначить периоды принятия концепций и развития научных дискуссий. Первый период (1988–1991) связан с принятием концепции Академии наук (АН) СССР «35 бэр» и концепции АН БССР о проживании на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС и характеризуется противостоянием между учеными АН СССР, в частности академиком Л.А Ильиным, и учеными АН БССР, разработавшими «белорусскую» концепцию. В данный период важным является дискурс «35 бэр», формирующий техногенный научный дискурс и вырабатывающий определенные дискурсивные элементы, которые затем будут воспроизведены группой Петряева, разработавшей «Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии». Принятие данной концепции в 1995 г. сопровождается обширными научными дискуссиями и дебатами с 1993 г. Следующим этапом можно обозначить период с 1995 до 2002 г. Данный период характеризуется научными дискуссиями (до 1998 г.), принятием «Концепции проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов», после которого вплоть до 2002 г. и принятия «Концепция реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС» научных дискуссий больше не проводится и окончательно оформляются две научные дискурс-коалиции чернобыльской политики.

Техногенный научный дискурс составляют: дискурс «35 бэр» АН СССР; дискурс ученых группы Петряева, разработавших «Концепцию защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Ре-

спублики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии» (1995) и остальные концепции вплоть до 2002 г.

Гуманный научный дискурс составляет дискурс ученых, которые занимались разработкой «Концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС» 1990 г., а также дискурс ученых, которые оказывали сопротивление принятию последующих концепций 1995, 1998 и 2002 г. Можно предположить, что основное противостояние приходится на период с 1988 по 1995 г., потому что именно в этот период формируется научный дискурс двух различных коалиций.

Техногенный научный дискурс

Формирование техногенного научного дискурса связано с разработкой советскими учеными концепции безопасной жизнедеятельности населения на загрязненных территориях, в основу которой была положена концепция «35 бэр»⁹. Разработка данной концепции предполагала ее дальнейшее принятие и применение на загрязненных территориях и была основана на принципе вмешательства в жизнедеятельность человека в зависимости от степени радиационной обстановки: «В каждом конкретном случае необходимо на основе знания радиационной обстановки и характера радионуклидного загрязнения формировать определенную стратегию поведения, которая обеспечит максимальный положительный эффект тех или иных вмешательств, направленных на ограничение дозовых нагрузок. Эта стратегия поведения, выражающаяся во введении определенных мер вмешательства, базируется на определенной общей идее, которая называется концепцией безопасной жизнедеятельности населения на загрязненных территориях. В самом общем виде основной смысл концепции состоит в том, что меры вмешательства в жизнь человека должны обеспечить снижение дозы его облучения до уровня доаварийного облучения»¹⁰. К мерам вмешательства, уменьшающим дозу заражения радионуклидами, относят защитные мероприятия, укрытие, профилактику препаратами стабильного йода, эвакуацию, переселение и контроль за потреблением пищевых продуктов.

Как уже было отмечено, концепция безопасной жизнедеятельности населения основывалась первоначально на основе концепции «35 бэр», которая была разработана только в 1988 г., через два года после аварии. До этого момента все решения, как по ликвидации последствий, так и по проживанию населения на загрязненных территориях, практически являлись научно не обоснованными. Это связано прежде всего с тем, что все данные, необходимые для проведения научного анализа, результаты радиационного мониторинга были засекречены.

Первыми шагами по принятию концепции было утверждение предела индивидуальной дозы, которая основывается на предположении о том, что существует некоторый верхний безопасный для человека предел накопления за всю

жизнь, 70 лет. В 1989 г. данный показатель был предложен как дополнительное основание для переселения. Председатель Национальной комиссии по радиационной защите СССР профессор Л.А. Ильин, главный санитарный врач СССР А.И. Кондрусев и его заместитель А.И. Зайченко установили численное значение предела – 350 мЗв¹¹. Основным аргументом являлись данные проведенных исследований после взрыва в Хиросиме и Нагасаки, где не была установлена зависимость между облучением ниже 500 мЗв и онкологическими и генетическими последствиями. В качестве одного из аргументов приводилась также экономическая целесообразность проводимых мер по ликвидации без дальнейшего отселения с потерпевших территорий.

Данная концепция преподносилась как обязательная для принятия во всех пострадавших республиках и имела императивный характер: «В нашу концепцию пожизненной дозы мы включили и все дозы, полученные за аварийный период. Это принципиально важно. Это концепция национального комитета по радиационной защите. Мы установили эту границу – 35 бэр и не более. Это наше главное жесткое требование, категорическое»¹². За принятием данной концепции стояли интересы и стратегии политической и научной номенклатуры, заключавшиеся в утверждении определенного порядка и видения последствий чернобыльской катастрофы, не ставивших под сомнение существующую систему, как политическую, так и научную.

Концепция «35 бэр» заложила определенный набор дискурсивных элементов, которые отражают влияние на формирование Чернобыля. В первую очередь, речь идет о дискурсе риска и безопасности, который выражается в следующем принципе: воздействие радиации на человеческий организм, на среду его обитания выражается не в концентрации радионуклидов, а в полученной дозе облучения: «Необходимо помнить, что существуют элементарные основы и позиции, согласно которым мерой опасного воздействия радиации является не концентрация радионуклидов, а, я подчеркиваю, суммарная доза облучения»¹³.

Данный принцип предполагает, что основная опасность проживания на загрязненных территориях состоит в суммарной дозе облучения человека, а не в концентрации радионуклидов в организме, продуктах питания, территории. Следуя данному принципу, можно жить на загрязненных территориях, если суммарная доза облучения не превышает установленную норму. Таким образом, не подлежат переселению жители территорий с плотностью загрязнений от 15 кюри на квадратный километр. В данном контексте используется принцип экономической выгоды. Если за основу брать беспороговый принцип, а именно то, что даже самая небольшая доза радиации может повлиять на здоровье и жизнедеятельность человека, то за этим последует необходимость принятия дополнительных решений о переселении и применение дополнительных мер защиты населения: «Предлагая и разрабатывая любые концепции, необходимо помнить еще об экономической целесообразности: во что нам это может обойтись – пе-

реселить 20 тысяч, 50 или 200? К тому же зачем отселять только с территории 15 ки/км? И на территориях с радиоактивным загрязнением в 5 кюри на километр есть “грязное” молоко и на 40 – “чистое”?»¹⁴.

Таким образом, основной аргументацией дискурса «35 бэр» является, прежде всего, экономическая оценка последующих политических решений о переселении или введения дополнительных мер вмешательства. Нужно также отметить, что данная концепция принимается для того, чтобы принятие решений имело научную легитимность: «Поэтому, когда Национальная комиссия по радиационной безопасности берет на себя огромную ответственность и устанавливает допустимую границу в 35 бэр за жизнь, это не означает, что мы даем органам охраны здоровья, другим организациям тот показатель здоровья, которого они обязаны придерживаться и который они обязаны выполнять. И это не какой-то норматив – это лимит, это критерий для принятия решений»¹⁵. Таким образом, можно говорить о том, что в дискурсе советских ученых, разрабатывавших данную концепцию «35 бэр», граница дозы, превышение которой может привести к эффектам, – это не предел, это уровень принятия политических решений.

Дискурс «35 бэр» использует научно подтвержденные данные и основывается на проведении большого количества исследований, результаты которых отражают объективно существующую реальность и отрицают воздействие малых доз радиации на здоровье человека в отличие от других результатов, которые представляют собой манипулирование фактами: «В фундамент концепции 35 бэр заложен анализ огромного материала. (...) Ответственно заявляю, что явные изменения возникают только при мощности дозы от 25 бэр в год или в 75-120 бэр за жизнь. При более низких дозах никаких отклонений выявить не удалось. И от этого опыта отказываться нельзя. Он – объективная реальность»¹⁶. «С самых первых дней аварии, я, как педиатр, обследую детей. И ни мне, ни моим коллегам не удалось выявить прямого влияния малых доз радиации на детский организм, которые могли привести к серьезным последствиям. Данные о резком увеличении заболеваний – манипулирование фактами»¹⁷.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что дискурс «35 бэр» состоит из следующих аргументов: существует определенный предел облучения, установив который возможно избежать последствий для здоровья человека; для человека опасна не концентрация радионуклидов, а полученная доза, которая в меньшем количестве, 35 бэр, не опасна, что подтверждено научными исследованиями, исходя из чего и следует принимать решения о мерах защиты населения. Таким образом, начинает формироваться концепция последствий катастрофы на ЧАЭС, отражающая определенное конструирование постчернобыльской реальности: научная легитимация уже предпринятых мер государственного вмешательства, безопасного проживания на загрязненных территориях без кардинального изменения образа жизни населения, формирование представлений чернобыль-

ских последствий как таких, которые не опасны и которые можно ликвидировать в определенные сроки и определенными способами.

Необходимо также отметить, что принятие данной концепции представляет собой навязывание определенного образа Чернобыля как рядовой аварии, которая не повлекла за собой значительных изменений: «Научные методы борьбы за сохранение своей концепции, вероятно, у них были исчерпаны. Поэтому аргументом стало ведомственное, административное давление» (Ярошинская, 2006, с. 160). Речь в данном случае идет о решении № 587 Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, которое продвигало предложенную концепцию «35 бэр» АН СССР и предлагало принять ее за основу разработки Государственной программы по ликвидации последствий. Данная концепция представляла собой очевидную выгоду для существующей политической системы, она не предполагала каких-либо существенных изменений установленного нормативного, политического и идеологического порядка. Ее следствием стало непринятие определенных мер на государственном уровне: прекращение переселения, продолжение сельскохозяйственных работ на загрязненных территориях и т.д.

«В основу этой политики, проводимой центральными ведомствами с первых дней чернобыльской катастрофы, с конца 1987 года положена концепция “35 бэр за жизнь”, призванная решать следующие задачи: успокоить общественное мнение, снять ответственность за последствия аварии с партийных и государственных органов и конкретных лиц, как можно больше сократить объем компенсаций пострадавшим людям и жителям загрязненных регионов за причиненный ущерб, а также представить необоснованность тревоги за жизнь» (из речи народного депутата СССР, члена Комитета по экологии и рациональному использованию ресурсов, во время парламентских слушаний)¹⁸.

Однако концепция «35 бэр», хотя и лежала в основе некоторых решений Минздрава СССР, не была принята Верховным Советом БССР во многом благодаря сопротивлению ученых Беларуси, Украины и России, в частности в ходе Первого Всесоюзного радиобиологического съезда в 1990 г. Следующие концепции появляются только в 1990–1991 гг. и основываются на более низком пределе индивидуальной дозы облучения¹⁹, например концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная президиумом Академии наук БССР в 1990 г.

Несмотря на то что концепция «35 бэр» не была взята за основу при разработке «Концепции безопасного проживания» (1990), научный дискурс, который лежал в основе данной концепции, использовался впоследствии учеными при разработке «Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии» (1995). Дискуссии по поводу данной концепции имели большой резонанс в прессе, научном

сообществе и гражданском обществе. Данная концепция стала водоразделом, который обозначил противостояние и противоречия двух различных научных дискурсов – техногенного и гуманного: «В 1995 году в Беларуси появилась “команда”, в которую, правда, ряд авторитетнейших ученых войти не пожелали, и дело реанимации 35-бэрной концепции пошло. Вот только прежнее название ее заменили на новое: “Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии”. Решили признать свое авторство в этой концепции профессор Петряев Е.П. (директор Института радиобиологии), доктор биологических наук Кенигсберг Я.Э. (зам. директора НИИ радиационной медицины), Тернов В.И. (председатель национальной комиссии по радиационной защите) и немногие другие»²⁰.

Необходимо добавить, что дискуссии по этой концепции начались немного раньше, уже с 1993 г., когда в соответствии с распоряжением Совета Министров № 57р от 25.01.1993 г. был создан временный творческий коллектив (ВТК) во главе с Е.П. Петряевым для разработки на основе имеющихся дозовых нагрузок проекта концепции реабилитации загрязненных территорий и условия проживания людей на этих территориях. В 1995 г. данная концепция, после нескольких проектов, была сначала одобрена Национальной комиссией по радиационной защите (НКРЗ), а затем Советом Министров. Однако в феврале 1993 г. по распоряжению заместителя председателя Совета Министров И.А. Кеника была создана рабочая группа, в которую, в частности, входил профессор В.Б. Нестеренко, для подготовки концепции основных защитных мер для населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях Беларуси, впоследствии одобренной на заседании НКРЗ Беларуси в мае 1993 г. «Группа Петряева», которую поддерживали Институт радиобиологии и НКРЗ Беларуси, формировала дискурс «ликвидации», а альтернативная группа ученых, в частности В.Б. Нестеренко, Г.Ф. Лепин, М.В. Малько, представленная Институтом радиационной безопасности, Комиссией по проблемам чернобыльской катастрофы Верховного Совета Беларуси под председательством И.Н. Смоляра, придерживалась дискурса «преодоления». Таким образом, в период с 1993 по 1995 г. было сформировано практически конкурентное пространство между различными группами, которые работали над одной и той же проблемой, только представляли совершенно разные понимания Чернобыля.

Научный дискурс «группы Петряева» строится вокруг практически того же принципа «35 бэр»: «дальнейшее уменьшение радиационного риска, обусловленного радиоактивным загрязнением в результате Чернобыльской аварии, путем постепенного снижения индивидуальных и коллективных доз облучения населения. Защитные меры должны быть оптимизированы таким образом, чтобы они приносили больше пользы, чем ущерба. Реализация данного принципа оптимизации должна основываться на расчетах величины предотвращенной

коллективной дозы с момента введения защитных мероприятий»²¹. Это подразумевает, что дозовая нагрузка, полученная до введения защитных мероприятий, т.е. накопленная доза, не учитывается. Таким образом, в данной концепции устанавливается логика существования предела – среднегодовая эквивалентная доза облучения, которая составляет 1 мЗв в год. Данный предел устанавливает уровень вмешательства и применения мер радиационной защиты. Другими словами, не возникает необходимости по проведению защитных мероприятий на территориях, где уровень облучения не превышает данный предел, не обращая внимания на степень загрязнения территории и возможности вести нормальную жизнедеятельность. Таким образом, применение степени радиационной защиты «привязывается» к полученной дозе человека за год, а не к уровню загрязненности территорий, на которых человек проживает: «Авторы Концепции, ссылаясь на то, что именно дозы облучения определяют медицинские эффекты, предлагают отказаться от использования критериев проведения защитных мероприятий, основанных на уровне загрязнения»²².

Еще один важный элемент дискурса данной концепции – это утверждение того, что в Беларуси наступил восстановительный этап после чернобыльской катастрофы: «Восстановительный этап продолжается в течение времени, необходимого для постепенной отмены мероприятий по радиационной защите и создания условий для возвращения к обычному укладу жизни населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях. Концепция формировалась исходя из того, что наступил восстановительный этап развития Чернобыльской аварии»²³. Данный период можно также обозначить как период перехода к нормальным условиям жизнедеятельности. Другими словами, согласно данной концепции, в 1995 г. пострадавшие территории и население уже находились на этапе возвращения к нормальным условиям жизни и деятельности.

В последующих концепциях, 1998 и 2002 гг., техногенный научный дискурс принимает все более явные формы и выражается, прежде всего, в понимании среднегодовой эффективной дозы в качестве критерия применения защитных мер, а также продолжении освоения пострадавших территорий. В частности, в концепции 2002 г. заложен принцип реабилитации через преобразование территорий в пригодные для жизнедеятельности.

На теперешний момент в официальном научном дискурсе доминируют элементы техногенного дискурса. Согласно Я.Э. Кенигсбергу (председатель Национальной комиссии по радиационной защите при Совете Министров Беларуси), основной задачей, с которой справилась чернобыльская политика, является уменьшение доз облучения населения до предела минимального, который не вызывает медицинских последствий: «В результате чернобыльской аварии условия жизни были нарушены, но с радиологической точки зрения достигнуты положительные перспективы для будущего здоровья большинства пострадавших

людей. Так что парадокс. Катастрофа, ужас, зона экологического бедствия, но люди там проживают, едят грязную продукцию, что там творится, тихий ужас. А вот объективные данные. Как и почему? А это не парадокс, потому что мы начали работу по защите населения. В отличие, скажем, от ряда других республик, бывших советских, мы начали эту работу 30 апреля (1986 года) и 2-го мая мы уже начали первую волну отселения людей с 30 км зоны, и дальше и больше. Мы потратили более 28 млрд долларов из собственного бюджета Республики Беларусь и направили их в целом на радиационную защиту. Потому что главная задача нашей работы – снизить дозы облучения до такого предела, чтобы они не вызывали никаких последствий для здоровья. И мы это сделали. Но когда встает вопрос о том, что уровень социальной защиты меньше, чем в России и на Украине в денежном эквиваленте, – да, это правда. Мы потратили эти деньги на радиационную защиту»²⁴. Также следует отметить, что проведение мер по радиационной защите населения стало основным и отличительным направлением черновыльскай политики в Беларуси, где главная задача – это снижение доз облучения населения. В Украине, например, основным направлением черновыльскай политики выступает социальная защита граждан, пострадавших от последствий катастрофы на ЧАЭС. Другими словами, выработка научных способов по снижению доз облучения, а значит, влияния радиации на здоровье человека, позволит перевести черновыльскаю политику в Беларуси в направлении освоения загрязненных территорий.

Основной задачей черновыльскай политики на современном этапе является развитие пострадавших территорий и уменьшение влияния радиации на здоровье человека: «Есть официальные данные Министерства обороны Республики Беларусь, что самое большое количество призывников, здоровых, пригодных для службы в армии, были из Гомельскай области. Что это – парадокс? Нет, я вам уже говорил про социальную защиту, оздоровление... Нет, я вам не говорю, что проблем нет, они есть, но они решаются правильно в рамках республиканских программ, в рамках союзного государства (...) Так вот, цель – одна реабилитация и устойчивое развитие. Такую же цель поставил глава нашего государства²⁵: перейти от реабилитации к устойчивому развитию территорий, пострадавших от последствий на ЧАЭС. И наша задача – это также помочь в правильном понимании черновыльскай политики»²⁶. В данном контексте можно констатировать переплетение политического и научного дискурса о Чернобыле и оформление единой концепции черновыльскай политики.

Гуманный научный дискурс

Альтернативный научный дискурс, гуманный, начал формироваться еще в период БССР и связан с противостоянием белорусских ученых принятию концепции «35 бэр». В данном контексте важным является то, что концепция 35

бэр стала образцом сопротивления в научном сообществе и заложила основы дискурса, альтернативного официальному дискурсу «ликвидации». Даже на современном этапе сопротивление официальной научной концепции выражено в дискурсе или языке сопротивления «35 бэр».

Прежде всего, нужно напомнить, что научный дискурс белорусских ученых в конце 1980-х гг. был поддержан институционально Верховным Советом как дискурс альтернативной концепции «35 бэр», обоснованность которой ставилась под сомнение: «Группа ученых, а их всего 92 человека, недавно направили письмо по вопросам, связанным с проживанием на загрязненной территории, в адрес Михаила С. Горбачева. В нем предпринята попытка убедить ВС СССР силой ученых степеней и ученых званий в том, что нам ничего не грозит, что пострадавшая земля чуть ли не райский уголок. Кто и когда дал право решать им, хотя и со степенями, нашу судьбу? Почему так интенсивно на сегодняшний день оправдывается 35-бэрная концепция? Я присутствовал на заседании президиума АН СССР, когда обсуждалась эта концепция. Академик Анатолий Петрович Александров сказал так: “Давайте не будем спорить по поводу этой концепции, а примем эти 35 бэр. Пройдет время, потом посмотрим, вредно это, не вредно, может, эта цифра измениться у нас, изменится в МАГАТЭ”»²⁷.

На заседании Верховного Совета СССР 25 апреля 1990 г. было принято постановление по проблемам ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, в котором были обозначены ряд положений, позволивших развитие научных и публичных дискуссий о концепции проживания на загрязненных территориях. Во-первых, данным постановлением была одобрена, но не утверждена программа БССР по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, основанная на концепции белорусских ученых, а не на концепции «35 бэр», что отражает некоторую институциональную поддержку ВС СССР. Во-вторых, было принято решение о разработке комплексного подхода к ликвидации последствий для всех пострадавших республик. В-третьих, данным постановлением была создана рабочая группа АН СССР, БССР и УССР по разработке альтернативной «гуманной» концепции, которая должна предоставить результаты работы в октябре 1990 г. В поддержку концепции белорусских ученых выступил президент АН БССР академик В.П. Платонов, который охарактеризовал новый подход к чернобыльским последствиям: «Ошибочность представления о том, что авария на ЧАЭС – это авария, последствия которой можно ликвидировать. Масштабы аварии таковы, что можно говорить только о возможности минимизации ее последствий»²⁸.

Институциональная поддержка белорусских ученых позволила утвердиться белорусской концепции безопасного проживания против концепции «35 бэр», а также оформиться в политический вызов советской системе. Так, в Концепции проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренной президиумом Академии наук БССР в 1990 г., были обозначены как научные нормативы и показатели, такие как

предел облучения²⁹ для проживания на пострадавших территориях и разделение на зоны³⁰, так и общепологающие принципы, формирующие чернобыльскую политику. Данная концепция была названа «гуманной концепцией». Концепция утверждает, что, во-первых, любая, даже самая малая, доза радиации влияет на здоровье человека и что, во-вторых, необходимо поэтапное переселение пострадавшего населения. В подтверждение первому принципу был введен термин о *приемлемом риске*, заменивший как принцип абсолютной безопасности эксплуатации ядерной энергии, так и принцип порогового значения влияния дозы радиации на здоровье человека: «Любая, даже самая малая дополнительная доза радиации, не является безопасной для живого организма, что требует обязательного принятия мер по ее снижению (международнопризнанный принцип АЛАРА). В связи с этим следует говорить не об абсолютной безопасности, а о приемлемом риске»³¹.

Таким образом, было установлено, что радиация представляет собой опасность для здоровья человека и любая радиационная обстановка должна рассматриваться не как абсолютно безопасная, а как ситуация с определенной степенью риска. Утверждение данных принципов восприятия последствий чернобыльской катастрофы не только определило формирование чернобыльской политики, но и повлияло на восприятие чернобыльских проблем самими публичными акторами.

Принятию данной концепции предшествовали дискуссии, которые отразили разницу в ценностном и научном подходе к объяснению и решению постчернобыльских проблем. Дискуссии касались в основном принципа проживания: проживать нельзя там, где нельзя производить чистую продукцию. Такой подход кардинально менял не только чернобыльскую политику на данном этапе, что требовало принятия скорейших мер по переселению, но и само восприятие Чернобыля, переводя чернобыльские проблемы из краткосрочных в долгосрочные, что не совсем соответствует политической концепции чернобыльской политики на данном этапе. Также принятие данного принципа предполагало изменение концепции влияния радиации, а именно: измерять ее эффекты не по уровню загрязнения почвы, а по накопленным дозам. Данный принцип меняет сам подход к чернобыльской политике: изменяет классификации и категоризации населения, степени и способы вмешательства, а также виды радиационной защиты пострадавшего населения. Таким образом, население классифицируется не по территориям проживания, а по накопленной дозе: ликвидатор, участвовавший в работах в 1986 г. и житель территории с уровнем загрязнения более 40 Ки/км² составляют одну «чернобыльскую» группу³².

Гуманный научный дискурс формируется в противостоянии с дискурсом техногенным. Особенно это становится очевидным в период обсуждения и принятия «Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактив-

ному загрязнению в результате Чернобыльской аварии». Утверждению данной концепции предшествовали научные дискуссии, а также разработка альтернативных концепций, в частности концепции профессора Нестеренко 1993 г., которая продолжала внедрение принципов гуманного дискурса. Группа ученых под руководством профессора Нестеренко заострила внимание на дискурсе о влиянии защитных мер, согласно которому положительный эффект может сочетаться с негативными последствиями: «Реализация защитных мер является вмешательством, которое наряду с положительным эффектом снижения уровня облучения может повлечь за собой экономический и экологический ущерб, а также психологическое воздействие за счет изменения образа жизни населения, в том числе риск неблагоприятного воздействия на его здоровье. Поэтому при принятии решений о вмешательстве должен учитываться не только его предполагаемый положительный эффект, но и негативные последствия самого защитного мероприятия (облучение участников ликвидации радиоактивного загрязнения, экономический ущерб)»³³.

Также аргументом данного научного дискурса является отрицание восстановительного периода чернобыльской политикой Беларуси в начале 1990-х годов: «При производстве сельхозпродукции и продуктов питания не удалось существенно снизить долю продукции с содержанием радионуклидов выше РДУ-92, не удалось снизить значительный дальнейший рост коллективной дозы облучения. (...) В последние годы из-за недостаточного внесения минеральных удобрений в общественном сельхозпроизводстве и личных хозяйствах жителей населенных пунктов в районах, пострадавших от чернобыльской катастрофы, сохраняется высокая доля продуктов с содержанием радионуклидов Cs-137 выше РДУ-92. (...) Анализ динамики состояния здоровья населения в 1993 году по сравнению с 1992 годом показывает, что стабилизации также нет»³⁴. Данный аргумент является важным для гуманного научного дискурса потому, что, во-первых, выражает противостояние официальному дискурсу концепции защитных мер в восстановительный период, а во-вторых, указывает на то, что научная гуманная концепция последствий катастрофы на ЧАЭС состоит именно в утверждении последствий и их влияния на территорию и население в долгосрочной перспективе.

На современном этапе гуманный научный дискурс в меньшей степени формирует Чернобыль в рамках научного дискурса, Чернобыль в большей степени появляется в рамках дискурса просвещения, дискурса, оппонентного не столько научному знанию, сколько действиям власти: «Все стараются меньше знать, меньше знаешь – крепче спишь. Если бы люди были подкованными... вот мы собираемся просветить людей, показать, что это такое, зачем это, научить людей выживать в условиях, в которых ведь можно выжить, ведь не всё губительно. (...) Власть думает, что она будет жить, что ее это не касается. Стронций будет бить всех подряд, вариантов нет. Я статью недавно опубликовал в “Народной

воле», написал, что нет системы радиационной защиты населения. А мы создали эту систему и предоставим ее, надо ввести в действие, защитит Беларусь. Ледовые дворцы, библиотека, а для кого? (...) Пустейшие программы, Гомельский институт сельскохозяйственной радиологии, медицинский центр, есть вывеска, есть оборудование, есть здание, но нет людей, специалистов»³⁵.

Научный гуманный дискурс основывается, прежде всего, на научном обосновании последствий влияния радиации на человека и окружающую среду. Следовательно, научное знание выходит на передний план в конструировании дискурса о чернобыльских последствиях и мерах чернобыльской политики, который выражен, как уже было отмечено, в научных концепциях. Важен также в данном научном дискурсе ценностно-ориентированный подход, ставящий в центр дискурса заботу о человеке, о его безопасности и здоровье. Дискурс о приемлемом риске, а также о принципе проживания является главным аргументом гуманного научного дискурса. Также следует отметить, что данный научный дискурс формировался именно в условиях научных дискуссий и имел значение только в определенном противостоянии. Как самостоятельный научный дискурс он не имеет существенного значения для формирования чернобыльской политики, так как на данный момент не приобрел институциональной поддержки. Ввиду государственной монополизации научного знания о Чернобыле альтернативный научный дискурс не имеет возможности дополняться научными исследованиями. Именно поэтому гуманный научный дискурс находит большую поддержку в структурах политических партий.

Заключение

Интерпретация последствий катастрофы на ЧАЭС вызвала определенное разделение в научном сообществе. Чернобыльская политика основывается на комплексном и сложном научном знании. Поэтому для чернобыльской политики важно не только принимать научно обоснованные решения, но и опираться на совокупность институтов, производящих научное знание. В данном контексте «производство научного знания» есть не что иное, как совокупность институтов, лабораторий, экспертных групп и исследовательских проектов, вырабатывающих легитимное знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС, применяемое как для принятия мер в области чернобыльской политики, так и для подтверждения уже принятых мер в той же области.

Научные практики состоят не только в исследовании фактов и выявлении зависимости одних переменных от других, но и в создании определенной матрицы идей, объясняющей функционирование и взаимосвязь различных элементов, явлений не только физического, но и социального мира. Научное знание производится в рамках парадигмы или конструирует новую парадигму. Исследуя последствия катастрофы на ЧАЭС, ученые различных областей (физика, химия,

биология, радиология, медицина) пытались выявить и объяснить взаимосвязь между радиацией и жизнедеятельностью, между угрозой жизни и безопасным проживанием. Научные исследования последствий катастрофы на ЧАЭС лежат в области выявления эффектов радиационного заражения на здоровье и жизнедеятельность людей, животных и растений. В данном контексте научное знание о последствиях катастрофы на ЧАЭС формирует только два типа парадигмы: «безопасность и обратимость» и «приемлемость и необратимость» последствий. Данные парадигмы оперируют понятием «риска», а именно ситуацией неопределенности и потенциальной опасности. Данные условные научные парадигмы касаются, прежде всего, аспекта влияния доз радиации: в первом случае при относительно небольших (пороговых, нормированных) дозовых нагрузках возможна безопасная жизнедеятельность человека в определенных условиях; во втором случае всякая дозовая нагрузка, даже незначительная, является опасной для живого организма и влечет за собой последствия для безопасного проживания.

Литература

1. Anders G. La menace nucléaire. Considérations radicales sur l'âge atomique. Editions du Rocher /Le serpent à plumes. 2006.
2. Borraz O. Les politiques du risque. Presses des Sciences politiques, Paris, 2008.
3. Callon M. L'État face à l'innovation technique. Le cas du véhicule électrique // Revue Française de Science Politique. XXIX. (3). 1979. P. 426–447.
4. Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. Agir dans un monde incertain. Essai sur la démocratie technique. Paris, Le Seuil, 2001.
5. Clark W. C., Majone G. The critical appraisal of scientific inquiries with policy implications// Science Technology & Human Values. Vol. 10. No. 3. 1985. P.6-19.
6. Jasanoff S. Designs on nature : science and democracy in Europe and the United States. Princeton, N.J. ; Oxford : Princeton University Press, 2005.
7. Latour B. La science en action. Paris, La découverte, 1989.
8. Latour B. Politiques de la nature, comment faire entrer les sciences en démocratie. La Découverte, 1999.
9. Latour B., Woolgar S. La vie de laboratoire. La production des faits scientifiques. Paris, La découverte, 1988.
10. Барьяхтар В. Г. Чернобыльская катастрофа. Киев, 1995. <http://stopatom.slavutich.kiev.ua/1.htm>
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
12. Ярошинская А. Чернобыль. 20 лет спустя: преступление без наказания. М., 2006.

Примечания

- ¹ Латур использует платоновский «миф о пещере» для того, чтобы обозначит зарождение этой двойственности природы и знания о природе (общества), мира вещей и мира идей, объективного и субъективного, где «ученый» имеет право «выйти из пещеры» и познать истину вещей, обладать самой верховной политической властью: «заставить говорить немой мир, говорить истину и ее не обсуждать, положить конец бесконечным прениям в форме бесспорного авторитета знания о вещах» (Latour, 2004, p. 28).
- ² В данном случае Латур использует аллегорию «лысые» вещи и «косматые» вещи (2004, p. 38). Латур говорит о кризисе объективности, а именно о появлении и разрастании так называемых рискованных соединений («косматые вещи»), то, что Бек определяет как неуверенность и неспособность науки объяснить некоторые явления, другими словами, то, что было простым и понятным, становится опасным и сложным (Неприкосновенный запас. № 2 (46). 2006. <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/>).
- ³ Данная концепция была предложена в 1989 г. вице-президентом АН СССР Л.А. Ильиным в период разработки и подготовки первой государственной комплексной программы на 1990–1995 гг. по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Концепция устанавливает предельно допустимую пожизненную дозу, равную 35 бэр.
- ⁴ Одобрена на заседании Бюро Президиума АН БССР 19 декабря 1990 г.
- ⁵ Утверждена Председателем Госкомчернобыля Республики Беларусь И.А. Кеником 6.07.94 г.
- ⁶ Одобрена постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 1995 г. N 650. Одобрена Национальной комиссией Беларуси по радиационной защите, протокол N 16 от 20 апреля 1995 г.
- ⁷ Одобрена Президиумом Национальной академии наук Беларуси 19.11.1998 г.
- ⁸ Утверждена Председателем Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь В.Г. Цалко 2002 год.
- ⁹ Внесистемная единица измерения эффективной и эквивалентной доз. 1 бэр = 0,01 Зв. Биологический эквивалент рентгена.
- ¹⁰ Ильин Л.А. Радиация: что было, что будет // Гомельская правда. 13.04.1989. С. 3.
- ¹¹ Единица измерения эффективной и эквивалентной доз в системе СИ. Наиболее часто используемой дольной единицей зиверта является его тысячная доля – миллизиверт. 1 зиверт (Зв) = 1000 миллизивертов (мЗв).
- ¹² Интервью А.Л. Ильина «Радиация: что было, что будет » (Гомельская правда. 13.04.1989. С. 3).
- ¹³ Интервью А.Л. Ильина «Чернобыль и будущее» (Чырвоная Змена. 12.08.1989. С. 7).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Интервью А. Гуськовой, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР (Чырвоная Змена. 12.07.1989).
- ¹⁷ Интервью Астаховой Л., заместителя директора НИИ радиационной медицины Министерства охраны здоровья (Чырвоная Змена. 12.07.1989).
- ¹⁸ Архив Верховного Совета, № 968, опись 1, дело 2145 «Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25–27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990–1995 года», лист. 167–168.

- ¹⁹ Только во второй половине 1990 г. правительством СССР была организована межведомственная комиссия, состоящая из 60 человек и руководимая академиком АН СССР С.Т. Беляевым. Задача этой комиссии состояла в разработке «принципов и критериев в поддержку практических мер по устранению возможных отрицательных последствий чернобыльской аварии для здоровья населения и компенсации нанесенного ущерба». В 1991 г. правительством СССР была утверждена новая «Концепция проживания населения в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС». Согласно этой концепции, на всех территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, установлен минимальный уровень вмешательства, равный 1 мЗв средней годовой эффективной эквивалентной дозы облучения. Введен также верхний уровень, составляющий 5 мЗв за 1991 г. В интервале доз от 1 до 5 мЗв в год осуществляются защитные мероприятия, а жители имеют право на добровольное переселение из этой территории. Чернобыльская катастрофа / Главный редактор академик Национальной академии наук Украины В.Г. Барьяхтар. К., 1995.
- ²⁰ Лепин Г. Республике нужна разветвленная сеть «чернобыльских» лечебных учреждений // Народная газета. 24.01.1997.
- ²¹ «Концепции защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии» (из личного архива Астрид Зам).
- ²² Замечания группы ученых, Збаровский, Лепин, Малько, Нестеренко, от 21 декабря 1995 г., стр. 3 (из личного архива Астрид Зам).
- ²³ «Концепция защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии».
- ²⁴ Выступление на семинаре «Роль СМИ в освещении событий, связанных с чернобыльской катастрофой», г. Минск, 14 ноября 2008 г.
- ²⁵ Обращение Президента Беларуси к участникам Международной конференции «Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов», <http://www.president.gov.by/press10819.html#doc>.
- ²⁶ Выступление на семинаре «Роль СМИ в освещении событий, связанных с чернобыльской катастрофой», г. Минск, 14 ноября 2008 года.
- ²⁷ Выступление депутата Кашперко на 12 сессии ВС БССР. Архив Верховного Совета, № 968, опись 1, дело 2145 «Стенограмма 12 сессии ВС БССР одиннадцатого созыва от 25–27 октября 1989 года о Государственной программе по ликвидации в БССР последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 1990–1995 гг.», лист 52.
- ²⁸ Навіны беларускай акадэміі. 21.09.1990. С. 2.
- ²⁹ «... Предел облучения, который не должен превышать 0,1 бэр (1 мЗв) в год. Указанный предел облучения может достигаться поэтапно: 1991 г. – 0,5 бэр (5 мЗв) в год; 1993 г. – 0,3 бэр (3 мЗв) в год; 1995 г. – 0,2 бэр (2 мЗв) в год; 1998 г. – 0,1 бэр (1 мЗв) в год». Концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная президиумом Академии наук БССР в 1990 году.
- ³⁰ Зона отчуждения – зона отселения в 1986 г., прилегающая к территории ЧАЭС; зона обязательного отселения – территория с плотностью загрязнения почв по цезию-137, стронцию-90 и плутонию соответственно 40, 3 и 0,1 Ки/кв. км; зона отселения – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137, стронцием-90 и плутонием соответственно от 15 до 40, от 2 до 3 и от 0,05 до 0,1 Ки/кв. км где доза облучения человека может

превысить 0,5 бэр/5 мЗв/в год; зона с правом на отселение – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137, стронцием-90 и плутонием соответственно от 5 до 15, от 0,5 до 2 и от 0,01 до 0,05 Ки/кв. км, где допустимый предел облучения населения превышает 0,1 бэр/1 мЗв/в год; зона проживания с периодическим контролем – территория с плотностью загрязнения почв цезием-137 от 1 до 5 Ки/кв.км, где допустимый предел облучения человека не должен превышать 0,1 бэр/1 мЗв/в год. Концепция проживания на загрязненных радионуклидами территориях в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, одобренная президиумом Академии наук БССР в 1990 г.

³¹ Концепция безопасного проживания 1990 г.

³² Интервью с Астрид Зам. Минск, 16.11.07.

³³ «Концепция основных защитных мер для населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях Беларуси», разработанная в 1993 г. группой ученых под руководством профессора Нестеренко. Из личного архива Астрид Зам.

³⁴ Рецензия профессора В.Б. Нестеренко (без указания даты), Замечания группы ученых (Збаровский, Лепин, Малько, Нестеренко) от 21 декабря 1995 года (из личного архива Астрид Зам).

³⁵ Интервью с Никитченко. Минск, 17.10.07.

ОТ СТРАХА К ДЕЙСТВИЮ? ПРЕДПОСЫЛКИ И МОТИВАЦИИ НЕМЕЦКИХ ГРАЖДАНСКО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ В БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Abstract

At the centre of this paper is the involvement of West German Chernobyl initiatives in Belarus, which will be analysed with special regard to the social construction of security. Thereby especially the foundations of this involvement will be examined and historicised, which are to be found in the New Social Movements of the 1970ies and 1980ies – especially in the anti-nuclear power plant and peace movement. The paper asks by which perceptions and criteria of security and particularly insecurity the actors were guided in their involvement. It is focusing on the changing perceptions of fear and insecurity as one important impetus for civil societal involvement in the late Cold War phase.

«Когда дети приезжают в Германию, они приносят с собой собственное послание. Их тела и души являются свидетелями крупнейшей техногенной катастрофы в истории и приближающегося ядерного геноцида, который всех нас громко предостерегает. Их послание звучит очень скромно и просто: Я хочу жить»¹.

Этими словами метафорически описывал тогдашний первый председатель Федеральной германской ассоциации чернобыльских инициатив «Детям Чернобыля» («Den Kindern von Tschernobyl») и бывший евангелический пастор Буркхард Хомайер основы деятельности самой большой немецкой сети чернобыльских гражданско-общественных организаций. Часто цитируемая белорусская писательница Светлана Алексиевич в преддверии десятой годовщины катастрофы написала, что Чернобыль стал «метафорой, символом»². «Чернобыль» стал действительно метафорой,

основа которой глубоко заложена в неуверенности, которая выхолостила доверие к техническому прогрессу, управляемости рискованной технологией и относительной безопасности ежедневной жизни. «Чернобыль» означает так называемый «антропологический шок общества риска» (Ульрих Бек), атомного века, техногенной и экологической катастрофы: распад Советского Союза, радиоактивное заражение, непостижимые (в буквальном смысле) горе, страх, инвалидности, болезни. Между тем Чернобыль – больше, чем только «семантическая катастрофа», как лапидарно определил немецкий специалист в области ядерной физики³. Чернобыль показал не только ограниченность технического прогресса, но и ограниченность государственной власти в заботе о доверенных ей гражданах защите их. Чернобыль изменил, как «фокусник»⁴, прежние мнения о науке, технике и гражданстве. Катастрофа ускорила распад государственного социализма, выдвигавшего требования огосударствить ряд функций социального обеспечения, которые раньше принадлежали семье. Но Чернобыль не только в социалистических системах ставил под сомнение авторитет научной экспертизы и риторики технологического успеха «холодной войны». Эта «политизация знания» («*politicization of knowing*») привела к тому, что многие родители и эксперты воспринимали себя гражданами, заботящимися об экологии. Антрополог Криста М. Харпер охарактеризовала этот признак опять-таки как «политизация заботы» («*politicization of caring*»)⁵. Ниже будут приведены некоторые предпосылки и мотивации немецких гражданско-общественных инициатив по облегчению последствий чернобыльской катастрофы в Беларуси⁶. При этом не должны и не могут быть постулированы одномерные и линейные причинные связи, а будут предложены некоторые влиятельные меры в качестве средств для пояснения.

В то время, как обсуждение опасности атомной энергии, до некоторых пор гипотетической, началось в Федеративной Республике Германии задолго до катастрофы на украинской атомной электростанции⁷, случай самой большой предполагаемой аварии произошел 26 апреля 1986 г., и тогда успокаивающий «остаточный риск» стал повседневной опасностью и экзистенциальной угрозой. Мышление в категориях положительной безопасности приходит на смену отрицательному пониманию безопасности: уверенности, что последствия катастрофы останутся, что излучение вызовет угрозы для здоровья, а также ограничения качества жизни как в близком, так и весьма далеком будущем, и нельзя быть достаточно уверенными во всех последствиях. Эта всеобъемлющая неуверенность выражалась не в последнюю очередь в массовых проявлениях бессилия и страха.

Одновременно Чернобыль представлял отчетливо воспринимаемый поворотный пункт в транснациональных гражданско-общественных деятельности. Даже если не сразу после катастрофы (ибо перестройка делала все это), то постепенно стало возможным приобщаться социальным инициативам, которые

уже казались мышлением «холодной войны», были одновременно выражением и результатом тех процессов, которые совершались с 1970-х гг. в экологическом движении и движении в защиту мира в Германии. Наряду со всеми мрачными метафорами «Чернобыль» – это также символ движения солидарности, выходящего за рамки границ Европы, символ гражданско-общественных инициатив бесчисленных малых и больших групп. При этом Германия – наряду с США, Италией и Японией – принимала самое активное участие в международной частной помощи пострадавшим людям в Беларуси⁸.

С начала 1990-х гг. в Германии образовывались более 1000 больших и малых организаций, в задачи которых входило помогать жертвам катастрофы Чернобыля. Они приглашали сотни тысяч детей из зараженных радиоактивностью территорий, чтобы предоставить им несколько недель или месяцев отдыха в «безопасной» и «чистой» среде и/или медицинское обслуживание. Даже если со временем детей приглашают все меньше, еще почти 10 тыс. белорусских детей проводят каждый год каникулы в Германии⁹. Одновременно возникли центры отдыха в «чистых» регионах Беларуси, к примеру центр отдыха немецко-белорусской организации «Надежда». Бесчисленные контейнеры с пожертвованиями направлялись в пострадавшие регионы. И это только самая видимая часть широких инициатив немецких гражданско-общественных организаций. Наряду с этим предлагались курсы повышения квалификации для сельских жителей, воспитателей и врачей, возникали программы (по немецкой инициативе и при немецком финансировании белорусских местностей) на основании альтернативных энергетических источников для жителей переселенных из контрминированных (загрязненных радиоактивными веществами) территорий¹⁰.

В то время как еще в 1968 г. в сознании большинства немецкого населения понятие «атом» ассоциировалось преимущественно с бомбой и только в исключительных случаях с атомными электростанциями¹¹, тема атомной энергии в течение 1970-х гг. претерпела сильную символическую трансформацию и включала в себя атомные электростанции. Вследствие этого атомный дискурс получил центральную значимость в экологических дебатах¹². Немецкое «Движение против АЭС» возникло в 1960-е – 1970-е гг. в том контексте, который описывался как «инкубационный период новой субъективной культуры», когда распространялась «новая страхом охваченная субъективность», а также «повсеместный страх»¹³. При этом «страхом охваченный индивидуум» 1970-х гг. сталкивался со все возрастающим количеством реальных угроз в эпоху экономических кризисов, экологических разрушений и терроризма. Одновременно «новая субъективность» создавала только те переплетения восприятия, через которые индивидуум мог бы выяснить для себя значение этих опасностей¹⁴. Центральное место занимала подлинная артикуляция собственной озадаченности и эмоциональности, которая передавала язык страха эмоционально молчаливой традиционной гражданской культуре¹⁵. При этом собственная эмоциональность

(в особенности страх) могла стать стимулом политической и общественной деятельности¹⁶. Это ни в коем случае не означало, что в 1970-е гг. все граждане ФРГ были охвачены страхом. Она выдвигала, скорее, только *одно* измерение в «субъективной эмоциональной совокупности», как на нормативном уровне культуры субъекта, так и на уровне повседневных эмоциональных практик¹⁷. Эта возросшая восприимчивость и провозглашенное качество эмоциональной озадаченности стали основой немецких инициатив Чернобыля.

Страх перед атомной (военной) угрозой был также центральной контрольной точкой «нового» движения в защиту мира¹⁸. Движение связывало множество страхов и фундаментальных неуверенностей: страх перед Третьей мировой войной, перед экологическим разрушением окружающей среды и вместе с тем – грядущих неизвестных опасностей, а также страх перед техникой и ее неконтролируемыми последствиями¹⁹. Активисты не только протестовали, но и требовали иного образа жизни, который был бы более солидарным, мирным и экологически приспособленным²⁰. При этом доходило до далеко идущих взаимодействий с движением экологическим и «движением против АЭС», что выражалось даже в самонаименовании движения «Экопакс» (Ökoraх) – экологический мир.

Параллельно с ростом этого движения уменьшился «страх русских» – важная предпосылка для дальнейших инициатив Чернобыля. Как основа легитимаций западных усилий вооружения и частично также на основании дискуссии с альтернативными программами деятельности атмосфера страха все более утрачивала убедительность и постепенно исключалась «из репертуара легитимных эмоциональных выражений»²¹.

В частности, в движении «Экопакс» страх представлял только период на пути к действию «в качестве более политизированного и политически признанного эмоционального состояния», в то время как его семантическим контрастом оказалось не только непосредственное отрицание («нет страха»), а скорее такие символические контрпонятия, как «мужество» и «надежда», которые показали инициативы очень важным социальным инструментом²². Дальнейшая основная черта движения «Экопакс» – недоверие к институциональной политике – усилилась после Чернобыля и распространилась на ожидания, а также восприятие большинства немецких инициатив Чернобыля в Беларуси²³.

Дискурсы о здоровье, возрастающая забота о здоровье играли решающую роль в экологических движениях с 1970-х гг. как часть гражданско-общественной мобилизации. Происходило изменение парадигм в поле напряжения окружающей среды и здоровья, в то время как последний из двух все более определялся социально-экологически и тесно связывался с нормативными программами безопасности, хорошего здоровья, качества жизни, экологичного сознания и стойкости. Заболеваемость раком получила центральное место в дискурсах. Обширная дискуссия о раке как «болезни цивилизации» происходила в научно-

популярной литературе и в науке²⁴, которая часто характеризовалась также автобиографическим компонентом и предметно обсуждала окружающую среду как болезнетворную. Вместе с тем существовала проблема сенсбилизации (повышения чувствительности) к канцерогенным веществам, прежде всего к тем, которые не обнаруживаются зримо в окружающей среде и питании²⁵. У субъективной дискуссии с болезнью был сильный общественно-критический компонент, она передала политической критике новую форму «жизненно важной срочности и эмоциональности»²⁶.

«Страх всегда стремится к контрпроекту», так как он не приемлем на длительный срок ни для индивидуумов, ни для коллективов²⁷. Это касается и неуверенности. В то время как отдельные индивиды могут терпеть психическое повреждение, общество может вырваться за пределы политической интеграции и сцепления, если государство не сможет справиться с его первейшим назначением, а именно: гарантировать безопасность граждан²⁸. Одним из контрпроектов возникшему страху можно назвать инициативы немецких гражданско-общественных организаций по нейтрализации последствий Чернобыля в Беларуси. При этом эмоциональная обеспокоенность сочеталась с моральным долгом оказать помощь. «Страхом охваченная субъективность» 1970-х гг. создала предпосылки для морального права объективной абсолютности²⁹. Благотворительность как «индивидуальное просоциальное действие» владеет выделенным субъективным компонентом. Ее цель – помогать людям, которые воспринимаются «благотворителем» как нуждающиеся и/или находящиеся в бедственном положении. При этом все решает переменчивый диапазон ценностей активных участников³⁰. То, что устанавливалось для немецкого рынка пожертвований вплоть до 1980-х гг., можно перенести на инициативы по Чернобылю. Вместо того чтобы говорить, с одной стороны, о дихотомии просоциальных мотивов таких действий, как солидарность, готовность помочь или ориентация всеобщего блага, а с другой – о заботе о собственном благополучии, самоповышении стоимости и самоисполнения, более реально рассматривать благотворительность не как нагрузку, а как шанс на «потенциальное обогащение» инициатив. При этом ни в коем случае не исключаются просоциальное поведение и корысть³¹.

«Положительную психическую gratifikation», существенную в качестве знаменательных индивидуально-психологических мотивов на западногерманском рынке пожертвований, можно выявить также в инициативах по Чернобылю³², которые также помогали реализовать патерналистически-мотивированные чувства превосходства³³. Одновременно помощь другим позволяет провести границу между собой и теми, кто нуждается в помощи³⁴. Вместе с тем считается, что помогающий сам не принадлежит к тем, кто нуждается в помощи. Инициативы могут быть эффективным средством преодоления страха, если сторонники инициатив эмпатически ставят себя на место нуждающихся и

вследствие этого идентифицируют себя с их неуверенностями и страхом (или, по меньшей мере, собственными представлениями об этом). Инициативы в таком случае могут уменьшить чувство неуверенности³⁵. Предположение Лингельбаха, что пожертвования, базирующиеся на преодолении страха, объясняют часто так наблюдаемое желание опеки донора над получателем помощи, можно подтвердить относительно инициатив по Чернобылю. При этом доноры пробуют определить, каким образом он использовал бы помощь, если бы сам оказался в бедственной ситуации. Таким образом, происходит процесс идентификации и вместе с этим преодоления страха³⁶. Этим можно также объяснить желание помощи *ad personam* – она позволяет получить максимально возможное ознакомление с индивидуальными потребностями, которое как устраняет чувство неловкости, так и усиливает импульс поддержки³⁷.

Наряду с экологическими и мирными активистами действуют общественные инициативы миссии христианского примирения³⁸. «Примирением с засученными рукавами» назвал журналист Йоханнес Фосвинкель немецкую инициативу Чернобыля в Беларуси³⁹. Начало немецких инициатив по облегчению последствий Чернобыля в Беларуси происходило в тесной связи с частичным открытием границ Советского Союза в ходе перестройки и памятью о совершенных немцами преступлениях на бывшей советской территории. Официальные советские статистики указывали, что число жертв Второй мировой войны только в Беларуси было больше 2,2 млн человек⁴⁰. 209 белорусских городов и 9200 деревень были разрушены дотла немецкой стороной⁴¹. В 1988–1989 гг. состоялись первые протестантские паломничества в Белорусскую Советскую Социалистическую Республику, чтобы просить «о мире и примирении»⁴². В начале христианско-мотивированные инициативы в неизвестной стране, в которой воспоминания об ужасах Второй мировой войны до сегодняшнего дня актуальны и нередко обсуждаются совместно с воспоминанием о Чернобыле, были непостоянными. При этом авангард немецких групп по Чернобылю уже имел большой опыт работы по примирению, например с Израилем, Польшей и Норвегией.

Вновь и вновь описанные проблемы контакта, прежде всего, более пожилых белорусских адресатов получения помощи относительно немецких инициатив – это выражение многовекторного поля напряжения «жертвы национал-социализма/победители/жертвы атомной катастрофы против преступников национал-социализма/побежденные/доноры и помощники после атомной катастрофы». Для полноценного понимания и историзации этого поля необходимы еще многие исследования. Рассматривать это поле напряжения только по схеме «холодной войны» – друг/враг – недостаточно. Скорее всего, это комплексный процесс: виктимизация, с одной стороны, и героизация, с другой стороны.

Дискуссия о последствиях катастрофы на реакторе в немецких инициативах во взаимодействии с их белорусскими партнерами была определена с самого

начала натянутыми отношениями между двумя культурами знания: между субъективным знанием пострадавших (страх заболеваний и смерти как политический аргумент) и претендующим на деловую объективность экспертным знанием⁴³. При этом в идеальном варианте различают между собой два вида знаний: а) сфера культуры пострадавших, а значит мотивации, которые основываются на субъективном, прежде всего эмоциональном поражении, в которых научные аргументы являются важными только на переднем плане и могут дополнять сами себя, и б) сфера экспертной культуры, это значит тех аргументаций, которые основываются на объективных фактах экспертного знания. Из-за сложности воздействия атомной энергии с самого начала общественного обсуждения стало очень трудно различать, кто «эксперт» и кто нет. Мнения экспертизы также были разные. Развитие ядерной науки в Западной Германии объяснялось до 1970-х гг. «не как событие политической важности», а как определенное поле предметной рациональности и как сфера деятельности экспертов⁴⁴. Даже если доверие к экспертам ослабело в начале «новых социальных движений»⁴⁵, с чем была связана дополнительная неуверенность, можно отчетливо видеть, что мнения «экспертов» после Чернобыля снова приобретали большое значение. Жажда к надежным, дающим уверенность цифрам в период полной неуверенности казалась ненасытной. Статистики болезни, радиоактивного заражения и смерти играли и играют большую роль в аргументациях помогающих и получающих сторон инициатив. Особенно отчетливо это видно в обращении со статистикой заболеваемости и прежде всего – со статистикой рака. Поиск критериев, которые допускают классифицировать то, что невозможно распределять по категориям, и одновременно оправдывают общественную инициативу, способствовал тому, чтобы связывать высоко-комплексную вещественную аргументацию с ценностными убеждениями⁴⁶. При этом экспертам, прежде всего медикам и физикам, предоставлялся значительный кредит доверия⁴⁷. Статистики соревновались в выявлении ресурсов и поддержке Германии при оказании помощи белорусской стороне. При этом порой кажется, что научные аргументы только поверхностно знаменательны и могут обособляться, а также в них могут смешиваться научные и гуманитарные аспекты. Статистики мобилизовали сторонников или новых соратников выигрывать пособия и удостоверяться в праве собственной инициативы. При этом отмечались случаи преувеличений, непомерных сравнений или изложения по традиции стереотипов⁴⁸. Кроме того, цифры представлялись общественности также в слишком убедительных и частично преувеличенных формах и связывались с радикальной и сомнительной иконографией. Одновременно инициативы для себя самих произвели что-то вроде новых экспертов: активистов, например гостевых родителей, которые посещают «своих» детей в Беларуси. Хомайер описывал этот феномен так: «При этом они стали настоящими “экспертами” по Чернобылю, представленными собственными глазами и ушами»⁴⁹.

Немецкие инициативы по Чернобылю невозможно понять без развития «новых социальных движений» 1970–1980-х гг., в частности «движения против АЭС» и «нового» движения в защиту мира. «Новая культура экспрессивной эмоциональности»⁵⁰, которая была тесно связана с возрастающей неуверенностью в связи с экологическими угрозами, имела большое влияние на все виды действий, самоинтерпретации и коммуникативные стили инициатив по Чернобылю. Общность между немецким востоком и западом в проявлении инициатив по облегчению последствий катастрофы базировалась не только на восприятии непосредственных последствий, которые невозможно было понимать в целом, но и на общем чувстве неуверенности в период сложной «экологической эпохи».

Одновременно изменения в культуре памяти играли важную, пусть даже косвенную, роль как триггер инициатив. Большинство участников немецких инициатив воспринимает себя не только как инициаторов примирения, но и как носителей предупреждения/напоминания об атомной катастрофе. Им удалось внедрить сознание опасности использования атомной энергии даже в дальних немецких провинциях (землях).

Различные выражения гражданско-общественных инициатив, формирование транснациональных союзов на гражданско-общественном уровне, также с частичной финансовой поддержкой со стороны государства, можно понять как новую форму политики безопасности и внешней политики в пределах *global civil society*.

Примечания

- ¹ Burkhard Homeyer. Wenn die Kinder kommen, dann bringen sie ihre Botschaft mit // Internationale humanitäre Zusammenarbeit – Einsichten und Ergebnisse, Rundbrief der Bundesarbeitsgemeinschaft „Den Kindern von Tschernobyl“ in Deutschland („Den Kindern von Tschernobyl“). Вып. №1. Июнь 1995. С. 2.
- ² Алексиевич, С. Чернобыльская молитва. Хроника будущего. М., 1998. С. 25.
- ³ Цит. по: Hans Lenk. Übergröße der Verantwortung? Vor und nach Tschernobyl // Ethica. 4 (1996). 4. S. 363.
- ⁴ Thomas A. Birkland, Natural Disasters as Focusing Events: Policy Communities and Political Response // International Journal of Mass Emergencies and Disasters. 14 (1996). 2. P. 221–243.
- ⁵ Krista M. Harper. Chernobyl Stories and Anthropological Shock in Hungary // Anthropological Quarterly. 74 (2001). 3. P. 114.
- ⁶ Данная статья охватывает только развитие в Западной Германии. Исследования автора включают и Восточную Германию. Ср.: www.after-chernobyl.de.
- ⁷ См.: Joachim Radkau. Aufstieg und Krise der deutschen Atomwirtschaft 1945–1975. Verdrängte Alternativen in der Kerntechnik und der Ursprung der nuklearen Kontroverse. Hamburg, 1983.
- ⁸ См.: Astrid Sahn. Auf dem Weg in die transnationale Gesellschaft? Belarus und die internationale Tschernobyl-Hilfe // Osteuropa. 56 (2006). 4. С. 108.
- ⁹ Sahn. Weg. S. 108.

- ¹⁰ Ср. проект «Дом вместо Чернобыля» («Heim-statt Tschernobyl»), www.heimstatt-tschernobyl.com.
- ¹¹ См.: Radkau. Aufstieg und Krise. S. 435.
- ¹² См.: Albrecht Weisker, Powered by Emotion? Affektive Aspekte in der westdeutschen Kernenergiegeschichte zwischen Technikvertrauen und Apokalypseangst // Franz-Josef Brüggemeier/Jens Ivo Engels (Eds.), Natur- und Umweltschutz nach 1945. Konzepte, Konflikte, Kompetenzen. Frankfurt; New York, 2005. S. 211.
- ¹³ Frank Biess. Die Sensibilisierung des Subjekts: Angst und „Neue Subjektivität“ in den 1970er Jahren // Gefürchtete Geschichte. Werkstatt Geschichte. 49 (2008).
- ¹⁴ Biess. Sensibilisierung. S. 52.
- ¹⁵ См.: Ibid. S. 53.
- ¹⁶ См.: Ibid. S. 54.
- ¹⁷ Ibid. S. 54.
- ¹⁸ См.: Susanne Schregel. Konjunktur der Angst. «Politik der Subjektivität“ und neue Friedensbewegung, 1979–1983 // Bernd Greiner/Christian Th. Müller/Dierk Walter (Hg.), Angst im Kalten Krieg [Studien zum Kalten Krieg, Band 3]. Hamburg, 2009. S. 508.
- ¹⁹ См.: Karl-Werner Brand/Detlef Büsser/Dieter Rucht, Aufbruch in eine andere Gesellschaft. Neue soziale Bewegungen in der Bundesrepublik, aktualisierte Neuauflage, Frankfurt am Main/New York 1986. S. 206.
- ²⁰ См.: Brand/Büsser/Rucht. Aufbruch. S. 214.
- ²¹ Schregel. Konjunktur. S. 518.
- ²² Ibid. S. 515–517.
- ²³ Ibid. S. 500.
- ²⁴ В 1964 г. обосновался первый Немецкий научно-исследовательский центр рака в г. Гейдельберг.
- ²⁵ См.: Biess, Sensibilisierung. S. 63 и следующие.
- ²⁶ Ibidem. См. также его речи о парадоксальном воздействии роста профилактических исследований, которые разжигали в конце концов, вероятно, больше страха, чем они могли устранять (с. 68).
- ²⁷ Bernd Greiner. Angst im Kalten Krieg, Bilanz und Ausblick // Greiner/Müller/Walter (Eds.) Angst im Kalten Krieg. S. 21.
- ²⁸ См.: Greiner. S. 21.
- ²⁹ См.: Biess. Sensibilisierung. S. 69.
- ³⁰ См.: Gabriele Lingelbach, Spenden und Sammeln. Der westdeutsche Spendenmarkt bis in die 1980er Jahre. Göttingen 2009. S. 14.
- ³¹ Lingelbach. Spenden. S. 20.
- ³² Lingelbach. Spenden. S. 400.
- ³³ Из исследования Института психологического изучения рынка и социального исследования. Франкфурт. Цит. по: Lingelbach, Spenden. S. 400.
- ³⁴ См.: Lingelbach Spenden. S. 400.
- ³⁵ Ibid. S. 401.
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Для восточногерманских, нехристианских инициатив этот аспект играет меньшую роль. Существующие контакты послужили импульсом к началу инициатив.

- ³⁹ При этом он ссылается на проект глинобитной постройки и ветряных мельниц «Дом вместо Чернобыля» («Heim-statt Tschernobyl»). Но могут скрываться под этим девизом и другие инициативы, не в последнюю очередь служба добровольцев «Акция знак искупления служба делу мира» («Aktion Sühnezeichen Friedensdienste»), которые с 1992 г. регулярно отправляют добровольцев в Беларусь. Johannes Voswinkel. Die deutsche Straße. Häuser für die Tschernobyl-Opfer // DIE ZEIT. Nr. 49. 27.11.2003 г.
- ⁴⁰ См.: Christian Gerlach, Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 2000.
- ⁴¹ David R. Marples. Die Sozialistische Sowjetrepublik Weißrußland (1945–1991) // Dietrich Beyrau/Rainer Lindner (Eds.). Handbuch der Geschichte Weißrußlands. Göttingen, 2001. S. 166–177, здесь с. 150.
- ⁴² Такие действия предпринял бывший церковный президент (1993–2008) Евангелической церкви в Гессене и Нассау Петер Штайнакер. Die Autoren dieses Buches machen uns Mut... // Fred Dorn (Ed.). Lebendige Partnerschaften / Живое партнерство. Minsk, 2001. S. 24.
- ⁴³ Ср. уровень исследований по экспертной культуре в Западной Европе и в США обзор Rudloff, Введение (2004), а также Latour (1979), Woolgar (1987). В роли эксперта по немецкой атомной политике – Rusinek (2004).
- ⁴⁴ Radkau. Aufstieg und Krise. S. 14, 85.
- ⁴⁵ Под (Новыми социальными) движениями в исследованиях Западной Европы понимаются в самом широком смысле группы, инициативы и организации гражданского общества, это означает – коллективные формы самоорганизации, которые противостояли эстаблированным партиям и организациям.
- ⁴⁶ См.: Albrecht Weisker. Expertenvertrauen gegen Zukunftsangst. Zur Risikowahrnehmung der Kernenergie // Ute Frevert (Hg.). Vertrauen. Historische Annäherungen. Göttingen, 2004. S. 416.
- ⁴⁷ См.: Weisker. Powered. S. 203; Он же, Expertenvertrauen. S. 394–421.
- ⁴⁸ На вопрос, чего она хотела бы достигнуть, одна Чернобыльская инициатива ответила таким образом: «Показать детям в Германии, что также есть другая жизнь – без водки, при отрегулированной работе и т.д.». Архив автора.
- ⁴⁹ Буркхард Хомайер о поездках гостей родителей, 20 Jahre Tschernobyl: Wenn die Kinder kommen..., Münster April 2006.
- ⁵⁰ Biess. Sensibilisierung. S. 53.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НПО В УКРАИНЕ ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Abstract

This paper will look into the development of the civil environmental movement in Ukraine in the course of democratization processes after the break-up of the USSR. In particular, it searches for answers to the following questions: how environmental degradation after Chernobyl influenced the development of the environmental movement as a whole, and its individual non-governmental organizations (NGOs), in particular; how environmental NGOs emerged, what role they played and how they developed throughout the years, following the Chernobyl catastrophe and the break-up of the Soviet Union.

В данной статье автор анализирует развитие общественного экологического движения в Украине в период демократизации после аварии на Чернобыльской АЭС и распада СССР. В частности, будут исследоваться такие вопросы: как ухудшение состояния окружающей среды после аварии на Чернобыльской АЭС повлияло на развитие экологического движения в целом и отдельных неправительственных организаций (НПО), как возникли экологические НПО, какую роль они играли, как они развивались в постчернобыльские годы и после распада Советского Союза.

Ключевые слова: *экологическое движение, экологические НПО, неправительственные организации, развитие.*

Задержка с оповещением об опасности чернобыльской катастрофы и невежество со стороны партийного и государственного руководства имели далеко идущие последствия не только для здоровья населения, но и для дальнейшего политического развития в Украине после провозглашения ее не-

зависимости в 1991 г. Даже после получения Украиной суверенитета Чернобыль стал не меньшим «социальным катализатором», а наоборот. Вновь созданное свободное пространство, которого не существовало во времена руководства Коммунистической партии, теперь стало открытым для коммуникации и мобилизации. Обеспокоенность и привлечение граждан к решению экологических проблем стали движущей силой в разрушении контролируемой государством монополии на политику в бывшем Советском Союзе с помощью мобилизации общественных движений в начале перестройки (CP Sahm, 1999; Arnd, 2008). Авария на Чернобыльской АЭС привела к ранее неизвестным сенситизации и мобилизации больших групп людей, особенно в сильно пострадавшей УССР. «Деградация окружающей среды усиливает социальное сопротивление и общественные движения»¹. В свою очередь эти общественные движения, как агенты перемен, позднее влияют на развитие общества в целом и окружающей среды в частности.

«Сразу после аварии и в первые годы после Чернобыля массовое сознание было “заражено” чернобыльской истерией – все, что происходило с людьми или вокруг них, интерпретировалось как следствие чернобыльской аварии. Со временем, начиная со второго десятилетия после чернобыльской аварии, острота этой трагедии постепенно снизилась, в первую очередь из-за экономических трудностей, ухудшения благосостояния, безработицы и других проблем переходного периода... Постепенное снижение важности чернобыльского вопроса стало не столько результатом успешной ликвидации последствий стихийного бедствия, сколько актуализации других социальных проблем»². Важно исследовать, каким образом эта тенденция отражена в деятельности и развитии экологического гражданского движения в Украине.

Постчернобыльское общество: социально-политический контекст для развития экологического движения

Символично то, что «Чернобыль отождествляют с лукавством и крахом, по существу, полным банкротством советской системы в целом. Он стал объединительным толчком к мобилизации людей против той системы»³. Основными факторами, которые влияют на развитие гражданского общества в целом, и украинского экологического движения в частности, можно определить следующие: (а) принудительное изменение образа жизни населения, которое повлекла чернобыльская катастрофа, (б) растущее недовольство населения социальным строем и (в) политическую новизну в форме массовых политических протестов, гласности и построения новой многопартийной политической системы.

По Смелзеру, структурное напряжение либо противоречие зарождаются в результате социального конфликта интересов. Гражданские движения возникают тогда, когда недовольство социальным строем достигает определенного

уровня. Смелзер отмечает, что это недовольство возникает в результате объективного события или ситуации, которые могут кардинально изменить образ жизни населения или сформировать новые стандарты, по которым люди оценивают события или ситуации⁴. Принудительное изменение образа жизни населения произошло из-за ухудшения здоровья и качества жизни, растущих радиационных рисков, а также из-за очень низкого уровня информированности людей о том, как выживать в новых социально-политических и экологических условиях после аварии.

После черновильской катастрофы люди столкнулись с физическими и психологическими проблемами адаптации к новой среде, например врожденные пороки, рак, лучевая болезнь, а также посттравматическое стрессовое расстройство. Социально-экономические условия также ухудшились из-за экономической стагнации, понижения уровня жизни, экономической либерализации и распада государственной финансовой системы. По мнению Яницкого, в пост-тоталитарном обществе обеспокоенность населения состоянием окружающей среды, плотное заселение на экологически рискованных территориях и очевидная угроза здоровью и образу жизни населения играют важную, но не критическую роль в возникновении экологического движения⁵. Несмотря на то что Яницкий критически относится к роли этих факторов в формировании экологического движения, некоторые общественные деятели, рассказывая про зарождение общественного движения, отмечали, что именно страх распространения мирного атома и желание спасти себя и молодое поколение от экологических катастроф были основными мотивами в самоорганизации общественности вокруг экологических вопросов.

Отсутствие правдивой информации о состоянии окружающей среды в целом и последствиях черновильской катастрофы в частности вызывало возмущение и стимулировало индивидуальные и коллективные действия, направленные на получение доступа к информации касательно ее последствий для людей и окружающей среды, а также давление на чиновников с целью решения местных экологических проблем.

В эпоху перестройки были внедрены новые стандарты гласности, а это существенно повлияло на активизацию гражданской деятельности «снизу». Солчаник указывает на то, что «первый призыв к формированию массовой гражданской организации для распространения идей перестройки, который достиг широкой аудитории, был сделан Павлычко на экологической встрече в Киеве, организованной несколькими «неформальными группами» в 1988 г.⁶ В 1991 г. «Зеленый свит» организовал независимое гражданское черновильское расследование, которое дало юридическую оценку причин, обстоятельств и последствий черновильской катастрофы. Выводы этого расследования были открытыми для общественности. Политика гласности создала пространство для интенсивных дискуссий и общественных кампаний по экологическим вопросам. Этот новый

опыт общественного дискурса стал ключевым механизмом для формирования «зеленых сетей» и структурной дифференциации движения»⁷.

Перемены на политической арене не остались незамеченными для экологического движения. «Массовый политический протест создавал массовое экологическое движение, которое быстро политизировалось»⁸. После чернобыльской аварии зеленые лозунги стали очень популярными; поэтому немало демократических лидеров использовали их в политической борьбе. Движение за независимость, политическая новизна «зеленой» идеологии и новой многопартийной системы были важными факторами в идеологическом и институциональном развитии экологического движения.

После распада Советского Союза и расформирования большого количества научно-исследовательских институтов, ранее финансируемых государством, на рынке труда очутилась армия безработных специалистов. Эти интеллектуалы стали основной средой для развития новых социальных движений. Многие из них явились ключевым активом для обеспечения долгосрочного институционального развития природоохранных НПО. В середине 1980-х, кроме «государственного» общества защиты окружающей среды, были созданы студенческие природоохранные дружины, целью которых стало улучшение защиты окружающей среды и экологического мониторинга. Стегний⁹ считает, что опыт волонтерства в таких дружинах был важен для приобретения управленческих навыков, необходимых для основания первых экологических НПО. «Интеллектуальный потенциал, накопленный в советском обществе, требовал социальных действий»¹⁰. Эта потребность в социальном действии выливалась в массовые протесты, новые политические движения и волны гражданской активности «снизу».

Экологическое движение: динамика развития

Истоки экологического гражданского действия в Украине берут начало с 1946 г., когда было создано первое украинское общество охраны природы как филиал всесоюзного общества охраны природы. Вначале членами общества были известные представители интеллигенции, а позже к деятельности общества привлекались чиновники разных уровней из разных государственных учреждений. Поскольку общественное участие в принятии экологически значимых решений было невозможным, предусматривалось, что роль общества охраны природы сводилась к проведению информационных кампаний и борьбе с браконьерством. Членство в таких обществах было формальным; мизерные членские взносы позволяли отчитываться о большом количестве членов, что давало основания для признания организации легитимной и общественной. Стоит отметить, что на руководящие должности общества преимущественно назначались чиновники министерства высокого уровня. Так называемые обще-

ственные ассоциации де-факто действовали под полным контролем власти. Такой формат общественного объединения вызывал разочарование населения в общественной деятельности.

Получить содержательную официальную статистику о существующих экологических неправительственных организациях невозможно, поскольку Министерство юстиции не использует классификацию организаций по видам их деятельности. В официальной статистике существует классификация НПО по критерию региональной регистрации – международные, всеукраинские, областные, городские, районные и зарегистрированные путем оповещения. На основании анализа всех каталогов НПО, изданных ICAP и Творческим центром Каунтерпарт, Стегний¹¹ предложил использовать такие статистические данные о хронологии создания неправительственных организаций. Основная масса (84%) экологических неправительственных организаций, созданных до 2000 г., были основаны на протяжении первого десятилетия после Чернобыля (1986–1995). Среди первых больших экологических организаций – УЭА «Зеленый Свит» (1987), «Экология и Мир» (1988) и «Мама-86» (1990). В основе двух основных политических движений (позднее партий) – Народный рух Украины и Партия зеленых лежали деятельность и кадровый потенциал «Зеленого Свиту». «Зеленый Свит», как общественная ассоциация, и Партия зеленых, как политическая сила, функционировали на разных уровнях – на местном и законодательном.

Андрусевич¹² условно разделил постчерновильские экологические неправительственные организации на две группы: (а) небольшая группа активистов, деятельность которых была направлена на решение реальных проблем на местном или региональном уровне, а также (б) организации, которые направлены на реформу государственной власти и экологического управления. По его мнению, после определенного периода организационного строительства и развития организации можно классифицировать как организации политико-лоббистского характера (policy organizations), аналитические центры (think tanks) и организации местного действия (grassroots organizations).

Модель организационного развития группы, разработанная Такманом для анализа групповой динамики, может быть использована для описания этапов развития сообщества украинских экологических НПО.

1. **Формирование** (ориентировочно 1985–1995 гг.). Этот этап характеризуется проведением ситуативных встреч с целью решения конкретных проблем или продвижения конкретных интересов, использованием имеющихся ресурсов волонтеров и высоким уровнем сотрудничества и взаимодействия между разными группами. В это время была очень распространенной практика организации массовых кампаний и акций протеста против конкретного решения или проекта, например запретить строительство новых атомных станций. Серия таких протестов и конфронтаций создала достаточно враждебный контекст в отношениях движения с властью. Соответственно, как движение в целом, так

и отдельные организации в частности нуждались в новых подходах к работе, направленных на выживание и самообеспечение в долгосрочной перспективе. Один из экспертов подчеркнул, что это был период стихийного формирования групп активистов и организаций.

2. Штормование (или столкновение) (ориентировочно 1995–2003 гг.). Так называемая «новая волна» НПО возникла в ответ на растущие потоки международной и технической помощи, которые помогали организациям не только реализовывать проекты, но и расширять их институциональный потенциал. «Конечными продуктами оживления общественной активности были не массовые протесты, а информация, управленческие навыки и политические технологии»¹³.

Несмотря на то что доноры стремились все больше и больше работать с профессиональными организациями, которые умели руководить грантами и внедрять проекты, в этот период появилось много «однодневных» организаций, созданных с целью освоения донорского финансирования. В то же время стратегически ориентированные организации начали активно расширять институциональный потенциал, а также развивать управленческие структуры и профессионализировать свою деятельность. Яницкий так объясняет эту динамику: «После того, как некоторые активисты занялись своей политической карьерой, политические движения предпочитали остаться профессиональными»¹⁴.

С одной стороны, это позволило организациям предотвратить «утечку мозгов», а с другой стороны – высокие зарплаты не всегда привлекали тех, чьи личные цели и ценности совпадали с организационными заданиями и ценностями. Некоторые НПО начали больше напоминать консалтинговые агентства, чем группы активистов. Чтобы привести свою организационную историю в соответствие с требованиями доноров, многие НПО брались за выполнение проектов очень широкого спектра действия. Это позволяло членам организации получить опыт работы в разных сферах, но мешало организациям определять и придерживаться долгосрочных стратегий и тематического фокуса в своей работе.

Основная волна финансирования природоохранных проектов закончилась в 2001 г., когда администрация Буша приняла решение перефокусировать техническую помощь на социальные направления. Уровень напряжения среди экологического общества вырос в связи с высокой конкуренцией на рынке грантов. Многие НПО отдавали предпочтение единоличному выполнению проектов, а не обмену информацией или разработке сетевых проектов с привлечением других организаций. Некоторые организации сделали несколько попыток создать единственную организационную сеть или структуру, но они потерпели поражение преимущественно из-за отсутствия четких общих целей, внутренних разногласий, конкуренции среди организаций и лидерских амбиций. В условиях конкуренции наблюдались такие тенденции: некоторые организации начали

строить более тесные отношения с государственными учреждениями, предприятиями и политическими силами; появилось достаточно много организаций-однодневок, которые создавались для использования грантовых денег; учащались случаи коррупции и злоупотреблений в неправительственном секторе и донорской среде. Это создавало ограничения для развития мощного единого экологического движения.

Внутренние дразги стали особенно заметны среди чернобыльских организаций. Некоторые чернобыльские организации по сути своей работы были похожи на карманные организации при органах государственной власти (так называемые GONGO по А. Фаулеру), их часто возглавляли приближенные к чиновникам люди и они чаще других получали особые привилегии в виде государственного финансирования и льгот. «В деле по расколу единства чернобыльцев власть возлагала большие надежды на создание в нашем движении “пятой колонны”, так называемого “Объединения чернобыльских организаций”. Таких формирований — разнообразных фондов, объединений, союзов, а точнее союзиков, поскольку большинство их состоит лишь из нескольких людей, в Украине около 180. Многие из них получают тонны разнообразной гуманитарной помощи и строят на этом коммерцию, имеют прекрасные офисы, решают свои частные дела. И очень далеки от проблем 3,5 миллионов потерпевших от чернобыльской беды. Понятное дело, что за командой сверху эти господа единодушно поддерживают любые решения власти, направленные на подрыв социальной защиты жертв Чернобыля. Правда, их голоса тонут в общем хоре протеста»¹⁵.

Уровень социальных связей между НПО, а также их отношения с другими заинтересованными сторонами, включая государство, являются определяющими характеристиками общественного движения. Обершол¹⁶ считает, что быстрая мобилизация невозможна, если организация образована из индивидуальных членов. Она (быстрая мобилизация) становится возможной только тогда, когда привлечены хорошо организованные ассоциации людей, которые готовы действовать. На этапе столкновения ряд экологических организаций не имели достаточного потенциала для быстрой мобилизации и хорошо организованных действий в контексте экологического движения.

3. Нормализация и выполнение (ориентировочно 2004 г. – до нынешнего времени). Многие из экспертов считают, что это период профессионализации и бюрократизации экологических НПО. Другие называют это временами «вестернизации», поскольку украинские НПО все больше стремились к созданию рабочих контактов с организациями на Западе, было профинансировано и проведено много учебных программ для активистов из управления НПО, некоторые организации начали применять западные подходы к управлению НПО.

Во время интервью экологических активистов, проведенных Стегнием¹⁷ в 1995 г., больше половины респондентов отметили неофициальную природу их организации, а подобное исследование 2005 г. показало, что количество таких

неформальных организаций снизилось почти вдвое. Много «старых» постчернобыльских организаций, созданных на этапе «формирования», наладили сотрудничество с донорами или бюджетными учреждениями, и это открывало для них возможности получать более стабильное долгосрочное финансирование. В то же время образовывалось все больше ситуативных групп активистов, ориентированных на решение конкретных вопросов местного значения. Например, много таких групп объединилось вокруг борьбы с застройками на территории зеленых зон или дворов. В интервью один из экспертов отметил, что параллельно все больше молодежных и студенческих организаций начали инициировать экологические проекты.

Такая динамика положительно влияла на экологическое движение в целом. В процессе эволюции организации решили сфокусировать свою работу на конкретной проблеме и найти свою нишу в экологическом сообществе в отличие от распространенного ранее «универсального подхода» в своей деятельности. В результате значительно вырос уровень профессионализма членов и сотрудников организаций, несколько снизилась конкуренция за гранты, следовательно, открылись более широкие возможности для объединения усилий разных организаций для решения определенных проблем, проведения широких кампаний, выполнения национальных проектов, создания сетей и активизации обмена информацией между организациями.

Несмотря на определенные позитивные сдвиги в развитии экологического движения в Украине, переход к этапу «Выполнение» все еще происходит очень медленно. Перечисленные проблемы препятствуют институциональному расширению движения и его переходу на этап «Выполнение».

Среди основных вопросов, которые препятствуют организации и движению в целом для перехода на этап «Выполнение», – дефрагментация, недостаточная сфокусированность и политизация природоохранной деятельности. Эти тенденции можно отследить на примере работы УЭА «Зеленый Свит».

Ассоциация «Зеленый Свит» стала важной платформой для демократического обсуждения вопросов широкого спектра, начиная с экологических проблем и заканчивая политическими идеями. Это, безусловно, стало новым опытом для многих активистов, но этой платформе и организациям, которые работали и в ее рамках, и вне ее рамок, не хватало тематической сфокусированности, профессионального подхода и организационной последовательности. «Зеленый Свит» сгенерировал много требовательных и критических резолюций по разнообразным вопросам. Недостаточная тематическая сфокусированность обсуждений и широкий спектр документов вредили репутации ассоциации изнутри, а также негативно влияли на имидж ассоциации среди внешних стейкхолдеров.

«Гражданское общество в Украине имеет много проблем в достижении публичного признания и поддержки из-за скользкого следования важным цен-

ностям»¹⁸. В соответствии с отчетом Сивикус Index Украина, большинство населения считают роль гражданского общества в охране окружающей среды незначительной, ограниченной или умеренной, и только 25% респондентов считают ее существенной¹⁹. Как указывает Яницкий, «цели и ценности, в результате, определяют организационную структуру движения»²⁰. Следовательно, неясные цели и рассредоточенные ценности в определенной мере объясняют высокую степень внутренней дезинтеграции и отсутствие координации внутри экологического движения.

Несмотря на то что в середине экологического движения начались разные внутренние конфликты вокруг вопроса, кто должен быть формальным и неформальным лидером этого движения, стоит вспомнить о том, что разнообразные ассоциации и коалиции начинают свою работу именно в этот период.

В связи с отсутствием четкого разделения между политической деятельностью и экологическим активизмом в работе «Зеленого Свита», «Зеленый Свит», как экологическое движение, и Партия зеленых столкнулись со многими трудностями стратегического характера и сформировали противоречивые представления о своей работе и эффективности. Более того, низкая результативность работы и отсутствие реального прогресса в решении экологических вопросов во время пребывания Партии зеленых в парламенте негативно повлияли на репутацию зеленого движения в целом. В результате отсутствия последовательности в разделении политической деятельности от общественного активизма рядовые граждане часто ассоциировали Партию зеленых с экоНПО, подтверждением чего служат результаты массового опроса, проведенного в 1999 г. По результатам опроса, каждый пятый респондент назвал Партию зеленых экологической НПО²¹. В Украине «социальные движения формировались в условиях неспособности политических институций социалистических времен к восприятию самостоятельной политической активности, что создало благоприятные условия для самостоятельного развития этих движений. Однако возникновение новых политических институций позволило интегрировать лидеров социальных движений в новые органы, и, как следствие, упомянутые движения потеряли собственную политическую динамику»²².

Следует отметить, что сам факт прохождения Партии зеленых в парламент на выборах 1998 г. стал сильным толчком к расширению и формализации всеукраинских ассоциаций, как, например, ВЭЛ и Мама-86. С другой стороны, Стегний указывает на то, что экологическое движение не имело достаточного влияния на «экологизацию политического сознания и электоральных ориентаций избирателей»²³. Это отражается в тенденциях развития самой Партии зеленых. После успеха на парламентских выборах 1998 г. партия не оправдала ожиданий своих избирателей и продолжала терять их доверие. Несмотря на официальный рост количества членов в 41 раз (из 2000 членов в 1991 г. до 82 000 в 2007 г.), результаты партии на парламентских выборах продолжают ухудшаться (с 5,43% в 1998 г. до

0,4% в 2007 г.)²⁴. Правда, стоит отметить то, что большинство природоохранных НГО на трех последних выборах сознательно и публично дистанцировались от ПЗУ.

Выводы

Статья анализирует развитие экологических НПО, начиная со времен украинского общества охраны природы и кончая появлением сотен организационно развитых неправительственных организаций. Используя модель Такмана, автор прослеживает развитие экоНПО на этапах формирования, столкновения, нормирования и выполнения. Несмотря на определенные позитивные сдвиги в развитии экологического движения в Украине, переход к этапу «выполнения» все еще происходит очень медленно. Среди основных проблем, которые препятствуют переходу организаций и движения, – дефрагментация, недостаточная сфокусированность и политизация природоохранной деятельности.

Десятилетия однопартийной дисциплины и замалчивания аварии на Чернобыльской АЭС привели к ранее неизвестным сенситизации и мобилизации больших групп людей. Движение за независимость, политическая новизна «зеленой» идеологии и новой многопартийной системы стали важными факторами в идеологическом и институциональном развитии экологического движения.

Основными факторами, влияющими на развитие гражданского общества в целом и украинского экологического движения в частности, можно назвать: (а) принудительное изменение образа жизни населения, которое повлекло чернобыльская катастрофа и распад СССР, (б) растущее недовольство населения социальным строем и (в) политическую новизну в форме массовых политических протестов, гласности и построения новой многопартийной политической системы.

Принудительное изменение образа жизни населения произошло в связи с ухудшением здоровья и качества жизни и ростом радиационных рисков. Социально-экономические условия тоже ухудшились из-за экономической стагнации, увеличения уровня бедности, экономической либерализации и распада государственной финансовой системы.

Отсутствие правдивой информации о состоянии окружающей среды и последствий чернобыльской катастрофы вызывало чувство возмущения и стимулировало индивидуальные и коллективные действия, направленные на получение доступа к информации о последствиях чернобыльской аварии для людей и окружающей среды, а также давление на чиновников с целью решения местных экологических проблем. Этот новый опыт общественного дискурса стал ключевым механизмом для формирования «зеленых сетей» и структурной дифференциации движения.

Автор виражає благодарність Мелани Арндт, Наталії Барановської, Анне Голубовської-Онисимової, Дмитрію Скрильникову і Александрі Степаненку за їх неocenимий вклад і підтримку при підготовці данної статті, а також фонду Фольксваген і Потсдамському центру історических дослідвань за підтримку даних дослідвань.

Примечания

- ¹ Schnaiberg A., Gould K. Environment and Society: The Enduring Conflict. New York: St.Martin's Press, 1994; Стегній О. Екологічний рух в Україні: соціологічний аналіз. Київ, 2001. С. 20.
- ² Саєнко Ю. та ін. «Соціальні пріоритети національної політики подолання наслідків Чорнобильської катастрофи, Пост-Чорнобильський соціум: 20 років по аварії. Чорнобиль і соціум (випуск 11). К, 2005. 46–47.
- ³ Solchanyk R. Introduction, Ukraine: From Chernobyl' to Sovereignty: A collection of interviews. McMillan, 1992. xviii.
- ⁴ Смелзер Н. Социальные движения. Социология. М., 1994. С. 597.
- ⁵ Яницкий О. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории // Социологические исследования. №10. М., 1998. С 23–24, 28.
- ⁶ Solchanyk R. Introduction, Ukraine: From Chernobyl' to Sovereignty: A collection of interviews. McMillan, 1992. XVI–XVII.
- ⁷ Яницкий О. Экологическое движение в «переходном» обществе... С. 23–24, 28.
- ⁸ Там же. С 28.
- ⁹ Стегній О. Екологічний рух в Україні: соціологічний аналіз. С. 243.
- ¹⁰ Яницкий О. Экологическое движение в «переходном» обществе... С. 26–27.
- ¹¹ Стегній О. Екологічний рух в Україні: соціологічний аналіз. С. 89.
- ¹² Андрусевич Андрій. Неурядові екологічні організації в Україні: проблеми становлення та розвитку // Часопис І, № 41, 2006.
- ¹³ Яницкий О. Экологическое движение в «переходном» обществе... С. 30.
- ¹⁴ Там же. С. 29.
- ¹⁵ Сафонов Ю. Чернобыль триває // Дзеркало тижня. № 6 (330). 10–16 лютого. 2001. <http://www.dt.ua/2000/2650/30024/>
- ¹⁶ Oberschall A. Social Conflict and Social Movement. Englewood Cliffs, 1973. P. 125.
- ¹⁷ Стегній О. Екологічний рух в Україні: соціологічний аналіз. С. 80.
- ¹⁸ Kuts S., Palyvoda L. Civil Society in Ukraine: Driving Engine or Spare Wheel for Change? Civic Civil Society Index Report for Ukraine. Center for Philanthropy, Counterpart Creative Center. Kyiv, 2006. P. 66.
- ¹⁹ Ibid. P. 66.
- ²⁰ Яницкий О. Экологическое движение в «переходном» обществе... С. 24.
- ²¹ Стегній О. Екологічний рух в Україні: соціологічний аналіз. С. 158.
- ²² Там же. С. 32.
- ²³ Там же. С. 158.
- ²⁴ За даними Центрально-виборчої комісії. www.cvk.gov.ua.

Татьяна Касперски

ТЕЛО, НАСЕЛЕНИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ПОСТЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ В БЕЛАРУСИ

Abstract

The value of the individual life and health as a non-explicit variable in the construction of scientific norms belorussian post-Chernobyl policies are based upon is the main focus of this article. As it seems to be no level of radiation exposure that would be completely safe for the human being, international experts talk about acceptable level of risk. This acceptability, which have to take into account economical and social costs of the radioprotection measures is politically and culturally constructed. Three domains of the Chernobyl management are analysed in order to reveal how valuable individual life and health appears in these politics of acceptability: post-accidental crisis management by soviet authorities, policies of demographic security and everyday radiological protection on the contaminated lands.

С тех пор, как власть взяла на себя функцию заведовать жизнью <...> прежнее право заставить умереть или сохранить жизнь *было замещено властью заставить жить или отвергнуть в смерть.*

Мишель Фуко

Вот уже почти четверть века чернобыльская катастрофа не перестает быть объектом многочисленных и противоречивых интерпретаций, касающихся как ее культурного и социально-политического значения, так и ее физических, биологических и медицинских последствий. Чтобы в этом убедиться, достаточно бегло ознакомиться с оценками этих

последствий, приведенными в многочисленных отчетах различных международных организаций и групп ученых, обнародованных в разных странах по случаю двадцатилетней годовщины аварии на Чернобыльской АЭС. Например, отчет так называемого Чернобыльского форума¹ настаивает на том, что предыдущие оценки человеческих потерь в результате чернобыльской катастрофы, озвученные различными СМИ, учеными и политиками, были сильно преувеличены. Речь идет не о десятках и сотнях тысяч погибших, как утверждалось ранее, а о гораздо меньших цифрах. Международная группа экспертов приводит данные о 28 участниках аварийных работ, умерших в 1986 г. вследствие острой лучевой болезни (ОЛБ), и 15 пациентах, умерших от рака щитовидной железы. По ее оценкам, количество умерших от радиационно-индуцированного рака из числа 600 тыс. человек, получивших значительные дозы облучения (ликвидаторы, работавшие в 1986–1987 гг., эвакуированные и жители наиболее загрязненных районов), может составить до четырех тысяч². При этом международная экологическая организация «Гринпис» в своем отчете приводит совсем иные цифры, прогнозируя, что около 93 тыс. смертей от рака связаны или будут связаны с воздействием чернобыльской радиации³.

Не ставя своей задачей выяснение того, чьи экспертные оценки в более адекватной степени отражают постчернобыльскую реальность, мы предлагаем обратить внимание на то, какие аспекты этой реальности принимаются в расчет в процессе оценки серьезности последствий аварии. В частности, анализируя ситуацию в Беларуси, выделим одну эксплицитно не артикулированную переменную, которая, однако, тем или иным образом подразумевается как в любых подсчетах ущерба, нанесенного катастрофой, так и при оценке безопасности проживания на загрязненных территориях. Смысл этой переменной состоит в позиции, занимаемой по отношению к ценности человеческой жизни и человеческого здоровья.

Современное научное знание не дает нам надежных способов точного измерения рисков, связанных с влиянием радиации на человеческий организм. Восприятие ущерба для здоровья и для человеческой жизни, «человеческих затрат», связанных с воздействием ионизирующего излучения, конструируется в рамках соответствующей политической и культурной системы и а fortiori от нее зависит. То же самое можно сказать и в отношении научных норм и принципов, на которых основывается посткатастрофная политика.

Сегодня специалисты по радиационной безопасности в большинстве своем согласны с тем, что гарантированно безопасной дозы излучения не существует, что вероятностью негативных биологических последствий нельзя пренебречь при воздействии на человеческий организм любой, даже самой малой, дозы радиации. Речь идет о так называемой *Линейной беспороговой концепции (ЛБК)*. Международная комиссия по радиационной защите (МКРЗ), состоящая из признанных в данной области независимых экспертов, однозначно настаивает,

что поскольку любое воздействие радиации может быть связано с некоторым уровнем риска, то необходимо стремиться к тому, чтобы избежать любого неоправданного воздействия, а любое оправданное воздействие должно быть настолько минимально, насколько это разумно и практически достижимо⁴, принимая во внимание экономические и социальные факторы. При этом нормы и пределы, на которых основываются принципы радиационной безопасности в конкретном контексте, не могут быть основаны исключительно на научном знании о воздействии радиации на здоровье человека, но также и на расчете экономических и социальных затрат и выгод от того или иного мероприятия по радиационной защите⁵.

Задача политической власти состоит в оценке большого количества факторов и рисков, связанных с тем или иным уровнем облучения, и выгод от соответствующей меры вмешательства. Более того, определение порога вмешательства подразумевает признание допустимости какого-то уровня риска, потенциальных негативных эффектов радиации на человеческий организм. Этот уровень зависит от экономических и технических возможностей государства обеспечить защиту от излучения, от политических и социальных приоритетов, а также от того, насколько ценными являются для конкретного общества человеческое здоровье и человеческая жизнь. Таким образом, дискуссии о допустимом пороге облучения непосредственным образом обнаруживают специфические особенности современной политической власти, которая, как утверждал Фуко, является биовластью, а именно властью, объектом воздействия которой является жизнь человека как биологического существа.

Ценность человеческой жизни в контексте послеаварийной чрезвычайной ситуации

Политические власти чаще всего стремятся установить нормы, соблюдение которых они способны обеспечить. При этом во внимание принимаются имеющиеся в наличии политические, экономические, социальные, технические, научные и прочие ресурсы, а также желание использовать их ради обеспечения большей безопасности жизни и здоровья людей. Эта обусловленность норм наиболее отчетливо проявляется в чрезвычайных ситуациях и в ситуациях кризиса, наличие которых характеризуется тем, что политическая и социальная система в попытках поддержать свою целостность и относительную стабильность испытывает затруднения в противостоянии разного рода угрозам и опасностям⁶.

Поскольку легитимность любой власти не в последнюю очередь зависит от ее предполагаемой способности защитить сообщество, то в кризисных ситуациях становится важным поддерживать, по крайней мере, образ власти, достаточно дееспособной для принятия необходимых и быстрых решений и удержания ситуации под контролем. А потому нормы и принципы, устанавливаемые в после-

аварийный период, как раз и должны способствовать трансформации кризисной ситуации в, по-видимому, контролируруемую и управляемую. Эта видимость создается тем более успешно и обеспечивается тем меньшими затратами для государства, чем более способствуют этому уже устоявшиеся социально-культурные представления о ценности человеческой жизни и здоровья, чем эффективнее контроль государства над научными институтами и чем меньше существует возможностей и ресурсов для независимой экспертизы.

Эволюция норм, установленных советскими властями непосредственно после взрыва на Чернобыльской АЭС, позволяет проследить развитие подобных стратегий кризисного менеджмента. Как показывает Адриана Петрина в своем анализе первых мер по ликвидации последствий аварии, основанием для принимаемых решений послужило не столько осознание опасности радиационного воздействия, сколько наличие или отсутствие технических средств для измерения и предотвращения этого воздействия и готовность их использовать⁷. В первые месяцы после аварии порог допустимой дозы облучения был принят достаточно высоким, – как для населения, проживающего на загрязненных территориях, так и для тех, кто был призван участвовать в так называемой «ликвидации» последствий аварии. При более низких уровнях облучения риски для здоровья человека считались незначительными или вовсе отсутствующими. Каковы бы ни были объективные научные основания, подведенные усилиями советских ученых под эти нормы, главной задачей нормирования было предоставление советским властям возможности «обеспечить технические решения проблемы политического беспорядка»⁸. Опираясь на эти нормы, власти сумели значительно уменьшить масштаб вмешательства. Им удалось ограничить количество эвакуируемых людей и повлиять на сроки эвакуации, а также – в условиях острого дефицита необходимого технического оборудования – без особых колебаний использовать в борьбе с распространением радиоактивного загрязнения человеческие ресурсы. Иначе говоря, эти нормы позволили превратить людей в «био-роботов», – так часто называли себя ликвидаторы, которых подвергли высокой дозе облучения в первые месяцы после аварии, используя их тела и жизни для решения технических задач.

К концу 1988 г. официальные эксперты, ответственные за научное обоснование поставарийной политики, предложили при решении задач среднесрочного управления последствиями аварии на ЧАЭС считать в качестве официально допустимой суммарной дозы облучения 35 бэр за 70 лет. При уровнях облучения, не превышающих этот предел, специальные меры вмешательства, направленные на защиту населения от воздействия радиации, не считались необходимыми. Эксперты из МАГАТЭ, которые прибыли в Советский Союз для оказания научно-технической помощи советским ученым, одобрили 35-бэрную концепцию, ссылаясь на отсутствие научно подтвержденных данных об эффектах радиационного воздействия с уровнем ниже 35, 50 и даже более бэр за

70 лет, что соответствует средней продолжительности жизни. Принимая во внимание экономические факторы, в частности стоимость переселения сотен тысяч людей, установление 35-бэрного порога посчитали разумным. Оправдывая 35-бэрную концепцию, академик Л.А. Ильин, возглавлявший в СССР Национальную комиссию по радиационной защите, заявлял:

«Если мы начнем искать теоретические предсказания будущих отклонений от спонтанных уровней заболеваний за счет радиационного воздействия, то увидим, что, пусть это будет 50, 35 или 20 бэр, отличий между ними выявить нельзя, и я об этом уже говорил. А потому, предлагая и разрабатывая любые концепции, необходимо еще помнить об экономической целесообразности: во что это выльется – переселить 20 тысяч, 50 или 200?»⁹

Навязываемые официальной советской наукой пороги и нормы не подвергались публичной критике вплоть до второй половины 1988 г. Тогда, на волне горбачевских реформ, провозглашения гласности и развертывания протестных движений в республиках Советского Союза, группа ученых из Академии наук БССР выступила с острой критикой официальной 35-бэрной концепции. Недостаточное уважение к ценности человеческой жизни фигурировало в качестве одного из основных аргументов против официальных норм. Так, белорусские ученые настаивали на том, что необходимо принимать во внимание не только научно доказанные эффекты радиации, но также и возможные, но точно не выявленные. Они заявляли, что в условиях научной неопределенности касательно последствий воздействия малых доз радиации морально недопустимо использовать жителей загрязненных территорий в качестве объектов научного эксперимента. А потому, сколь бы ни были дорогостоящи для государства переселение и масштабные меры по радиационной защите, белорусские ученые настаивали на том, что это необходимо делать ради жизни и здоровья людей, находящихся на пострадавших землях. М.В. Малько, один из авторов белорусской концепции проживания на загрязненных территориях, предложенной взамен официального 35-бэрного предела, пояснял:

«... Наука вообще впервые столкнулась со случаем хронического облучения малыми дозами миллионов людей. Соответственно, в настоящее время не имеется возможности для точной оценки ущерба здоровью населения пострадавших районов. Для того чтобы сделать такие оценки, потребуется длительное исследование в районах, пострадавших от аварии. [...] Что же делать? Наблюдать длительное время за судьбой населения пострадавших районов, практически не осуществляя активных мер радиационной защиты, как этого требовала концепция “предела дозы за жизнь”, или же идти на большие затраты по проведению различных мероприятий, как того требует белорусская концепция. Мне кажется, что только второй подход

имеет право на жизнь. Нельзя же, в конце концов, проводить эксперименты над людьми»¹⁰.

Эти аргументы ученых послужили основой для легитимации требований, выдвинутых протестным националистическим движением во главе с Белорусским Народным Фронтом, выступавшим против коммунистического руководства страны. Лидеры националистического движения указывали на факт трехлетнего сокрытия истинного масштаба последствий чернобыльской катастрофы, квалифицируя таковое как «радиогеноцид» белорусского народа. И хотя белорусские националисты не смогли прийти к власти, белорусская правящая элита была вынуждена начать осуществление целого ряда реформ, на которых настаивала оппозиция. Это, в частности, отразилось в принятии концепции белорусских ученых и в установлении гораздо более строгих норм в сфере радиационной и социальной защиты населения, норм, которые рассматривались как подлинно уважающие ценность человеческой жизни и здоровья.

После развала СССР республика вступила на путь национализации, демократизации и рыночных преобразований. К дорогостоящим реформам добавились огромные расходы по переселению людей с загрязненных территорий, по выплате компенсаций пострадавшим, а также экономические потери, связанные с радиоактивным загрязнением. Правда, со временем – когда в результате президентских выборов 1994 г. к власти пришел А. Лукашенко – реформы значительно замедлились, а отчасти были даже приостановлены. Следует сказать, что еще до президентских выборов исполнительными органами республики предпринимались попытки, по большей части неудачные, пересмотреть чернобыльское законодательство и принятые ранее гуманные нормы проживания на загрязненных территориях. В основе этих попыток было желание ускорить возврат к нормальной жизни в районах, пострадавших от последствий аварии, и сократить бюджетные расходы на реализацию чернобыльских программ в целом и на выплату пособий пострадавшему населению в частности.

А. Лукашенко – вскоре после своего избрания – предложил новый подход к управлению последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, – подход, кардинально отличавшийся от прежней политики государства в этой области. Меры, предпринятые в начале 1990-х, были объявлены чрезмерными, необдуманными, насильственными и даже вредными. В официальном постчернобыльском дискурсе активно зазвучали призывы к восстановлению чернобыльских земель и возвращению людей в родные места. Новый поворот в постчернобыльской политике позволил государству выйти из тупика, в котором оно оказалось, пытаясь решить проблемы, связанные с загрязнением большого количества белорусских территорий радиоактивными осадками. Действительно, государство оказалось неспособным обеспечить достойные условия проживания переселенцам и выплачивать весь объем компенсаций как проживающим на загрязненных терри-

ториях, так и другим категориям пострадавших от чернобыльской катастрофы. Например, в период с 1991 по 1995 г. затраты на решение проблем, связанных с последствиями аварии, составляли не более 15% от общей суммы социально-экономического ущерба, связанного с аварией за этот же период¹¹.

Обосновывая необходимость нового подхода к решению чернобыльских проблем, Александр Лукашенко сумел найти позитивную интерпретацию неспособности государства должным образом защитить пострадавших от аварии. Отныне белорусский народ призывали перестать пассивно мириться с последствиями аварии и с потерей земель, жилья и работы. Белорусы должны стать хозяевами собственной судьбы и бороться за преодоление трагедии. Возрождение чернобыльских земель стало лозунгом этой новой политики, обратной стороной которой явилось пренебрежение многочисленными рисками для здоровья и жизни людей, находящихся и работающих на загрязненных территориях.

Что касается научных обоснований новой политики, то начиная с 1995 г. утверждается целый ряд документов, которые оправдывают постепенное уменьшение защитных мер для населения и подчеркивают необходимость усиленной экономической и социальной реабилитации пострадавших территорий. В числе наиболее важных следует упомянуть «Концепцию защитных мер в восстановительный период для населения, проживающего на территории Республики Беларусь, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии», утвержденную Национальной комиссией по радиационной защите в апреле 1995 г., «Концепцию проживания населения в загрязненных радионуклидами районах и развития находящихся в них населенных пунктов», одобренную АН Беларуси в ноябре 1998 г., и «Концепцию реабилитации населения и территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС», разработанную в 2002 г. Комитетом по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Политика возрождения чернобыльских земель получила активную поддержку со стороны представителей ООН и МАГАТЭ, которые, апеллируя к демографической статистике, настаивали на том, что предыдущие оценки последствий аварии на ЧАЭС были неадекватными. Действительно, если взглянуть на основные показатели смертности и заболеваемости в наиболее пострадавшей от аварии Беларуси, то риски, связанные с проживанием на радиоактивно загрязненных территориях, выглядят незначительными в сравнении с ущербом, наносимым потреблением алкоголя и табакокурением, нездоровым питанием и бедностью. Каким же образом демографический взгляд на постчернобыльскую реальность определяет отношение к ценности индивидуальной человеческой жизни?

Индивидуальные жизни versus демографическая и социально-экономическая безопасность

Как продемонстрировал в своем анализе биополитики Мишель Фуко, современная власть рассматривает отдельного индивида прежде всего как элемент населения. Бивласть осуществляется на уровне всего населения, она нацелена на оптимизацию коллективных шансов на выживание и на максимально возможное увеличение коллективной рабочей силы, рассматриваемой как общее богатство. И если власть традиционного суверена – это власть казнить или помиловать своих подданных, то современная власть – это власть поддерживать и контролировать жизнь, власть, которая стремится не столько убивать, сколько регулировать смертность¹².

Как выглядит с этой точки зрения политическая экономия населения, пострадавшего от чернобыльской катастрофы в Беларуси?

В проводимой властями постчернобыльской политике при определении допустимого риска и, таким образом, ценности жизни отдельных индивидов принимаются в расчет две группы переменных.

Первая группа переменных обнаруживается в статистической информации о демографической ситуации – как на пострадавших территориях, так и во всей стране. Обеспокоенность «демографической безопасностью» часто звучит в многочисленных официальных выступлениях и нашла отражение в таких важных документах, как две национальные программы демографической безопасности и Закон о демографической безопасности. Напомним, что начиная с 1994 г. население страны не перестает уменьшаться в результате высокой смертности и низкой рождаемости. Как утверждает Национальный отчет о последствиях аварии, опубликованный к ее 20-летию, между 1994 и 2004 гг. Беларусь потеряла около 3% населения или около 300 тысяч человек. Наиболее подверженными депопуляции оказались районы, пострадавшие от аварии. Так, Гомельская область за 20 лет потеряла в результате смерти и миграционных процессов около 9% своих жителей (150,6 тысяч человек), а Могилевская – около 7% (88,1 тысяч человек)¹³.

Даже поверхностный анализ структуры заболеваемости и смертности белорусского населения дает нам возможность лучше представить не только восприятие чернобыльских рисков белорусскими властями, но и то, как в конечном итоге воспринимают эти риски сами пострадавшие.

Стремясь регулировать население на уровне множества, власть, как правило, ищет допустимое среднее, пытаясь в первую очередь повлиять на те процессы и тенденции, которые вносят наиболее негативный вклад в статистику. Так, например, белорусские власти чрезвычайно обеспокоены высоким уровнем смертности населения (в особенности мужского) трудоспособного возраста. Среди причин таковой чаще всего фигурируют насильственные и несчастные случаи,

а также чрезмерное употребление алкоголя. В Беларуси, в частности, намного более высокий по сравнению со странами Западной Европы уровень заболеваемости и смертности, связанной с образом жизни (табакокурение, нездоровое питание, недостаток физической активности). Так что, с точки зрения приемлемого среднего для населения в целом, вовсе не радиоактивные риски являются наиболее опасной проблемой.

В качестве одного из ярких примеров практического воплощения такой биополитической логики можно привести анализ вклада, вносимого онкологическими заболеваниями в статистические показатели смертности, и выводов о рисках, связанных с проживанием на загрязненных территориях, которые можно сделать из подобной статистики.

Известно, что повышенный уровень раковых заболеваний считается одним из наиболее вероятных проявлений воздействия радиоактивного излучения на население. Однако при сравнении структуры смертности в пострадавших от чернобыльской аварии Беларуси и Украине со структурой смертности в странах Западной Европы приходится констатировать, что смертность от злокачественных новообразований вносит более весомый вклад в смертность в последних. Действительно, в обеих частях Европы двумя самыми значимыми причинами смертности являются болезни системы кровообращения (БСК) и злокачественные новообразования (ЗН), однако их соотношение существенно отличается на Западе и на Востоке. В странах Восточной Европы показатели смертности от БСК гораздо выше, чем в странах Западной Европы, и в сравнении с ними онкологические заболевания имеют меньший удельный вес. Например, в 2004 году показатель смертности от БСК и ЗН был соответственно 671,67 и 170,51 смертей на 100 000 населения в Беларуси, 831,55 и 186 – в России, 807,98 и 162,67 – в Украине, 145,41 и 177,07 – во Франции и 262,82 и 169,81 – в Германии¹⁴. Если учесть, что в странах Восточной Европы возраст людей, умирающих от БСК (как, впрочем, и от несчастных случаев), гораздо ниже, а рак – это в основном болезнь более пожилого населения, то окажется, что жители Беларуси имеют больше «шансов» умереть раньше, чем «успеют» заболеть радиоиндуцированным раком. Поэтому биополитическая логика в данной ситуации подводит нас к тому, что даже если и допустить, что отдельные индивиды, проживая на загрязненных территориях, подвергаются более серьезному риску умереть от радиоиндуцированного онкологического заболевания, на уровне всего населения эти риски оказываются не столь значительными и более чем приемлемыми. Эти немногие гипотетические индивиды «отвергнуты в смерть» ради возвращения населения на загрязненные территории, которое приносит экономическую выгоду множеству других индивидов.

Вторая группа переменных, на которых основывается постчернобыльская политика управления населением, – это те, которые коррелируют с социально-экономическим благосостоянием. Улучшение последнего часто рассматрива-

ется как эффективный способ обеспечения позитивной динамики развития ресурсов народонаселения. С другой стороны, демографическая безопасность рассматривается как одна из важнейших составляющих социально-экономической безопасности, а демографические угрозы определяются как «демографические явления и тенденции, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь»¹⁵. Как А. Лукашенко однажды выразил это во время своей поездки по Витебской области, наименее населенной в Беларуси: «Нам надо увеличивать население. Иначе будут заводы, а работать будет некому»¹⁶.

Каким же образом белорусские власти стремятся увеличить «население-богатство»¹⁷ в масштабе всего государства с учетом последствий аварии на ЧАЭС? Принятая в 2004 г. «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.» дает достаточно четкое представление о том, какой логике подчиняется политическая экономия населения в постчернобыльском контексте:

«Стратегия устойчивого развития территорий радиоактивного загрязнения должна строиться с учетом необходимости повышения благосостояния проживающего здесь населения на основе комплексной эколого-радиологической и социально-экономической реабилитации загрязненных регионов. С этой целью намечается:

- преодоление бедности, безработицы, рост доходов, рационализация социальной защиты пострадавшего населения на основе восстановления хозяйства на загрязненных территориях, активизации инвестиционной деятельности, создания условий для развития малого и среднего предпринимательства, фермерства;

- улучшение бытовых и социально-культурных условий проживания людей в загрязненных населенных пунктах (особенно в сельской местности), сохранение историко-культурного наследия;

- радиационный мониторинг земельных, водных, лесных и минерально-сырьевых ресурсов, сохранение природных экосистем;

- внедрение новых информационных технологий, обеспечивающих эффективное проведение мониторинга и широкий доступ населения и юридических лиц к информации по радиационной ситуации, ведению хозяйственной деятельности и правилам поведения на производстве и в быту в условиях постоянного воздействия малых доз радиации;

- постепенное восстановление хозяйственного потенциала пострадавших регионов и в первую очередь – сельского и лесного хозяйства с обеспечением радиационно безопасных условий труда и производства «чистой» конкурентоспособной продукции;

- проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, результаты которых позволят обеспечить снижение воздействия радиации на человека и экосистемы;
- совершенствование нормативно-правовой базы по защите пострадавшего населения и развитию загрязненных регионов».

Очевидно, что в таком виде стратегия устойчивого развития в первую очередь нацелена на репопуляцию загрязненных территорий, при этом минимизация радиационного воздействия не выступает приоритетом долгосрочной политики в отношении районов, пострадавших от аварии. Безусловная важность мероприятий по радиационной и социальной защите проживающего в загрязненных районах населения постоянно подчеркивается в официальном дискурсе, однако такие всегда выглядят второстепенными. Эти меры не превосходят репопуляцию, не являются ее предварительным условием, но сопровождают ее апостериори. Как мы видели из приведенной выше цитаты, радиационному мониторингу предшествуют преодоление бедности и безработицы, улучшение бытовых условий и даже сохранение историко-культурного наследия. Социальная же защита пострадавшего населения должна быть «рационализирована» «на основе восстановления хозяйства на загрязненных территориях». Иными словами, живущим на этих территориях людям нужно еще «заработать» необходимые для собственного социального обеспечения средства, ибо с точки зрения государства нерационально выплачивать социальные пособия жителям загрязненных районов исключительно для того, чтобы компенсировать вред, нанесенный их жизни и здоровью в результате проживания в более опасной среде. К тому же более слабое экономическое развитие пострадавших территорий и отказ от осуществления на них полноценной сельскохозяйственной и промышленной деятельности сами по себе являются очень затратными для государства. Поэтому возможные дополнительные человеческие потери, связанные с повышенным радиационным воздействием на организмы живущих и работающих в загрязненной среде, предполагаются как менее значимые для населения в целом, нежели экономические выгоды от репопуляции и экономического возрождения пострадавших территорий. И наконец, эти человеческие потери рассматриваются в первую очередь как результат несоблюдения индивидами правил здорового образа жизни и безопасного проживания на загрязненных радионуклидами территориях. Этими правилами и предписаниями различных органов и инстанций, формально ответственных за общественное здоровье и безопасность, действительная ответственность за возможные негативные последствия воздействия радиоактивного излучения на жизнь и здоровье как раз на самих индивидов и перекладывается.

Жизнь и здоровье как долг по отношению к государству

Политика возрождения чернобыльских земель никак не исключает постоянных напоминаний о том, какие опасности таит в себе радиация для проживающих на них людей. Замалчиваются не столько сами радиационные риски, сколько политическая ответственность за то, что миллионы людей подвергаются им, находясь на загрязненных территориях. Им, начиная со школьной скамьи, объясняют:

«После чернобыльской катастрофы оказалось неизбежным проживание людей на территории с повышенным радиационным фоном. Невозможно и полностью исключить в таких районах употребление продуктов с повышенным содержанием радионуклидов. Для уменьшения влияния этих факторов на здоровье населения необходимо знать и строго соблюдать определенные меры радиационной безопасности»¹⁸.

Таким образом, проживание на загрязненных территориях никоим образом не трактуется как чье-то политическое или экономическое решение, но скорее как неизбежность или даже как проявление мужества, героизма и патриотизма. Повышенное радиационное воздействие отменить невозможно, однако подвергающиеся ему не должны это делать пассивно, а должны бороться с ним, соблюдая многочисленные правила и нормы.

Радиационная защита в основном и состоит из предписывания и навязывания множества дисциплинарных практик, которым должны подчиняться те или иные категории индивидов, затронутых последствиями аварии. Тем самым живущие на загрязненных территориях превращаются в объекты дисциплинарной власти¹⁹, которая подвергает их постоянному телесному надзору и требует от них осуществления обязательных телесных практик. Властью тщательно регламентируется то, как и что нужно употреблять в пищу, как готовить и хранить продукты питания, каким правилам гигиены следовать, как и что выращивать на приусадебном участке, как вести себя в лесу, где можно и где нельзя собирать грибы и ягоды. Помимо этого существуют обязательные медицинские осмотры, включающие измерение полученной внутренней дозы радиации от попавших через пищу и дыхание радионуклидов, а также регулярные измерения содержания радиоактивных элементов в продуктах сельского и приусадебного хозяйства и окружающей среды.

Такая радиозащитная нормализация способствует, с одной стороны, поддержанию повседневному контролю власти над каждым индивидом, проживающим на загрязненной территории, а с другой – сокрытию политической ответственности за аварию и управление ее последствиями. Индивиды сами отвечают за

тот ущерб, который радиоактивное загрязнение наносит их жизни и здоровью, поскольку не только специалисты по радиационному контролю, но и врачи, учителя и представители местного управления делают все возможное для информирования населения и разъяснения правил радиационной безопасности. Кроме того, происходит изменение вектора проблем, связанных с проживанием на загрязненных территориях: эти проблемы деполитизируются и, утрачивая свою социальную остроту, превращаются в психологические и адаптационные затруднения.

Напомним, что психологические последствия катастрофы находятся в центре научных и политических дискуссий с конца 1980-х гг. Вскоре после чернобыльской аварии врачи и ученые стали проявлять активную заинтересованность в исследованиях того, каким образом на психологическое здоровье населения повлияли состояние неопределенности и угрозы после взрыва, различные меры, предпринятые советскими властями для преодоления последствий аварии (эвакуация, отселение, дезактивация), а также необходимость длительное время жить в условиях радиоактивного загрязнения.

В политическом дискурсе проблема психологических последствий в первую очередь кристаллизовалась в борьбе с так называемой «радиофобией» – психическим расстройством, связанным со страхом радиационного воздействия, не обоснованным наличием реальной опасности. После аварии на ЧАЭС этот термин часто употреблялся для обозначения реакции населения, непосредственно затронутого последствиями радиоактивного выброса. Официальный дискурс предполагал, что единственным существенным ущербом, нанесенным здоровью населения в результате аварии, являются психологические волнения и страхи. Страдающими от радиофобии называли и тех, кто пытался публично выступить против замалчивания истинного масштаба катастрофы. Такое употребление термина дискредитировало его, и сегодня он уже не так часто встречается, когда речь идет о медицинских и социальных последствиях чернобыльской аварии.

Однако на смену ему пришло понятие «социального радиоэкологического стресса». В официальном отчете о последствиях катастрофы, опубликованном в 2006 г., к характерным особенностям этого вида стресса отнесены такие симптомы, как «снижение уровня психической адаптации, неуверенность в себе, неустойчивая самооценка и пессимистическая оценка будущего»²⁰. Сам по себе факт проживания на загрязненной территории не рассматривается как проблематичный, ибо настоящей проблемой считается не само радиоактивное загрязнение, а недостаток индивидуальной адаптированности или даже желания адаптироваться к ее присутствию:

«...люди уходят от проблем, не верят в перемены к лучшему, теряют жизненную активность, пренебрегают простыми, но действенными мерами

радиационной защиты. В результате появляется беспечное отношение к имеющимся рискам для здоровья, что существенно снижает эффективность проводимых реабилитационных мероприятий»²¹.

Такая психологизация проблем, связанных с проживанием на загрязненных территориях, достаточно эффективно препятствует социальной и политической мобилизации, необходимой для их решения, поскольку заставляет думать, что они имеют главным образом индивидуальную и психологическую природу и требуют изменения индивидуального поведения и совершения индивидуальных действий, направленных на защиту здоровья граждан.

Вместе с тем психологизация последствий радиоактивного загрязнения вовсе не означает, что соблюдение правил безопасного проживания на загрязненных территориях является предметом свободного индивидуального выбора. До сведения индивидов доводится:

«Многолетний стресс приводит к психологическому дискомфорту, ухудшению здоровья людей, социальной апатии, иждивенческой позиции и нежеланию прилагать усилия к улучшению своего положения. Психологическое неблагополучие стало реальным социальным фактором, влияющим на темпы реабилитации и развития региона»²².

Иначе говоря, индивиды обязаны содействовать экономической реабилитации пострадавших территорий, а потому здоровый образ жизни рассматривается как долг перед государством, обязательный элемент того, что можно было бы охарактеризовать как «биологическое гражданство»²³. В своем интервью, посвященном демографическим проблемам в Беларуси, заместитель премьер-министра Республики Беларусь Александр Косинец подчеркивает, что забота о собственном здоровье и рождение детей составляют обязательство, которое каждый несет перед государством и народом:

«Многие люди бездумно относятся к своему здоровью и здоровью своих детей, к своему будущему. Поэтому необходимо формировать идеологию, способную пробудить жажду жизни, поднять энергию нации. Мы строим государство для народа, но и народ должен быть для государства. Мы будем требовать, чтобы люди задумались о своем здоровье. И не позволим гражданам страны уходить – за просто так – из жизни! Только при ежегодном снижении смертности на 8% и увеличении рождаемости до 10–11 на 1000 человек можно стабилизировать сложившуюся демографическую ситуацию. Такую задачу и за такой короткий промежуток времени в мире никто и никогда не решал. А мы – решим!»²⁴.

Таким образом, хотя в белорусском официальном дискурсе человеческая жизнь и декларируется как достойная заботы и внимания, а государство позиционирует себя как «государство с высокой степенью защиты жизни и здоровья людей»²⁵, жизнь каждого конкретного человека не рассматривается как ценность *per se*. Анализ принципов и норм, на которых основывается постчернобыльская политика в Беларуси, показывает, что человеческая жизнь воспринимается в первую очередь как жизнь тела, которое необходимо сделать максимально управляемым и продуктивным. Отдельные индивиды с трудностями и проблемами их существования оказываются в фокусе внимания власти лишь в качестве единиц населения, человеческих и трудовых ресурсов, совокупности человеко-часов. Их жизнь ценна только до тех пор, пока она способствует увеличению общего благосостояния, оценка и измерение которого также осуществляется по заранее оговоренным процедурам и критериям, согласующимся со структурой властных отношений.

Справедливости ради следует отметить, что такую позицию власти, или био-власти, по отношению к единичной человеческой жизни вряд ли можно считать чем-то присущим исключительно белорусскому контексту, хотя чернобыльская авария и ее последствия безусловно обострили вопросы, связанные с ценностью человеческой жизни, сделав их более явными и доступными для анализа. Казалось бы, именно в постчернобыльской Беларуси должно было стать наиболее актуальным и востребованным социально-политическое осмысление противоречий и амбивалентного отношения власти к конкретному живому человеку. Однако, парадоксальным образом, подобные проблемы практически никогда не становятся темой публичной дискуссии и редко артикулируются как проблемы вообще.

Примечания

- ¹ Чернобыльский форум является инициативой, предпринятой МАГАТЭ в сотрудничестве с ВОЗ, ПРООН, ФАО, ЮНЕП, УКГД ООН, НКДАР ООН, Всемирным банком правительствами Беларуси, Российской Федерации и Украины с целью формирования единого мнения по целому ряду спорных вопросов, таких как последствия аварии для состояния здоровья населения и необходимость новых исследований по чернобыльской проблеме.
- ² Наследие Чернобыля: Медицинские, экологические и социально-экономические последствия и рекомендации правительствам Беларуси, Российской Федерации и Украины // Чернобыльский форум: 2003–2005, доступ через Интернет www.iaea.org/Publications/Booklets/.../chernobyl_rus.pdf, просмотрено 20.01.2010.
- ³ Полная версия отчета «Гринпис» на английском языке: Chernobyl's catastrophe and its consequences for the human health. Amsterdam: Greenpeace, April 2006, доступ через Интернет <http://www.greenpeace.org/russia/ru/press/reports/chernobyl-s-catastrophchernoby>, просмотрено 20.01.2010.
- ⁴ Речь идет о знаменитом принципе АЛАРА, впервые сформулированном в 1954 г. Национальной комиссией по радиационной защите США, названием которого является

- аббревиатура выражения «as low as reasonably achievable», что означает «настолько низкий, насколько это разумно достижимо».
- ⁵ ICRP Publication 60: 1990 Recommendations of the International Commission on Radiological Protection // *Annals of the ICRP*. Vol. 21. 1-3. Pergamon Press. P. 99–132.
- ⁶ Claude Gilbert. *Le pouvoir en situation extrême: catastrophe et politique*. Paris: Harmattan, 1992. P. 21–22.
- ⁷ Adriana Petryna. *Life Exposed: Biological Citizens after Chernobyl*. Oxford, Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 11.
- ⁸ *Ibid.* P. 50.
- ⁹ Цит. по: Крыжаноўскі А. Чарнобыль і будучыня // Чырвоная змена. 12.07.89. С. 7.
- ¹⁰ «Предел: ученым воевать – а людям умирать?», интервью с М. В. Малько (Набат. № 8. апрель 1991. С.4).
- ¹¹ Шевчук В.Е., Гурачевский В.Л. Последствия Чернобыля в Беларуси: 17 лет спустя. Национальный доклад. Минск: Пропилеи, 2003. С. 34.
- ¹² Эти идеи изложены в работе Мишеля Фуко *История сексуальности. Том первый: Воля к знанию*. Там Фуко, в частности, пишет: «Одним из великих новшеств в техниках власти стало в XVIII веке появление “населения” в качестве экономической и политической проблемы: население-богатство, население-рабочая сила, или трудоспособность, население в равновесии между его естественным ростом и ресурсами, которыми оно располагает. Правительства замечают, что они имеют дело не просто с отдельными подданными или даже с “народом”, но с “населением”: с его специфическими феноменами и характерными для него переменными – рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, плодovitостью, состоянием здоровья, частотой заболеваний, формой питания и жилища». Цит. по русскому переводу: Фуко М. *Воля к знанию (История сексуальности I)* // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой, М., 1996. С. 120.
- ¹³ Шевчук В.Е., Гурачевский В.Л. 20 лет после чернобыльской катастрофы: Последствия в Республике Беларусь и их преодоление. Национальный доклад. Минск: Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете Министров Республики Беларусь, 2006. С. 64.
- ¹⁴ European health for all database (HFA-DB), WHO/Europe, доступ через Интернет <http://data.euro.who.int/hfad/>, просмотрено 07.03.2009.
- ¹⁵ О демографической безопасности Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 04.01.2002г. №80-з, доступ через Интернет <http://www.bankzakonov.com/d2008/time46/lav46813.htm>, просмотрено 11.03.2009.
- ¹⁶ Цит. по: «Природный газ необходимо использовать экономно и рачительно», доступ через Интернет <http://www.president.gov.by/press10723.print.html>, просмотрено 12.01.2010.
- ¹⁷ Фуко М. *Воля к знанию (История сексуальности I)*. М., 1996. С. 120.
- ¹⁸ Фатин С.Б., Мишкевич М.К. *Основы безопасности жизнедеятельности: учебное пособие для 5-9(10) классов учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, с русским языком обучения с 11-летним и 12-летним сроками обучения*. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2004. С. 400.
- ¹⁹ О дисциплинарной власти см.: М. Фуко. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* (пер. с фр. В. Наумова). М., 1999.
- ²⁰ Шевчук В.Е., Гурачевский В.Л. 20 лет после чернобыльской катастрофы... С. 63.
- ²¹ Там же. С. 93–94.

- ²² Люди не остались наедине с бедой (Государственная забота о преодолении последствий аварии на Чернобыльской АЭС – к 20-летию техногенной катастрофы) // Информационный материал. № 4 (29) (для информационно-пропагандистских групп). Минск: Институт социально-политических исследований при Администрации Президента Республики Беларусь, 2006. С. 9.
- ²³ Petryna Adriana. *Life Exposed: Biological Citizens after Chernobyl*. Oxford, Princeton: Princeton University Press, 2002.
- ²⁴ «Демография: вопрос жизни и смерти для нации, или как белорусский крест превратить в белорусский плюс», интервью заместителя премьер-министра Республики Беларусь Александра Косинца Белорусскому телеграфному агентству, доступ через Интернет http://www.government.by/ru/rus_interview20070502.html, просмотрено 21.02.2008.
- ²⁵ Послание Президента Беларуси Александра Лукашенко Парламенту 14 апреля 2004, доступ через Интернет <http://www.president.gov.by/press10866.html#doc>, просмотрено 22.01.2010.

Александр Долговский

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА И ПИСЬМЕННЫЙ ПРОТЕСТ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1986–1991 гг.

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Abstract

The Chernobyl-Disaster-discretion politics from the point of view of acceleration strategies as economically explained.

The analysis of Chernobyl petitions allows us to distinguish several interest groups of petition writers in the period of 1986-1989, namely: 1) The interest group of the evacuated population; 2) The interest group of the „contaminated regions“ and 3) The interest group of the regions „with favorable radiation situation“.

The evacuees formed the first active critical interest group, which wrote most of the Chernobyl petitions in 1986. The evacuated rural population pursued exclusively short-term concrete material aims, not political ones. The evacuees succeeded in realizing their material demands through the written legal protest by means of the state disaster management.

The accumulation of petitions of the population of the contaminated regions and the unsolved problems stated in them led to the active protest in 1989.

In Minsk in the period of 1986–1988 there was no written protest comparable with other regions. The active protest of the period of 1989-1991 was a result of the articulation of Chernobyl problems via the BNF and the worsening of the economic situation.

Введение

Как в Беларуси, так и за рубежом под постчернобыльской мобилизацией понимается прежде всего общественная активность Белорусского Национального Фронта (БНФ), а также непосредственно им организованные/организуемые

«чернобыльские марши» в столице БССР/Беларуси Минске. В данной статье будет рассмотрено развитие общественных мобилизационных процессов после чернобыльской катастрофы 1986–1991 гг. в провинции на примере Гомельской области в сравнении с Минском на основе обращений граждан и официальных государственных документов.

Вначале необходимо определить роль обращений в Советском Союзе. В соответствии с советским законодательством понятие обращения включало в себя предложения, заявления и жалобы. Под предложениями понимались рекомендации граждан, не связанные с нарушением их прав. Заявления трактовались как просьба об удовлетворении законных прав и интересов, не затрагивавших при этом права заявителя. И наконец, жалобы рассматривались как сообщение о нарушении прав обратившегося¹. В данной работе рассматриваются лишь обращения, связанные с нарушением прав и интересов, т. е. заявления и жалобы.

Обращения необходимо рассматривать как важный элемент государственной системы СССР. В советском законодательстве им придавалось многофункциональное значение. Так, в указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. подчеркивалось:

«[...] обращения граждан в государственные и общественные органы с предложениями, заявлениями, жалобами – важное средство осуществления и охраны прав личности, укрепления связей государственного аппарата с населением, существенный источник информации, необходимый при разрешении текущих и перспективных вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства»².

Коммунистическая партия придавала особенное значение организации и развитию системы обращений советских граждан в государственные и общественные органы. Советский институт обращений претерпел существенные изменения от простого права на жалобу до развитой системы обращений на законодательном уровне и занял свое место в Конституции. Главной целью данного института являлось регулирование конфликтов между государством и гражданами. Написание обращения предоставляло советским гражданам³ легальную возможность непубличного решения различных конфликтных ситуаций. Государству же оно давало дополнительную возможность контроля общества, упреждения возникновения критической публичности. Можно предположить, что рассматриваемая система, консервирующая проблемные вопросы советского строя, препятствующая их выходу в широкую публичность, сыграла немаловажную роль при формировании у выходцев из СССР идеализированных представлений о советской системе, мнения о бесконфликтности советского строя.

Обращения как важный источник информации, их количество и требования, изложенные в них, рассматриваются в данной работе как индикаторы

общественной мобилизации, формирования протестности, перехода от пассивного к активному протесту. Исходным тезисом статьи является следующее предположение: накопление обращений и нерешенных в них проблем привело к активному массовому протесту. Данный тезис будет проанализирован на примере наиболее пострадавшей Гомельской области в сравнении со столицей БССР г. Минском. Главными исследовательскими вопросами являются: как самоорганизовывалось население? какие цели оно преследовало? кто являлся движущей силой? как реагировало на данные процессы и действовало государство?

Государственная чернобыльская политика 1986–1991 гг.

Какие процессы определяли государственную чернобыльскую политику, а какие не определяли и почему?

В своей речи М.С. Горбачев на внеочередном пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г., более чем за год до чернобыльской катастрофы, высказался следующим образом:

«Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют, тем активнее поддерживают партию, ее планы и программные цели»⁴.

Очевидно, что информирование советского населения увязывалось с новой политикой ускорения социально-экономического развития страны. Несмотря на это, уже в первом публичном выступлении по советскому телевидению в связи с чернобыльской катастрофой 14 мая 1986 г. М.С. Горбачев заявил:

«Что касается “недостатка” информации, вокруг чего развернута специальная кампания, причем политического содержания и характера, то вопрос этот в данном случае является надуманным»⁵.

Второе высказывание провозвестника гласности в своей первой речи спустя более двух недель (!) после чернобыльской катастрофы вызывает обоснованное разочарование. М.С. Горбачев совершает рабочие поездки по различным городам Советского Союза в целях рекламной кампании новой политики перестройки: он выступает с речами, встречается с рабочими и крестьянами в различных регионах СССР, не посещая при этом пострадавшие в результате чернобыльской катастрофы регионы. Чем же можно объяснить данную непоследовательность? Сам Горбачев трактовал свое игнорирование чернобыльской катастрофы и ее последствий недостатком информации, связанным в значительной мере с присущей советской атомной энергетике секретностью. Однако данная трактовка лишь частично объясняет отсутствие гласности там, где ее следовало бы ожидать.

Перестройка начиналась с ускорения экономического развития. Гласности отводилась при этом первоначально экономически обусловленная, фрагментированная роль. Все иные формы выражения политики гласности являлись зачастую нежелательными сопутствующими эффектами. Гласность, вскрывающая правду о катастрофе на ЧАЭС, могла поставить под угрозу новую политику ускорения. Таким образом, с точки зрения стратегии ускорения экономического развития политику замалчивания чернобыльской катастрофы, ее последствий следует также рассматривать как экономически обусловленную. При этом сама чернобыльская катастрофа была инструментализирована государством как во внутренней, так и во внешней политике: во внутренней политике мобилизация и ликвидация последствий аварии значительными людскими ресурсами была героизирована и представлена пропагандой как преимущество советского социалистического строя; во внешней политике чернобыльская катастрофа инструментализирована для прекращения гонки вооружений, с целью получения финансовых средств для политики экономического ускорения путем сокращения военных расходов.

В конечном итоге к 1989–1991 гг. результаты новой политики оказались противоположными поставленным целям. Экономические задачи перестройки не были выполнены, более того, она привела к краху экономической системы Советского Союза. Гласность при этом стала неуправляемым процессом, приведшим в значительной мере к политическому и идеологическому коллапсу СССР. Чернобыльская катастрофа явилась, таким образом, лакмусовой бумажкой перестройки и в то же время определенным катализатором, ускорившим распад Советского Союза.

Формирование и активность групп составителей обращений 1986–1989 гг.

Анализ обращений по чернобыльской тематике позволяет выделить три группы составителей обращений в период с 1986 по 1989 г., а именно: 1) группа эвакуированного населения; 2) группа населения радиоактивно зараженных территорий и 3) группа регионов с «благоприятным радиационным фоном».

1. Первая группа составителей обращений включала в себя эвакуированное и временно эвакуированное население, вывезенное в ходе государственных эвакуационных мероприятий в период с мая по октябрь 1986 г. Данная группа состояла преимущественно из сельского населения. Проведенная эвакуация определила существующую, реальную угрозу здоровью эвакуированных, которую они едва ли могли распознать самостоятельно. Она породила различные проблемы, послужившие поводом к написанию многочисленных обращений. Председатель Комитета госбезопасности Белорусской ССР в отчете для ЦК КПБ

«Об обстановке среди населения районов БССР, подвергшихся радиационному воздействию» от 30 июля 1986 г. сообщал:

«[...] весьма сложной остается обстановка среди временно отселенных более 20 тысяч человек. Неопределенность постоянного места жительства, сроков возможной реэвакуации и возвращения детей, неполная бытовая устроенность порождают различные негативные настроения, вызывают ряд жалоб и в том числе коллективных обращений в различные органы»⁶.

Проблемами эвакуированного населения являлись также нахождение членов семьи на радиоактивно зараженной территории, страх за будущее своих семей, жилищные вопросы, связанные с эвакуацией⁷.

Коллективная эвакуация, зачастую совместное размещение и проживание в различных санаториях и лагерях в ходе эвакуационных мероприятий способствовали быстрой самоорганизации данной группы с целью решения возникших проблем путем легального письменного протеста. Значительная часть обращений данного периода была составлена от имени матерей, родителей. Символическим средством коммуникации с властью в 1986 г. стали коллективные жалобы, затрагивающие правовые нарушения.

Уборка урожая на радиоактивно зараженной территории колхоза «Звезда» Ельского района Гомельской области в 1986 г. (Источник: БГАКФД, О-131312)

Адресатами для составителей обращений являлись всевозможные государственные структуры от районной, областной, республиканской исполнительной власти и партийного аппарата до таких государственных институтов всесоюзного уровня, как Комитет советских женщин и детей, общесоюзные газеты, персонально генеральный секретарь М.С. Горбачев. Выбор институтов на республиканском и всесоюзном уровнях зачастую объяснялся растущим недоверием

населения по отношению к районному и областному начальству. Так, районное руководство представлялось в негативном свете, определялось как некомпетентное. Оно не эвакуировало всех членов семьи, прежде всего мужчин, принуждало их к сельскохозяйственным работам, к строительству домов на зараженных радиацией землях.

Составители обращений выражали также недоверие средствам массовой информации. Основой этому являлось несоответствие подаваемой информации с реальными событиями, иными словами, пострадавшее население уличало во лжи средства массовой информации. Так, например, не имевшее возможности эвакуироваться, покинуть свои рабочие места население представлялось по районному радио добровольцами, комсомольцами и коммунистами.

Женщины, являясь движущей силой данной группы, были готовы действовать и демонстрировали это: они угрожали обращениями в такие международные организации, как МАГАТЭ; предупреждали адресатов о своем нежелании заселяться с детьми в новые дома, если они будут построены в зараженных радиацией местах; были готовы к самостоятельному переселению по примеру других семей в регионы с благоприятным радиационным фоном.

Эвакуированное в большинстве своем сельское население, самоорганизованное для легального письменного протеста, а именно для написания обращений, следует рассматривать как одну из первых форм постчернобыльской мобилизации. Этой группе принадлежит авторство подавляющего большинства обращений по чернобыльской проблематике 1986 г. Эвакуированное население формировало нестабильную критическую группу, ориентированную на решение конкретных материальных проблем, политические цели при этом не преследовались. Ее характеризовала вера в высшую партийную элиту, в сильное государство, способное решить все их проблемы, что являлось барьером для активного протеста.

Государству удалось в общем и целом благодаря активному менеджменту катастрофы решить проблемы эвакуированных. Эта группа получила материальные выплаты, компенсации, новое жилье, вследствие чего в 1987–1988 гг. количество обращений значительно снизилось. Проблематикой обращений в 1987–1988 гг. являлись прежде всего недостаточная компенсация, недоделки в новом жилье, безработица в новых местах проживания.

2. Вторую группу составителей обращений формировало население радиоактивно зараженных территорий, которое не было эвакуировано и проживало вне 30-километровой зоны отселения. К пострадавшим районам относятся большая часть Гомельской и ряд районов Могилевской, Брестской областей.

Данная группа образовывалась под влиянием следующих внешних факторов: вывоз региональным начальством и врачами своих детей; уже упо-

мянутые массовые эвакуации в мае – сентябре 1986 г. как в Беларуси, так и в Украине; приток эвакуированного населения; переполненные больницы и др.

Первые коллективно организованные составители обращений данной группы желали в 1986 г. обратить внимание государства на их проблемы, добились признания себя также пострадавшими, обосновывая свои требования: жизнью и работой на радиоактивно зараженных территориях, предложениями военных о расширении зоны эвакуации, значительно большими эвакуациями в Украине. Особой активностью в этой группе выделялись женщины. Женская/родительская тематика, выражавшаяся в заботе о детях, их питании, присутствовала во многих обращениях.

Составители обращений презентировали себя хорошо информированными о радиационном уровне. Не исключая возможностей информирования населения военными и медиками, все же следует рассматривать данную информацию как тактический прием составителей обращений с целью убедить адресатов в знании реальной ситуации и подтолкнуть их тем самым к решению поставленных вопросов. При этом зачастую составители обращений находились под влиянием различных слухов, вызванных недостатком информации в связи с официальной политикой замалчивания последствий чернобыльской катастрофы. Они выражали также недоверие средствам массовой информации ввиду искаженного освещения последствий катастрофы.

*Член бюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев во время посещения г. Брагина Гомельской области в 1988 г.
(Источник: БГАКФФД, О-131314)*

Нахождение многочисленных государственных комиссий и наличие обусловленной лояльности в отношении высших союзных инстанций вселяли им надежду на скорое улучшение ситуации, на внимание со стороны государства к возникшим проблемам.

Они наблюдали, ожидая государственных мер и обещанной нормализации.

Вследствие новых внешних и внутренних факторов (ухудшение экономической ситуации; долговременная нерешенность проблем снабжения; бегство специалистов; материальные выплаты населению с «благоприятным радиационным фоном», прибывающим для кратковременных работ в регионы с повышенным радиационным фоном; ухудшение здоровья у детей и взрослых, вызванное или не вызванное последствиями чернобыльской катастрофы) происходила дальнейшая самоорганизация населения в 1987–1988 гг. на территориях радиоактивно зараженных регионов, основой которой становились рабочие коллективы. Данные коллективы представляли интересы таких профессиональных кругов, как колхозники, учителя, медики и др., или даже целых городов, что можно трактовать как общественную мобилизацию на основе профессии и места жительства. Целью данной мобилизации был по-прежнему легальный письменный протест. Составители обращений писали коллективные жалобы в адрес различных региональных, республиканских, союзных инстанций и газет, в которых выдвигали широкие социально-материальные требования: одни желали эвакуироваться, другие требовали материальных выплат, улучшения продовольственного снабжения, увеличения продолжительности отпусков как компенсацию за проживание в радиоактивно зараженной местности. Политические цели по-прежнему не преследовались.

3. Третью группу подателей обращений составляло население регионов «благоприятного радиационного фона», т.е. наименее пострадавшее от катастрофы на ЧАЭС. Примером данной группы может служить Минск. В этой группе в 1986–1988 гг. артикулировалась преимущественно национально-историческая тематика. Чернобыльская проблематика имела второстепенное значение и озвучивалась лишь отдельными представителями интеллигенции. Следует назвать писателя Алеся Адамовича, адресовавшего свои обращения М.С. Горбачеву, ЦК КПБ. Эти обращения необходимо рассматривать в данный период как частную борьбу писателя с советской бюрократией, клановостью в науке.

Составители минских обращений тематизировали такие проблемы, как охрана окружающей среды, выступали против строительства АЭС возле Минска, позиционируя себя при этом как минскую общественность. В обращениях населения Минска поднимались также вопросы дополнительной платы за работу в пострадавших от чернобыльской катастрофы регионах. Такие требования выдвигали, к примеру, студенты и солдаты летом 1986 г. При невыполнении данных требований были случаи отказа от работ и даже возвращения в Минск. Данные реакции следует интерпретировать как обусловленное участие в государственных мобилизационных процессах в целях ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Нередки были призывы отказаться от направления молодых людей в радиоактивно зараженные регионы. Составители обращений

стремились получить квартиры в Минске для родственников из пострадавших регионов, оказывая при этом давление на адресатов угрозами составления обращений в такие международные организации, как МАГАТЭ, ООН.

Данная группа была в общем и целом косвенно знакома с проблемами как эвакуированных, так и населения, проживающего на зараженных территориях. Для представителей этой группы не существовало проблем с продовольственным снабжением, в большей степени имел место страх употребления сельскохозяйственной продукции из зараженных радиацией регионов. Государственная мобилизация для ликвидации последствий катастрофы рассматривалась ими зачастую как возможность для дополнительного заработка. При этом нередко были случаи гражданского неповиновения в ходе работы на радиоактивно зараженных территориях. Особое беспокойство вызывало строительство АЭС близ Минска. Минские обращения периода 1986–1988 гг. составлялись как индивидуально, так и коллективно и были подчинены решению конкретной материальной или экологической проблемы.

В целом все три группы составителей обращений возникали стихийным образом как спонтанная реакция на ту или иную ситуацию. Их характеризовало отсутствие постоянной организации, существование для коллективного письменного протеста. После достижения цели данные группы распадались.

Группы составителей обращений в активном протесте 1989–1991 гг.

В период с 1989 по 1991 г. участилось количество обращений, что сравнимо с потоком обращений эвакуированных в первые месяцы после чернобыльской катастрофы. Главными адресатами стали Верховный Совет, депутаты, различные республиканские и всесоюзные газеты, телевидение. Обращения наполнились такими словами, как публичность, общественный контроль, депутат и др. Большинство обращений данного периода составлялись представителями второй группы – неэвакуированного из радиоактивно зараженной территории населения. Эта группа чувствовала себя обманутой, так как многие обещания различных государственных комиссий и экспертов не были реализованы. Она перестала быть лояльной по отношению к высшим государственным инстанциям. Рабочие коллективы зараженных регионов формировали забастовочные комитеты, требуя придания гласности всей информации о последствиях чернобыльской катастрофы, социальной справедливости, общественного контроля, привлечения высших партийных функционеров к ответственности и пр. Требование населения рассекретить информацию о последствиях катастрофы служило в первую очередь цели легимитизации их материальных претензий к государству.

Накопленные и не решенные методом легального письменного протеста черновобильские проблемы стали объектом публичных дискуссий. Письменный протест сочетается с «нелегальным» публичным протестом в форме митингов и забастовок.

Среди причин активного протеста можно назвать ухудшение здоровья детей⁸ при ограниченных возможностях оздоровления; экономические проблемы, связанные с ухудшением продовольственного снабжения; страх перед местной сельскохозяйственной продукцией; бегство простых людей, экспертов из зараженных регионов и др. Данный комплекс проблем, имевших место уже в 1986–1988 гг., еще более обострился в 1989 г. в связи с опубликованием карты радиационно зараженных регионов, первыми частично свободными выборами, формированием публичного дискурса о последствиях черновобильской катастрофы, снятием грифа секретности с последствий катастрофы, многочисленными критическими статьями в средствах массовой информации. В 1989 г. черновобильские митинги и забастовки имели место в Наровле, Хойниках, Брагине и других районных центрах. 30 сентября 1989 г. в Минске прошел первый «Черновобильский марш», организованный БНФ.

*Шествие «Черновобильский марш» по Ленинскому проспекту г. Минска 30 сентября 1989 г.
(Источник: БГАКФД, О-137909)*

Белорусский Народный Фронт активизировался также и в Гомельской области. В 1990 г. Гомель стал главным протестным центром регионов, наиболее пострадавших от черновобильской катастрофы. Значительная часть гомельской индустрии забастовала. Забастовка стала главной формой протеста.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Массовые обращения в 1986 г. не привели к активному протесту в связи с тем, что эвакуированному населению, в большинстве своем сельскому, удалось посредством легального письменного протеста разрешить в общем и целом возникшие конфликтные ситуации.

Нерешенные материальные проблемы, в значительной мере реализованные требования эвакуированного населения, материальные выплаты прибывающим в зараженные регионы специалистам привели к самоорганизации в 1987–1991 гг. населения зараженных регионов на основе рабочих коллективов по профессиональному принципу, по принципу месту жительства с определением и выдвижением широкого комплекса социально-экономических, экологических и политических требований к государству, придания ему широкой публичности путем активного протеста.

В Минске в период с 1986 по 1988 г. не было сравнимого с пострадавшими регионами письменного протеста. Активный протест 1989–1991 гг. стал результатом артикуляции чернобыльской проблематики, использования ее в политических целях Белорусским Народным Фронтом, а также ухудшения экономической ситуации.

Примечания

- ¹ Ср.: Организация и документирование работы с предложениями, заявлениями и жалобами граждан / Т.В. Кузнецова и др.: М., 1992. С. 3–4.
- ² Из указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» от 12 апреля 1968 в: Ядевич Н.И. Порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан. Минск, 1983. С. 5.
- ³ Система существует и совершенствуется в современной Беларуси.
- ⁴ Речь на внеочередном пленуме ЦК КПСС 11 марта 1987 г. в: Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 131.
- ⁵ Выступление по советскому телевидению 14 мая 1986 г. в: Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 395.
- ⁶ НАРБ, ф. 4п., оп. 157, д. 57, с. 117–118.
- ⁷ Многие составители обращений рассматривали эвакуацию как реальный шанс для получения квартир в различных городах Беларуси и в других республиках Советского Союза.
- ⁸ Дети являлись в данном случае в определенном смысле слова биологическими измерителями радиации, так как ухудшение здоровья детей являлось показателем повышенной радиоактивности.

ЧЕРНОБЫЛЬ. В ПРЕДДВЕРИИ 25-й ГОДОВЩИНЫ АВАРИИ

Введение

Чернобыльская катастрофа неоднозначно подается в многочисленных репортажах и аналитических материалах – как научных, так и журналистских, в фильмах, как художественных, так и документальных¹, что стало поводом для масштабного и неразрешенного до сих пор спора о количестве жертв, медицинских последствиях и воздействии малых доз радиации на здоровье человека. Здесь отразилось, прежде всего, отчуждение, образовавшееся между так называемым «научным сообществом» и всеми, кто вовлечен в расследование на гражданском уровне. Со временем это событие как бы отодвинулось на периферию мирового внимания: на Западе оно упоминается только в связи со значительными годовщинами, однако его последствия по-прежнему с нами. В некотором смысле, частично в результате естественного распада радионуклидов, а отчасти вследствие экономических факторов, со временем эти последствия скорее усугубились, чем разрешились. Например, в Беларуси зараженные земли по большей части подверглись рекультивации, поэтому сельские жители, с 1986 г. потребляющие продукты своего труда, недостаточно внимательны к тому, что едят.

В сентябре 2005 г. консорциум, названный «Чернобыльский форум», включающий как ряд организаций под руководством международного агентства по ядерной энергетике, так и некоторых представителей правительств Украины, Беларуси и России, издал Доклад на 600 страницах, который должен был представить человечеству «окончательный» отчет о катастрофе и ее последствиях². Основные выводы данного доклада сводятся к следующему. До 4 тыс. человек со

временем могли погибнуть от воздействия радиационного облучения, однако к середине 2005 г. потери от радиации, вызванной чернобыльской аварией, достигли менее 50%; возможна гибель еще 2200 человек из числа 200 тыс. ликвидаторов, работавших в зоне аварии в период 1986–1987 гг. Опасные зоны должны быть определены заново, поскольку карта радионуклидного заражения постоянно изменяется. Наихудшим последствием воздействия радиации на здоровье к тому моменту стала вспышка рака щитовидной железы у детей, но она привела только к 9 смертям³. Доклад форума утверждает, что наибольшим злом для живущих в зараженных зонах являются бедность и трудности, связанные с переселением. В свою очередь стресс, спровоцированный катастрофой, подорвал ментальное здоровье, и основной проблемой населения в данный момент является психологическая ущербность. Чувство, что Чернобыль – причина всех негативных проблем, привело к зависимости от государства и снижению способности полагаться на себя или местные инициативы. Это заставило Форум критически отнестись к тем связанным с Чернобылем программам, которые были расценены как усиливающие, а не ослабляющие такую зависимость. В завершение представитель ВОЗ Майкл Репачоли сказал: «Итог форума – обнадеживающее послание».

В апреле 2006 г. Гринпис издал альтернативный доклад, который практически оспаривает все выводы Чернобыльского форума, по большей мере основанные на исследованиях ученых – представителей государственных институтов Украины (в первую очередь) и России, а также одного докладчика из Беларуси. Документ этот сфокусирован исключительно на последствиях для здоровья. Относительно приведенных в *Докладе Чернобыльского форума* 4 тыс. последующих жертв Чернобыля утверждается, что за период 1990–2004 гг. только в Беларуси, Украине и России их количество превышает 200 тыс. Утверждается, что случаи рака, в том числе лейкемии, часто встречаются у жителей пострадавших районов так же, как и среди ликвидаторов. В Беларуси между 1990 и 2000 гг. наблюдается 40%-ный уровень заболеваемости раком, но в зараженных районах, например в Гомельской области, он выше 50%. Заболеваемость раком щитовидной железы в сильно облученной Брянской области за декаду 1988–1998 гг. удвоилась, а к 2004 г. утроилась относительно среднего уровня по России. В заключение утверждается, что можно ожидать еще 60 тыс. случаев этого заболевания (как и других заболеваний щитовидной железы у тысяч пострадавших) в трех наиболее пострадавших странах и что наиболее подвержены риску те, кому в момент аварии было меньше четырех лет. Зафиксирован значительный рост количества респираторных заболеваний, а также заболеваний органов пищеварения, внутренней секреции, опорно-двигательного аппарата, нарушений иммунной системы. Сюда же включены наблюдения, сделанные в Беларуси, за 4 тыс. человек, подвергавшихся облучению малыми дозами радиации на протяжении длительного периода, а также случаи врожденной инфекции, генетиче-

ских нарушений и преждевременного старения. Комментарий к Докладу Гринписа предписывает необходимость срочного проведения расследования причин несоответствия между докладом Чернобыльского форума и его собственным и внесения выводов такого расследования в материалы на тему «20 лет Чернобыля».

Как подобное несоответствие выводов, сделанное командами, по существу работавшими с одними данными, вообще могло возникнуть? Интересным фактом является широкое участие известных ученых в подготовке доклада Гринписа и отрицание ими же правдивости Доклада Чернобыльского форума, несмотря на заявления, что материалы форума были одобрены правительствами России, Украины и Беларуси. Как видим, наука не монолитна: в случае Чернобыля не представлено единого набора верных и простых ответов и прогнозов. Наиболее значительным негативным аспектом наверняка является секретность, окружавшая катастрофу на ее начальных, ключевых стадиях. Чтобы лучше понимать ситуацию, этот документ еще до объяснения, как это событие было интерпретировано, исследует сами предпосылки аварии, и меры, изначально предпринятые на национальном и международном уровнях. Изначально событие произошло в Советском Союзе, но в течение пяти лет оно приобрело характер национального, особенно в Украине и Беларуси, при том, что две эти республики, а равно и Россия, имеют весьма различный подход к проблеме Чернобыля.

Советская ядерная энергетическая программа фокусировалась на двух типах реакторов. В 1950-е гг. **РГЗ – реактор с графитовым замедлителем** использовался в военной атомной программе, отсюда сохранявшийся вплоть до начала катастрофы приоритет этого типа реакторов для чиновников военного ведомства, также называемого Министерством среднего машиностроения. **РГЗ** можно заправлять во включенном состоянии, экономя таким образом драгоценное время, однако ему присущи многочисленные дефекты (согласно данным КГБ Украины), из которых два можно признать критическими: **позитивный коэффициент реактивности**, что означает нестабильность при работе на низкой мощности, и недостаточная герметичность в отличие от Канадского графитового реактора **CANDU**. Его прототипом была станция Сосновый Бор, по соседству с Петербургом (тогда Ленинградом). Впоследствии были построены станции в Курске и Чернобыле, станция нового поколения ожидала запуска в Игнаине (Литва) и в процессе строительства находилась на западе России Смоленская станция. Существует тип герметичного реактора, альтернативный **VVER** и рассчитанный на высокое давление. Его советский прототип находится в Нововоронеже. Он производился как на экспорт (в страны Восточной Европы, Вьетнам, Монголию, Кубу и Финляндию), так и для отечественной энергетики⁴.

Для строительства Чернобыльской станции было выбрано место на левом берегу реки Припять, и первый реактор запущен в октябре 1977 г. Во время стро-

ительства двух первых реакторов, отчасти по необходимости подчинять программу жесткому графику, в спешке часто возникали проблемы. Только в 1978 г., когда вводился в эксплуатацию второй блок, в результате несчастных случаев на строительстве пострадали 170 рабочих. Между 1981 и 1985 гг. произошло более 1000 аварийных выключений, в том числе – на реакторах с графитовым замедлителем и более 100 на всей Чернобыльской станции⁵. На станции в Ровно не было отведено места для хранения радиоактивных отходов низкого уровня, хотя в то же время утверждалось, что герметичность реактора недостаточна, чтобы сдержать выбросы ядерных частиц в случае аварии. В основном вина за эти неполадки возлагалась на предприятия, производившие оборудование. К 1984 г. четыре реактора, каждый мощностью 1000 мегаватт, были введены в эксплуатацию, два других находились на разных стадиях завершенности: блок 5 (причина повышенного беспокойства КГБ и предмет знаменитой тревожной статьи в «Литературной Украине» за 27 марта 1986 г., журналистки из Припяти Любови Ковалевской) был готов на 80%, а блок 6 – на 15%. Реакторы строились попарно, но блоки 5 и 6 – на некотором отдалении от основной станции.

9 сентября 1982 г. на первом блоке Чернобыльской АЭС, перед плановым отключением, случился серьезный сбой. Точные причины неизвестны, но когда реактор работал на мощности 20%, прорвало трубопровод. Сначала руководство, подчиненное Союзатомэнерго СССР в Москве, не увидело причин для паники. Ситуацию удалось взять под контроль, и никто не пострадал. Тем не менее в течение нескольких дней донесения стали тревожнее, и обнаружилось, что значительный радиационный выброс вырвался за пределы предприятия. В секретных донесениях КГБ сообщалось, что заражение распространилось на 14 км к северо-востоку и на 5 км к юго-западу. Чистоголовка, которая через 4 года после аварии станет одной из деревень, подлежащих немедленной эвакуации, сильно пострадала уже тогда. Документы об инциденте 1982 г. вскоре были преданы забвению. Для расследования была назначена Правительственная комиссия, но сделанные ею выводы неизвестны. Ни советская общественность, ни международное сообщество не были информированы. К 1982 г. СССР, один из соучредителей МАГАТЭ, ни разу не пригласил ученых из этой организации для инспекции советских атомных станций: секретность пропитала все насквозь. Авария 1982 г. создала прецедент модели поведения и стала шаблоном для тех мер, которые позже были предприняты в апреле 1986 г.

Чернобыльская авария 26 апреля 1986 г.

Здесь мы не станем детально разбирать запутанные известия о деталях аварии. Известно, что во время отключения повторно проводился эксперимент, целью которого было выяснить, как долго вращающаяся турбина сможет вырабатывать энергию до того, как активизируются аварийные турбины. *Неопытный*

оператор пытался поднять мощность реактора, что вылилось в выброс энергии, который сорвал крышу с блока четвертого реактора 26 апреля в 01. 23. Радиоактивные осколки выбросило на высоту около одного километра. В течение следующих недель радиация продолжала вырываться из зияющей дыры: по разным оценкам атмосферное заражение составило 260 миллионов кюри, прежде, чем 10 мая дыра была заглушена. Первый взрыв выбросил только несколько сот килограммов осколков, остальная часть – первоначально считалось, что она составляет 3% содержимого активной зоны реактора – попала в воздух вместе с продуктами горения графита. Образовавшееся радиоактивное облако было перенесено ветром в северо-западном направлении, таким образом, наибольшее количество осадков выпало на территории Беларуси, граница которой находится всего в 10 км от станции. Изначально существовала опасность распространения пожара на крышу третьего блока. Испытания безопасности проводились двумя операторами, ни один из которых не являлся экспертом в области ядерной физики, в присутствии смены из 17 рабочих; в здании не было ни директора предприятия, ни главного инженера⁶.

Информирование как советской общественности, так и внешнего мира осуществлялось с большим опозданием. Первое сообщение Радио Москвы появилось только после того, когда обувь работников атомной станции в Форсберге (Швеция) во время проверки на входе показала высокий уровень радиоактивности. Так как заражение произошло за пределами здания, шведы догадались, что авария случилась где-то в СССР. Политбюро ЦК КПСС назначило оперативную группу, возглавляемую двумя помощниками Михаила Горбачева: секретаря по идеологии Егора Лигачева и премьер министра – Николая Рыжкова⁷. Они начали налаживать связи с министерствами, чье участие в решении атомной проблемы имело ключевое значение: с союзным и республиканскими министерствами здравоохранения, а также госкомитетом по гидрометеорологии и наблюдению за окружающей средой. 29 апреля, по прошествии трех дней со дня аварии, в средствах массовой информации появились первые более полные репортажи; в них упоминались двое погибших, другие детали не приводились. Графит продолжал гореть, потребовалось привлечь пожарные бригады как из г. Припяти, так и из находящегося в 137 км к югу Киева. Все они прибывали по одной, ведущей на север, узкой дороге. Чтобы сбить пламя, вертолеты начали сбрасывать на реактор свинец, бор и песок.

Изначально зона эвакуации была определена в радиусе 10 км, что означало попадание в нее главных населенных пунктов – города Припяти (с населением 45 тыс. человек), в котором в основном проживали работники станции, и Чернобыля (с населением 10 тыс.). До этого момента – особенно весь день 26 и утро 27 апреля – жизнь в городе Припять протекала, как если бы все было нормально. Люди отправились на рыбалку, на открытом воздухе 26 апреля праздновались по меньшей мере две свадьбы. Среди местных жителей были случаи ожогов ног

от соприкосновения с землей, тем не менее не только не последовало никаких предупреждений об опасности для здоровья, но даже совета оставаться в помещении. Государственная комиссия, возглавленная Борисом Щербиной, взяла район Чернобыля под контроль. Только 2 мая Лигачев и Рыжков прилетели в Чернобыль, после чего зону эвакуации срочно расширили до 30 км. Сообщалось, что со 2 по 4 мая из зоны было эвакуировано 60 тыс. человек. Первые жертвы, наиболее тяжело пострадавшие, были переправлены в клинику № 6 Москвы, остальные в больницы Киева. Согласно информации Политбюро к 4 мая было госпитализировано 1882 пострадавших от лучевого поражения, из них 204 серьезно. Эти цифры в скором времени значительно выросли. Уровень радиации над реактором на 1 мая, согласно сводкам, составлял 80 рентген в час, а в Припяти 200 микрорентген в час. Через три дня ветер изменил направление, что привело к резкому повышению уровня радиации в Киеве (население 2,5 миллиона). К 8 мая уровень радиации продолжал расти, и достиг 1000 рентген в час, что превышает естественный фон в 77 тыс. раз⁸.

В отчете КГБ упоминаются два взрыва, из которых второй был сильнее: он уничтожил все противопожарное оборудование. Радиоактивное облако сформировалось над реактором, но недостаток в счетчиках Гейгера не позволил вести точные наблюдения за уровнем радиации, что ставит под сомнение все приводимые в тот период данные. Роль КГБ состояла в расследовании причин аварии и установлении ответственных, также было необходимо контролировать движение по загруженной киевской дороге, и особенно на выезде и въезде в зону. Все транспортные средства проверялись⁹. К концу мая первоочередными задачами была постройка временной крыши (саркофага) над разрушенным 4-м блоком и канатной дороги для доставки стройматериалов. Главная причина беспокойства заключалась в том, что материалы, сброшенные на горящий графит, также сталкивали реактор ниже, к уровню грунтовых вод. Для постройки бетонной плиты под реактором были привлечены шахтеры. В противном случае могло произойти заражение реки Припять, впадающей в Днепр, а также Киевского водохранилища, основного запаса воды украинской столицы. Следующими по важности задачами были сбор и захоронение радиоактивных обломков, начиная с крыш третьего и четвертого блоков, а также ликвидация так называемого красного леса, который был критически облучен¹⁰.

Правительственная комиссия разделила зараженную зону на четыре части, основываясь только на учете радионуклида цезия-137. Зона эвакуации была обозначена как зона отчуждения, предполагалось, что она останется пустой в течение нескольких десятилетий; зона принудительной эвакуации при уровне содержания в почве цезия между 15 и 40 кюри; зона постоянного наблюдения с правом на эвакуацию при 5–15 кюри; в то время как территории с почвенным уровнем радиации более одного кюри должны были находиться под постоянным наблюдением. В ранний период из зоны было эвакуировано более 118 400

человек, но часто – в районы, расположенные на пути радиоактивного облака, жители которых в свою очередь подлежали эвакуации. Неизбежной стала произвольность в определении границ между зонами: земля вокруг одной усадьбы могла попадать во все четыре категории в зависимости от того, где именно проводились измерения. К 2000 г. более 350 тыс. человек были эвакуированы (большой частью в период с 1991 по 2000 г.): около 163 тыс. в Украине, 135 тыс. в Беларуси и 52 тыс. в России¹¹.

Вопрос об ответственности Советского Союза

Вышеописанные события могли породить в некотором смысле «нормальный» ответ на ядерную опасность. Так или иначе, Советский Союз не являлся нормальным обществом, и в отдельных аспектах реакция Коммунистической партии вызывает некоторые вопросы. Операция по расчистке, например, в которую в конечном счете было вовлечено около 600 тыс. человек, проводилась в ужасающих условиях, сроки пребывания в зоне продлевались без предупреждения, на крыше реактора рабочие подвергались такому интенсивному облучению, которое в несколько раз превысило сумму радиации, обычно получаемую человеком в течение всей жизни. Недостаток средств защиты мог быть восполнен при условии более позитивного ответа на предложения помощи из заграницы. Счетчики Гейгера просто не рассчитаны на уровень выше 25 rem. Реальный уровень превышал этот предел, но рабочие оставались в зоне. С самого начала добровольцы со всех краев СССР принимали участие в операции, оставаясь в зоне в течение первых месяцев. Когда их сменили военные резервисты, добровольцы попросту «исчезли» из поля зрения властей и не появлялись ни в какой наблюдаемой категории жертв. Неизбежно приходится сделать вывод, что многие из тех, кто был в зоне в самый пик трагедии, в конце концов умерли, но в большинстве случаев никаких расследований не проводилось. Украинский кинорежиссер Владимир Шевченко одним из первых попал в число жертв, ведя съемку в зоне в первые дни. Во всех случаях истории болезни были засекречены. По прибытии на объект резервистов Министерство обороны контролировало любой доступ к информации. В случае смерти фабриковался «удобный» диагноз, например «сердечно-сосудистая недостаточность». В то время влияние радиоактивного Чернобыля вообще не рассматривалось как фактор смертности¹².

К весне 1989 г., отчасти как результат успеха политики «гласности», в советской прессе появились карты, на которых границы районов выпадения радиационных осадков указывались шире, чем ранее. Сотни советских семей, особенно в Беларуси, внезапно обнаружили, что они живут в радиоактивной зоне¹³. Трудно даже представить их реакцию. Все это привело к требованиям, часто спорным, о дальнейшей эвакуации. Так или иначе, ущерб был нанесен: радиоактивные продукты употреблялись в пищу, они поставлялись не только на местный рынок, в

течение трех лет продолжался их экспорт. «Большая ложь» – вот как Алла Ярошинская, бывший советский депутат, помощница Бориса Ельцина, назвала в конце 1991 г. подобную политику. Ей довелось сохранить для потомков многие документы, доказывающие, что Политбюро, зная все подробности, решило их не раскрывать, сочетая секретность с искажением информации. Даже с энтузиазмом воспринятый советский доклад о причинах аварии, сделанный в Вене в августе 1986 г. на сессии МАГАТЭ, не пошел дальше упоминания человеческой ошибки, игнорируя хорошо известные дефекты реактора данного типа. Фактически все решения принимались руководством ядерной индустрии в Москве, вдобавок решение Горбачева – использовать Чернобыль для пропаганды его программы против ядерных вооружений – привело к параличу информации в Киеве и Минске. В свою очередь, в конце 1980 г. СССР столкнулся с финансовым и политическим кризисом, что подорвало его способность адекватно бороться с последствиями аварии.

Наряду с виной Советского Союза за многочисленные проблемы надо упомянуть случаи, когда журналисты допускали широкую трактовку реальных последствий. Один документальный фильм уже в 1988 г. ставил целью показать генетические нарушения у домашнего скота, вызванные повышенной фоновой и почвенной радиацией¹⁴. Без сомнения, «радиофобия» вылилась во многие неподтвержденные репортажи и мифы (например, красное вино и водка якобы лекарства при лучевой болезни). Так или иначе, причины появления подобных предрассудков нужно искать в молчании чиновников и скудности официальной информации. В числе немногих козлов отпущения оказались: министр среднего машиностроения – отправлен в отставку; 67 работников станции уволены или понижены в должности; наказаны 27 работников местных партийных организаций; летом 1987 г. директор станции Виктор Брюханов, главный инженер и два оператора (среди них заместитель главного инженера, под чьим наблюдением проводился эксперимент) предстали перед судом г. Чернобыля.

Брюханов был приговорен к десяти годам заключения в трудовой исправительной колонии – чрезвычайно суровое наказание, учитывая его беспомощность в качестве директора станции и отсутствие в момент основного события¹⁵. «Гласность» также позволила появиться политической оппозиции в Украине: стоит отметить зародившееся в конце 1987 г. экологическое движение «новый мир», которое возглавил доктор медицины Юрий Щербак. К началу 1989 г. в Украине существовало собственное Народное движение за перестройку (съезд, на котором его основали, состоялся в сентябре того же года); его возглавили трое членов союза писателей: Дмитро Павлычко, Иван Драч и Владимир Яровский. В значительной мере это движение («рух») стало ответом на секретность по поводу эффектов Чернобыля. Вскоре рух стал требовать прекращения ядерной программы в Украине, а равно суверенитета республики в области индустрии и экономики (обретен летом 1990 г.)¹⁶.

Чернобыль опустошил Украину и Беларусь: заражены радионуклидами соответственно 8 и 22% их территории¹⁷, включая 25% лесов Беларуси. Заражению подверглись Брянская и Смоленская области в России. Более 5 миллионов в настоящий момент проживают в районах с уровнем содержания цезия в почве более одного кюри на 1 кв.км. В Украине долгосрочный эффект воздействия цезия, стронция и плутония (период полураспада 24 тыс. лет) останется навечно в Киевском, Житомирском и Черниговском районах, а также в части областей Волыни и Ровно. В Беларуси сильнее других пострадали районы Гомеля, Могилева и Бреста. Многие деревни Гомельского района обезлюдели, другие существуют в крайней нищете, в них практически не осталось молодежи. Студенты университетов привлекаются к сбору урожая; эта практика существует как обязательная часть учебного процесса. Хотя разрушенный 4-й реакторный блок был накрыт так называемой защитной оболочкой, по прошествии 15 лет она подверглась разрушению. Франко-германский консорциум первым предложил план возведения рассчитанного на долгий срок защитного экрана¹⁸. Позднее конкурентная заявка поступила от Американско-украинского консорциума. Конструкции находилась в опасности частичного обрушения – особую угрозу представляла сдвинутая взрывом тяжелая крышка, которая нависла над реактором. Вдохновленное Чернобылем экологическое движение вызвало подъем антиядерных настроений во всем Советском Союзе, что привело к сворачиванию некоторых незавершенных проектов, например строительство реакторов в Чигирине и Крыму. В 1990 г. украинское правительство объявило пятилетний мораторий на ввод в эксплуатацию новых реакторов. Беларусь ввела десятилетний мораторий в 1998 г.

О медицинских последствиях

Возможно, никогда не удастся узнать точное количество жертв Чернобыля. Цифра 50 (а ранее 31) погибших, очевидно, занижены. Так называемый чернобыльский СПИД в зараженной зоне привел к снижению иммунитета и сопротивляемости болезням. За последние 20 лет смертность там значительно возросла. Численность здоровых детей – 80% (по оценкам середины 80-х гг.) в зонах, позднее пострадавших от радиационных осадков, к началу XXI в. упала ниже 20%, что значительно меньше, чем в чистых зонах. В Беларуси медицинскому освидетельствованию к тому же сроку, в связи с Чернобылем, подверглись 1,5 миллиона человек, что составляет более 15% населения, среди них – 330 тыс. детей¹⁹. Ликвидаторы страдают различными заболеваниями, многие совершили самоубийства. По меньшей мере официально 5 тыс. погибли к 1990 г., однако два независимых источника приводят цифру – более 10 тыс. в течение 5 лет после аварии²⁰. Трудность состоит в подтверждении этих данных. Как указывалось, налицо избыток часто противоречивых выводов медицинских исследо-

ваний, которые ссылаются на неполные базы данных при недостатке централизованного учета. Очевидно только то, что ликвидаторы, эвакуированные, а также лица, по-прежнему проживающие в зоне, сталкиваются с различными проблемами здоровья, вызванными катастрофой Чернобыля. В докладе Чернобыльского форума упоминается о падении стандарта жизни, недостаточном питании, а также психологическом стрессе. К 2000 г. численность пострадавших на территории бывшего Советского Союза в результате чернобыльской аварии составила 7,1 миллиона; из них 4,5 миллиона – жители зараженных районов, 566 402 – ликвидаторы, бывшие на месте аварии с 1988 по 1989 г., остальные (292 244 350 400 тыс.) составили эвакуированные с 1986 по 1987 г.; 148 274 объявлены инвалидами. Разделив эти показатели между республиками, получим: 3,18 миллиона жертв в Украине, 2,09 в России и 1,82 миллиона (в большей пропорции) в Беларуси²¹.

Отмечено появление рака щитовидной железы у детей, ранее практически неизвестного в этой возрастной группе, что стало результатом выброса радиоактивного йода-131 с периодом полураспада 8 дней. Докладывалось о 19 смертельных случаях в числе тех, кому была сделана операция²². После аварии уровень лейкемии возрос во всех зараженных областях, не превысив, впрочем, европейские нормы. Однако появление новых заболеваний, например детского диабета, местными врачами часто связывается с повышенным уровнем радиации и присутствием радиации в пищевой цепи. Воздействие малых доз радиации остается предметом споров. В Беларуси доктор радиологии Юрий Бандажевский, бывший ректор Гомельского медицинского института, провел в Гомельской области исследование распространенности сердечно-сосудистых заболеваний у детей. Оказалось, что воздействие даже относительно малых доз цезия-137 может привести к развитию катаракты, сердечных заболеваний и прочих расстройств. Он критикует торговлю зараженными овощами, утверждая, что зараженная зона вокруг Чернобыля постоянно расширяется. В июле 1999 г. он был арестован режимом Лукашенко по закону об антитерроризме, а в 2001 г. осужден по обвинению в том, что он якобы замешан во взяточничестве в своем институте. Был освобожден из заключения только 5 августа 2005 г., его здоровье подорвано²³.

Серьезность проблем, порожденных Чернобылем, заставила местных ученых запросить данные у служб, находящихся под началом МАГАТЭ. По данным, которые привел ученый Александр Яблоков, количество случаев рака щитовидной железы у детей в долгосрочной перспективе может составить 10 тыс. в отличие от 4 тыс., приведенных в чернобыльском докладе²⁴. Хотя доклад и информирует о росте случаев различного типа рака у ликвидаторов наряду с раком груди у проживающих в зоне женщин, он не содержит никаких упоминаний об очевидном снижении иммунитета к заболеваниям у части населения, в целом обозначенного как жертвы Чернобыля. Тем не менее в нем присутствует информация о явной связи между радиацией и увеличением количества пато-

логии у новорожденных, включая синдром Дауна. Доклад Яблокова оспаривает выводы форума по многим направлениям. Например, чернобыльский доклад содержит утверждения, что точное количество жертв Чернобыля никогда не будет известно, и там же с уже абсолютной точностью заявляется цифра 4 726 – это те, кто по прогнозам умрут в России в скором будущем. Он уверен, что нельзя утверждать, будто невозможно связать рост смертности с Чернобылем на основании того, что таковой наблюдается на всей территории бывшего СССР. Первый значительный всплеск смертности случился сразу после 1986 г., и взрыв в Чернобыле вполне мог оказаться его ключевым фактором, притом что наиболее значительный рост смертности произошел в районах, пострадавших от чернобыльской аварии. В первую очередь Яблоков возражает против расплывчатости языка, присущей Докладу: частое употребление выражений типа «не до конца ясно», «возможно», «не определено», как и «не подтверждено статистическими данными» в основном служит цели сокрытия статистически достоверных данных. Он приводит данные исследований, которые прямо указывают на связь между радиацией и ростом стресса, отмечая тот факт, что доклад игнорирует наличие воздействия Чернобыля за пределами трех стран: Беларуси, Украины и России, которые являются главным предметом его внимания²⁵. Также нужно учесть, что доклад не принимает в расчет засекреченность информации советской системы, которой в прошлом успешно удавалось утаивать другие катастрофы, как, например, трагедию в Кыштыме, случившуюся в 1957 г.

Катастрофа в процессе изменения

В 2000 г. правительство Украины под руководством Леонида Кучмы навсегда закрывает Чернобыльскую станцию, надеясь, что удастся возместить энергию, вырабатываемую двумя уцелевшими реакторами, введя с помощью Запада в эксплуатацию две новые станции в Хмельницком и Ровно (обе VVER-1000s). В зоне расположено более 100 мест захоронения радиоактивных отходов, многие из которых не могут быть названы ни надежными, ни долговременными. Мэри Миссио пишет, что зона практически обезлюдела и превратилась в парк дикой природы, в то время как ученые спорят о последствиях катастрофы для дикой природы²⁶. Минуло почти 25 лет, а согласия в вопросе о последствиях воздействия аварии на здоровье не достигнуто, и устойчивый холод отчуждения между научным истеблишментом, представленным МАГАТЭ, и общественными институтами так и не преодолен. Это – одно из наиболее печальных обстоятельств, которое препятствует открытой дискуссии. Как указывалось, авария оказала долгосрочные воздействие на национальное развитие Украины, в том числе на рост национального самосознания, а также на сопутствующие им антимосковские настроения. В 2005 г. в социологическом опросе Киевского центра Разумкова чернобыльская авария не упоминалась в первую очередь, тем не менее

жители Украины, особенно те, кому больше 40 лет и кто может лучше других помнить это событие, поставили его на четвертое место сразу после таких тем, как низкий уровень доходов, безработица и преступность. Согласно тому же опросу, более 64,6% определяют уровень опасности ядерной энергетики как опасный или очень опасный способ добычи энергии. Почти 55% респондентов возразили против возобновления ядерной программы Украины, в том числе и по причине газовой войны с Россией, в то же время 26,8% высказались за. Только 7,4% выразили доверие правительству в вопросах ядерной безопасности, около 40% предпочли, чтобы вопрос о строительстве новых ядерных реакторов в Украине стал предметом национального референдума²⁷.

В Беларуси Чернобыль ассоциируется в первую очередь с платформой политической оппозиции. В апреле 2006 г. Чернобыльский марш, событие, которое по традиции собирает массу людей в Минске, сопровождался яростными протестами против манипуляций во время президентских выборов. Все независимые исследования в республике задушены. Негосударственные организации практически лишены возможности проводить конференции и встречи на тему последствий Чернобыля: в 2008 г. Президент отменил разрешительные визы для поездок детей из пострадавших районов в страны Европы, целью которых было восстановление здоровья²⁸. Правительство возобновило программу летнего отдыха за границей для белорусских детей только после того, как Таня Кажура, 1991 г. рождения, находясь в августе 2008 г. в Калифорнии, отказалась вернуться домой с остальными детьми²⁹. Хотя в итоге она вернулась на родину, белорусские власти, вполне обоснованно, потребовали гарантий, что в будущем инцидент не повторится. Правительство Беларуси, получив кредит на все представленные с 1990 г. восстановительные программы, в то же время неустанно пропагандирует необходимость обработки зараженных земель. Многие семьи, живущие в пострадавших от Чернобыля районах, на протяжении последних 24 лет питаются продуктами собственного земледелия и животноводства. В 1990 в белорусском здравоохранении разразился кризис, что привело к созыву в 1998 г. Первого конгресса медиков. В числе данных, приведенных докладчиками, 32%-ный прирост заболеваемости и 50-кратный рост случаев рака щитовидной железы у детей³⁰.

«Наследники» Чернобыля живут сегодня и в Украине, и в Беларуси. Советские республики стали независимыми государствами, но им пришлось столкнуться с тяжелыми экономическими проблемами. В то время как ущерб, нанесенный аварией Украине, оценивается в 128 миллиардов долларов США³¹, Беларусь под началом Лукашенко даже в условиях больших затрат предпочитает заверять мир, что связанные с Чернобылем проблемы в основном уже решены. Собственные энергетические потребности Украина по-прежнему удовлетворяет, полагаясь на ядерную энергетику: ее 15 реакторов производят 47,5% энергии³². К лету 2009 г. Россия дала согласие на финансирование первой белорусской атомной станции, которую собираются построить под Гродно³³. Внутри страны назре-

вает значительное сопротивление этому рискованному предпрятию. Прошло 24 года, 10 тыс. молодых людей пострадали от рака щитовидной железы, тысячи ликвидаторов безвременно погибли. Население обеих республик, как, впрочем, и России, резко сокращается. С 1985 г. Беларусь потеряла более полумиллиона человек, Украина более 5 миллионов. Снижение рождаемости и массовая эмиграция из зараженных зон напрямую связаны с чернобыльской катастрофой. Мир вступил в новую полосу кризиса: война в Ираке, голод в Африке, опасность производства ядерного оружия Северной Кореей и Ираном. Тем не менее в обозримом будущем не предвидится окончания споров на тему Чернобыля. Миллионы пострадавших живут, неся тяжкое бремя медицинских социальных и психологических проблем. Сегодня угроза заключается в загрязнении почвы и пищи, иллюстрацией чему могут служить мрачные разоренные деревни Гомельского района в Беларуси и покинутый украинский город Припять, заросшие улицы и дворы, опустевшие жилища...

Перевод Глеба Галушко

Примечания

- ¹ Среди наиболее известных, следующие популярные издания: Жорес А. Медведев. Наследие чернобыля (New York: W.W. Norton, 1990); Юрий Щербак. Чернобыль (Нью-Йорк: ст. Мартин пресс, 1988); С.Губарев. Ядерный след (Москва, энергоатомиздат, 1990); В. Ворона. Социальное наследие Чернобыльской катастрофы (Харьков: Фолио, 1996); Дэйвид Р. Марплз. Социальные последствия Чернобыльской катастрофы (Йорк: ст. Мартин пресс, 1988); Адриана Петрина. Беззащитная жизнь: Биологические граждане после Чернобыля (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002).
- ² Международная организация здравоохранения. Последствия Чернобыльской аварии для здоровья и программы по особому уходу. Доклад экспертной группы ООН Чернобыльского Форума «Здоровье». Рабочий проект, 31 августа, 2005.
- ³ Подборка информации, изданная в пресс-релизе. Например, см.: Вероятно, Чернобыль убил 4 000 // BBC News, 5 сентября 2005.
- ⁴ Краткое описание развития атомной отрасли в СССР можно найти в следующих изданиях: Р.Джозефсон. Красный Атом. Русская атомная программа от Сталина по сей день (New York: W.H. Freeman & Company, 2000). С. 203–242; Дэйвид Р. Марплз. Чернобыль и ядерная энергия в СССР (Йорк: ст. Мартин пресс, 1986). P. 71–93.
- ⁵ Джозефсон. С. 260.
- ⁶ «Уведомление КГБ УССР, г. Киев Киевской области в КГБ СССР о взрыве 4-го Энергоблока Чернобыльской АЭС», 26 апреля 1986. DA SBU, F.65, Spr. 1, T.34, Ark. 2–3.
- ⁷ «Протокол оперативной группы ЦККПСС по вопросам, связанным с ликвидацией последствий на Чернобыльской АЭС», 29 апреля 1986, в Алла Ярошинская, Чернобыль: Совершенно секретно (Москва: Другие берега, 1992). С. 250–252.
- ⁸ «Донесение 6-го Управления КГБ СССР в КГБ УССР о радиационной обстановке и ходе работ по ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС», 9 Мая 1986, DA SBU, F.65, Spr. 1, T.33, Ark. 71–74.

- ⁹ «Специальное Донесение начальника КГБ УССР начальнику КГБ СССР», 11 мая 1986, DA SBU, F.65, Spr. 1, T.33, Ark. 208–211.
- ¹⁰ «Донесение 6-го Управления КГБ СССР в КГБ УССР о радиационной обстановке и ходе расследования аварии на Чернобыльской АЭС», 19 мая 1986, DA SBU, F.65, Spr. 1, T.33, Ark. 144–146.
- ¹¹ ООН, Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС: Стратегия реабилитации (Минск: Юнипак, 2002). С. 66.
- ¹² Например, отчет Любви Ковалевской о смерти военного резервиста Леонида Игнатьева из Москвы 1967 г. рождения. Его мать случайно узнала, что он был призван в Чернобыль в конце апреля 1986 г., во время его периодических приездов домой. К июлю 1987 г. у него начали выпадать волосы и зубы. 27 июля 1988 г., в день его смерти, первоначальный диагноз был – лучевая болезнь the initial diagnosis was radiation sickness. Позже заявлялось, что он умер от неизвестного яда, а Министерство обороны СССР отрицало, что он вообще был в Чернобыле (Литературная Украина, 10 августа 1989).
- ¹³ Впервые в Украине признание, на высоком уровне, факта, что радиация распространилась далеко за пределы 30-километровой зоны, состоялось 1 марта 1989 г. в газете «Советская Украина». К статье прилагалась карта, на которой зараженная зона впервые разделена на четыре района.
- ¹⁴ Я ссылаюсь на фильм «МИ-КРО-ФОН!», выпущенный в Киеве в 1988 г.
- ¹⁵ Мне сообщали, что Брюханов соврал по поводу уровня радиации на Чернобыльской станции сразу после аварии, приводя цифры, в десятки раз меньшие, чем то было на самом деле, тем самым ставя в опасность жизни работников станции (Московские Новости. No. 32. 9 августа 1987. С. 12).
- ¹⁶ Я описал эти события в: Дэйвид Р. Марплз. Украина на Перестройке: Экология, Экономика, и восстание рабочих (Йорк ст. Мартин пресс, 1991), главы 4 и 5. Так же см.: Джэйн Ай. Досон. Эконационализм, антиядерный активизм и национальная идентичность в России, Литве и Украине (Durham: Duke University Press, 1996).
- ¹⁷ Это утверждение подразумевает заражение долгоживущими радионуклидами: Цезием-137 и Стронцием-90. Около 90% Беларуси было заражено йодом-131 с периодом полураспада 8 дней.
- ¹⁸ Подробный отчет об истории защиты и выполнения плана защиты Shelter Implementation Plan см. на веб-странице МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии): www.iaea.org.
- ¹⁹ Владимир Цалко. Жизнь после Чернобыля: цель — преодоление // Беларуская думка. No. 4 (2005). С. 108.
- ²⁰ См., например, <http://au.news.yahoo.com/050906/19/p/vtlm.html>. Союз ликвидаторов Чернобыля приводит те же цифры.
- ²¹ ООН, ст. 32.
- ²² Ю.Е. Демидчик, З.Е. Гедевич и М.Н. Шепетько. Внедрение научных разработок в клиническую практику // В.Е. Шевчук, В.Л. Гурачевский и В.В. Колбанов, ed. 17 лет после Чернобыля: проблемы и решения: Сборник научных трудов. Минск, 2003. С. 23.
- ²³ <http://www.amnestyusa.org/action/special/bandazhevsky.html>
- ²⁴ А. Яблоков. Снова о Чернобыле :Правда, полуправда и ложь // Народная воля. 4 января. 2006. С. 5.
- ²⁵ А. Яблоков. С. 5.

- ²⁶ Мэри Мисио. *Полынный лес: Естественная история Чернобыля* (Вашингтон, оК.: Джо-зеф Генри пресс, 2005, особенно главы 4 и 5. Также см.: С. О' Коннел. Загадка Чернобыля // Дэйли Телеграф, 31 августа 2009.
- ²⁷ Volodymyr Saprykin. *Vlada i suspil'stvo: nalahodzhennya spivrobotnytstva dlya bezpechnoho rozvytku yadernoi enerhetyky Ukrainy* // Dzerzhalo tyzhnya. 25 июня – 1 июля 2005. в до-стуге: <http://www.zn.kiev.ua/nn/show/552/50432/>.
- ²⁸ См., например, <http://www.radionetherlands.nl/news/international/5937395/Lukashenko-withdraws-visas-for-Chernobyl-children>, 27 августа 2008 (получено 2 сентября 2009).
- ²⁹ Риа Новости, 6 августа 2008.
- ³⁰ Дэйвид Р. Марплз. Демографический Кризис в Беларуси // Проблемы посткоммунизма. Том 47. № 1. Январь – Февраль 2000.
- ³¹ В. Холоша и В. Поярков. Экономика: Потери Чернобыльской Аварии // Варго. С. 220.
- ³² <http://www.world-nuclear.org/info/inf46.html>, июнь 2009 (получено on 2 September 2009).
- ³³ ИТАР-ТАСС, 27 августа 2009.

Астрид Зам

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ

*Доработанный вариант доклада, прочитанного
15 декабря 2009 года в университете города Гиссена (ФРГ)*

Abstract

The radioactive fallout, caused by the explosion of the reactor at the Chernobyl nuclear power plant in April 1986, was spread over all European countries. In reaction to this “anthropological” shock the energy policy in many countries was changed and numerous initiatives evoked, in order to help to mitigate the consequences of the Chernobyl catastrophe in the most effected countries Belarus and Ukraine. Due to this unique all-European solidarity movement the memory of the Chernobyl tragedy could make a significant contribution to the development of a European culture of remembrance. However, the perceptions of Chernobyl are quite different in East and West. The same can be said about other issues, included into the European culture of remembrance, like the Holocaust and the end of the communist regimes in Eastern Europe. Thanks to their rich experience in the intercultural dialogue between East and West the Chernobyl partnership initiatives can help to create a European culture of remembrance which is able to integrate the different ways of perception.

В 2011 г. будет отмечаться 25-я годовщина со дня взрыва реактора на Чернобыльской АЭС. Таким образом, родилось уже целое поколение, у которого нет воспоминаний, непосредственно связанных с событиями, произошедшими 26 апреля 1986 г. Отсюда возникает опасность, что по поводу 25-й годовщины чернобыльская катастрофа и ее последствия

в последний раз удостоится пристального внимания со стороны средств массовой информации вместе с потоком публикаций, фильмов, выставок и т.д., прежде чем Чернобыль окончательно будет предан забвению.

Вместе с тем взрыв реактора на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г. коснулся практически всех людей в Европе и за ее пределами. У многих людей катастрофа на Чернобыльской АЭС вызвала в определенном роде состояние «антропологического шока»¹, который сделал для них наглядной вездесущую угрозу человеческой жизни со стороны современных технологий. Поэтому большинство людей в Европе, которые осознанно пережили взрыв реактора, до сих пор помнят, чем они занимались в те дни, когда стало известно о катастрофе. Почти во всех европейских странах в течение следующих лет были созданы инициативные группы, которые по сей день оказывают помощь людям в Беларуси, Украине и – хоть и в меньшем масштабе – в России для уменьшения последствий катастрофы. Именно по этой причине Чернобыльской катастрофе на первый взгляд, кажется, просто предназначено стать существенной частью европейской культуры памяти.

Для того чтобы определить, может ли и если да, то каким образом чернобыльская катастрофа внести вклад в становление европейской культуры памяти, мы должны поставить перед собой два принципиальных вопроса.

1. Что такое европейская культура памяти?
2. Как была воспринята чернобыльская катастрофа и каким образом выстраиваются воспоминания по отношению к ней и ее последствиям?

Чтобы ответить на эти вопросы, в первую очередь были проанализированы публичные средства информации как носители воспоминаний, а также политика воспоминаний политических и общественных акторов. К сожалению, в данной статье не является возможным рассматривать и передачу воспоминаний в приватной сфере (в семье и пр.). Данные формы воспоминаний требуют отдельного исследования.

Что такое европейская культура памяти?

О развитии европейской культуры памяти в последние годы говорят многие европейские политики и общественные акторы. Это связывается с ожиданиями того, что совместные воспоминания прошедших событий укрепят фундамент Европейского союза как политического проекта.

С точки зрения содержания попытки развития европейской культуры памяти сконцентрированы на событиях Второй мировой войны, и особенно на уничтожении европейских евреев. Холокост, таким образом, часто обозначается как негативный основополагающий миф Европы². Уже в этом проявляется

принципиальная сложность европейской культуры памяти, которая не столько направлена на создание транснационального взгляда на историю, сколько требует определенной смены парадигм в рефлексии исторических событий и контекстов. Традиционно национальная идентичность до 1945 г. была частично основана на представлении о национальных героических поступках и героических событиях национальной истории. В отличие от этого общая память в Европе выходит за национальные границы преимущественно только в воспоминаниях о больших общеевропейских катастрофах XX в. и их жертвах³. С одной стороны, это делает возможным, прежде всего, дальнейшее сосуществование различных национальных исторических нарративов. Но, с другой стороны, возникает вопрос, достаточно ли воспоминания о холокосте для того, чтобы развить у европейцев прочные чувства взаимосвязи и общего исторического смысла. Конечно, 20-я годовщина падения Берлинской стены и железного занавеса подготовила положительную основу для европейской культуры памяти. К тому же есть и другие значимые для всего Европейского континента события, которые могут быть интегрированы в европейскую культуру памяти и, частично, позволить сослаться на наследие в духе свободы и эмансипации. Это касается 1789 г. (Французская революция), 1848 г. (демократическая революция), 1914 г. (Первая мировая война) и 1968 г. (студенческие волнения). Правда, эти события широко отмечаются публично, как правило, лишь на круглые годовщины, тогда как память о холокосте присутствует постоянно.

Общая транснациональная память до сегодняшнего дня несет в себе конфликтный потенциал. Более того, церемонии и публичные дебаты, посвященные 60-летию начала Второй мировой войны и 20-летию бархатных революций в странах бывшего социалистического лагеря в 2009 г., показали, насколько до сих пор гетерогенны и конфликтны воспоминания об этих событиях в странах Европы. Тем самым до сих пор проявляются разделительные линии между Востоком и Западом, что не является удивительным ввиду различных политических и социальных контекстов, которые влияли или же влияют на формирование воспоминаний людей на Востоке и на Западе. При этом можно проводить и дальнейшую дифференциацию, как это пытается сделать Штефан Требст, определив Западную, Центрально-Западную, Центрально-Восточную и Восточную Европу как 4 зоны со специфической культурой памяти. Кроме того, диктаторский опыт Южной Европы, длившийся вплоть до 1970-х гг., он выделяет отдельно⁴.

К основным линиям конфликтов относятся следующие.

1. Оценка сталинских репрессий и вопрос об их соотношении с национал-социалистическими массовыми уничтожениями. Разделительные линии проходят, прежде всего, между старыми и новыми членами ЕС. В западных странах в силу доминирования тезиса о сингулярности холокоста критическое осмысление сталинских репрессий, как правило, либо вытеснялось, либо использовалось с целью уменьшения масштабов национал-социалистской политики

уничтожения и даже ее оправдания. Однако в отличие от Западной Европы, для которой – включая с 1985 г. ФРГ – 1945 год считается годом освобождения, для стран Центрально-Восточной Европы он означает переход от одной диктатуры к другой⁵. Эти различия стали, например, очевидными в 2007 г., когда перенос советского памятника в Таллинне обострил отношения Эстонии и России до настоящего межгосударственного конфликта, а Европейский союз демонстративно оставался в стороне. Тем не менее между Россией и государствами ЕС в целом существуют значительные различия. В то время как в странах ЕС культура памяти основывается главным образом преимущественно на жертвах, в России и Беларуси в первую очередь подчеркиваются героические аспекты победы. Особенно четко конфликтный потенциал проявился на примере дискуссии по поводу 60-летия подписания пакта Риббентропа – Молотова. То, что эта годовщина привлекла заметно больше общественного внимания на Западе, чем Мюнхенское соглашение от 1938 г. за год до этого, представляло собой с точки зрения России афронт, на что, к примеру, в своем открытом письме указал российский премьер-министр Путин в сентябре 2009 г. Эти сопоставления показывают, что до сих пор в историческом дискурсе присутствуют моменты взаимного обвинения, связанного с вопросами исторической ответственности⁶.

2. Восприятие 1989 г. как года свободы, который привел к окончательному преодолению системы блоковой конфронтации и распаду социалистического лагеря. Также и в этом случае можно проследить асимметрию в историческом опыте и воспоминаниях. Для России, Беларуси и других стран СНГ решающей цезурой стал год 1991-й. Распад Советского Союза был воспринят многими людьми в странах только образовавшегося СНГ как катастрофа, связанная с потерей статуса мировой державы и экономическим упадком. Это отодвинуло позитивный опыт расширения свобод далеко на задний план.

Ввиду существования таких конфликтующих культур памяти многие скептики исходят из того, что единая европейская культура памяти невозможна еще в долгой перспективе, а воспоминания и в дальнейшем в значительной мере будут связаны с национальным контекстом. Подтверждением тому являются дебаты о преамбуле к Конституционному договору Европейского союза. В конечной версии проекта Конституционного договора не содержится эксплицитного упоминания таких исторических переломных моментов, как мировые войны, холокост или же ГУЛАГ, а лишь исключительно абстрактное замечание об «отныне, после столь мучительного опыта, объединенной Европе». В Лиссабонском договоре, вступившем в силу в начале 2010 года, не содержится даже этого упоминания⁷.

Тем не менее скептики упустили не только тот факт, что национальные события также и в национальном контексте трактуются весьма различно и противоречиво. Прежде всего, они упустили то, что понятие общей культуры памяти вообще направлено не на единые воспоминания, а на культуру совместного

обращения с различными воспоминаниями. По определению историка Ганса-Гюнтера Хокертса, «культура памяти» представляет собой «широкое сводное понятие, обозначающее совокупность всех форм не чисто научного употребления исторических событий общественностью»⁸. Чтобы этот способ «употребления» не привел к острым конфликтам, культура памяти должна включать в себя способность учиться понимать различные перспективы рассмотрения исторических событий с точки зрения различных контекстов разных участников, чтобы не противопоставлять данные перспективы. Таким образом, вместо черно-белой картины получается картинка из многочисленных серых тонов, в которой проявляется, с одной стороны, объективное влияние политических систем, а с другой – станут очевидными сложности и возможности индивидуального выбора в исключительных исторических ситуациях. Соответствующие процессы более дифференцированного восприятия истории можно было наблюдать на национальном уровне большинства западноевропейских государств после 1990 г. Ведь в это время в них происходило критическое переосмысление истории, благодаря которому впервые были признаны случаи коллаборационистской деятельности и участия в национал-социалистской политике депортации и уничтожения евреев. Тем самым «разбился» тот «черно-белый тон», который создал «картину объединенной в восстании против внешних и внутренних врагов нации»⁹. Этот факт облегчает совместимость национальных и европейской культур памяти, т.е. развитие «по-европейски открытых национальных культур»¹⁰.

Под культурой памяти в этом случае подразумевается в первую очередь не осуждение тогдашних исторических акторов, а прежде всего извлечение уроков из истории для того, чтобы избежать преступлений против человечности в настоящем и будущем. В этом отношении понятие культуры памяти тесно связано с понятием политической культуры. Общая культура памяти может существовать только в том случае, если участники разделяют общие демократические ценности, которые допускают плюрализм воспоминаний и дают возможность соотносить эти воспоминания с соответствующими контекстами. Следовательно, такая культура памяти тесно связана с существованием функционирующих демократических структур управления. Согласно Конраду Ярушу, общая культура памяти может формироваться только из множества децентрализованных инициатив, понимая прошлое не как прогресс, а как обязательство в рамках цивилизации научиться сохранять мир и права человека¹¹. Учитывая то, что в Европе существуют различные авторитарные и гибридные политические системы, решающим вопросом в этом случае является вопрос, предполагает ли общая европейская культура памяти существование общей политической культуры как данности или же развитие единой культуры памяти в определенной мере способствует одновременно и становлению общей политической культуры. Второе, по-моему, скорее диалектическое понимание взаимосвязи политической культуры и культуры памяти является более подходящим.

Ввиду конфликтного потенциала, который связан со Второй мировой войной и холокостом, встает вопрос, какие исторические события кроме этих могут способствовать становлению европейской культуры памяти. Для того чтобы проверить, насколько подходит для этого тема чернобыльской катастрофы, мы должны задаться вопросом, как эта катастрофа присутствует на сегодняшний день в воспоминаниях в различных странах и какие разнообразные условия, предпосылки для воспоминаний существуют в разных странах и между ними. Это позволит нам определить наличие конфликтного потенциала, который может усложнить или же сделать невозможным включение чернобыльской катастрофы в европейскую культуру памяти.

Восприятие чернобыльской катастрофы на Востоке и на Западе

Когда произошел взрыв реактора на Чернобыльской АЭС, система международных отношений еще была разделена на Западный и Восточный блоки. В СССР политика гласности и перестройки только что была провозглашена генеральным секретарем КПСС Михаилом Горбачевым, и катастрофа четко очертила ее границы. Только после того, как в скандинавских странах был выявлен повышенный радиационный фон, советское руководство признало факт «аварии» на Чернобыльской АЭС. То, что на самом деле произошел взрыв реактора и, таким образом, максимальная проектная авария, люди в Западной Европе узнали в течение последующих недель. В Советском Союзе же прошло около трех лет, прежде чем люди узнали о настоящем масштабе катастрофы и в газетах были опубликованы карты зараженных территорий¹².

В соответствии с этим реакции в разных странах были различные. В ФРГ, где существовала сильное антиядерное движение, катастрофа воспринялась как подтверждение существовавших долгие годы опасений. Консервированные продукты питания в магазинах были раскуплены, посевы уничтожены, песочницы перекопаны, детям запретили гулять на улице, для того чтобы уменьшить дозу облучения. Как раз в 1986 г. социолог Ульрих Бек опубликовал свою книгу об обществе риска. Чернобыль для него обозначил «конец всех наших высокоточных возможностей дистанцироваться»: «С одной стороны были заборы, лагеря, военные блоки, с другой – свои собственные четыре стены – реальные и символические границы, за которыми те, которых это, как казалось, не затрагивает, могли остаться в стороне. Все это существует и дальше, но после Чернобыля перестает существовать»¹³. Несмотря на то что общественная реакция на чернобыльскую катастрофу в Германии, пожалуй, была самой сильной и, на первый взгляд, радиоактивные осадки как будто остановились на границе с Францией, Чернобыль вызвал и в других западноевропейских странах общественное беспокойство и стал поводом для проведения государственных мер безопасности.

Так, в Швеции подлежали уничтожению сотни тонн мяса северного оленя, в Англии, Уэльсе и Шотландии еще в течение 15 лет после Чернобыля на нескольких сотнях ферм сохранялся запрет на забой овец¹⁴. Но в общем повседневной жизни в Западной Европе Чернобыль причинил все же незначительный и кратковременный ущерб.

В Советском Союзе, напротив, у людей не сложилось представление о рисках использования «мирного атома». Около 100 тысяч человек, которые были эвакуированы в первые дни и недели после катастрофы, не имели понятия о том, что они должны покинуть свои дома навсегда, и о том, что еще несколько сотен тысяч людей в последующие годы ждет такая же судьба. Они думали, что эвакуация продлится лишь несколько дней, и по распоряжению оставляли все свое имущество, включая домашних животных. Эти в большинстве своем в короткий срок организованные военными эвакуации у многих людей вызвали ассоциации с бегством после нападения Германии на Советский Союз летом 1941 г. Также и в последующее время доминировали сравнения с войной – и в «героической» борьбе «ликвидаторов», как назывались команды спасения для предупреждения долгосрочных последствий катастрофы, и при определении масштабов катастрофы: как и во время Второй мировой войны, от катастрофы пострадал каждый четвертый житель Беларуси. Даже покинутые деревни, в которых догорали деревянные дома, напоминали Вторую мировую войну. Потому что и после них оставались только каменные дымовые трубы, как это нашло свое выражение в знаменитом мемориальном комплексе Хатынь, построенном в память об уничтоженных во время Второй мировой войны деревнях¹⁵.

В то время как в Западной Европе чернобыльская катастрофа была воспринята как катастрофа нового вида, которая относится к будущим глобальным рискам современного технологического общества, в тогдашнем Советском Союзе она была осмыслена преимущественно в категориях прошлого и воспринята как локальная авария с легко преодолеваемыми последствиями. Отчетливо это показала Светлана Алексиевич в своей книге «Чернобыльская молитва. Хроника будущего», в которой опрошенные ею свидетели все же улавливали в этой катастрофе нечто особенное, однако не могли подобрать соответствующих слов и описывали реальность кое-как через сравнения с войной¹⁶. Когда в 1988 и 1989 гг. в рамках так называемой «народной дипломатии» проходили первые открытые встречи между немцами и белорусами, белорусы часто не могли понять, почему в Германии было организовано намного больше существенных мер предосторожности, чем в их собственной стране, которая потерпела в несколько раз больше от высокого радиоактивного загрязнения. К тому же у людей в Германии и западноевропейских странах было гораздо больше возможностей действовать самостоятельно; там – в отличие от Советского Союза – к примеру, можно было свободно приобрести дозиметры, а также существовали независимые институты, такие как экологический институт в Дармштадте.

Несмотря на выраженные различия в восприятии чернобыльской катастрофы между Западом и Востоком, люди во время своих встреч тем не менее признавали, что катастрофа вызвала у них одинаковые страхи и тревоги относительно здоровья детей и т.д, призывая прежде всего женщин и матерей к активным действиям. По этой причине в различных странах создавались инициативные группы, которые хотели посредством практической помощи внести свой вклад в уменьшение последствий катастрофы в Беларуси и Украине. Особенно это движение было выражено в Германии, где помощь часто мотивировалась стремлением к практическому искуплению вины немцев за преступления, совершенные во время Второй мировой войны. Этому способствовали распространенные в Беларуси сравнения катастрофы с войной¹⁷.

Инициативы приглашали детей на оздоровление, организовывали передачу помощи и оказание медицинских услуг, поддерживали переселения, создавали возможности реабилитации в потерпевших странах и многое другое. В 1995 г. размер доставленной в Беларусь гуманитарной помощи достигал по приблизительным подсчетам 700 млн долларов, в 2005 г. размер помощи составлял около 75 млн долларов. Она поступала из 101 страны. Также и после этого ежегодно около 50 тысяч детей приглашались на оздоровление за границу: около 10 тысяч из них в Германию, в Италию же – более 20 тысяч детей¹⁸.

Это широкое движение помощи не обошлось без конфликтов, которые классически связаны со схемой «донор – получатель». Даже вопрос о том, является ли отдых за рубежом действительно оздоровлением с полезным эффектом для здоровья или же в большей степени сопряжен с обременительным культурным шоком, вызвал между инициативами споры. Некоторые инициативы в связи с этим сознательно выбирали путь, сконцентрированный на создании возможностей оздоровления, а также на других структурных проектах в потерпевших странах. Многим инициативам удалось с середины 1990-х гг. стать настоящим партнерскими и претворить в жизнь проекты с равным участием как немецкой, так и белорусской стороны. Однако еще предстоит исследовать, является ли вопрос оценки последствий катастрофы на сегодняшний день по-прежнему центральным в диалоге различных инициатив или же Чернобыль превратился скорее в формальную исходную точку совместных проектов.

Кроме категорий прошлого и настоящего для восприятия чернобыльской катастрофы особое значение имеет ответ на вопрос: это катастрофа *советской системы* или же *глобальная* катастрофа, которая независимо от политической структуры могла произойти на любой атомной станции. Так как советский менеджмент чернобыльской катастрофы с его трехлетней политикой молчания глубоко подорвал доверие советских граждан к существующей политической системе, новые альтернативные политические силы, образовывавшиеся в Советском Союзе, использовали катастрофу для дискредитации господствующей советской системы. В Беларуси и Украине национальные силы даже иницииро-

вали нечто наподобие Нюрнбергского процесса, организовав в Минске и Киеве в апреле 1991 г. «народные трибуналы»¹⁹. При этом сами они оставались в рамках господствующего публичного дискурса, который объяснял чернобыльскую катастрофу в категориях Второй мировой войны, или же пытались использовать его в своих целях.

В Западной Европе, напротив, большей части общественности было понятно, что система менеджмента катастроф в их собственных странах также в случае максимальной проектной аварии была бы безнадежно перегружена и также пришлось бы рассчитывать на схожую политику умалчивания во избежание паники. По этой причине катастрофа в общественных дебатах многих стран служила аргументом для отказа от использования в общественных целях атомной энергии, как это было решено на референдуме в ноябре 1987 г. в Италии. В Германии черно-желтая коалиция создала в ответ на чернобыльскую катастрофу федеральное министерство охраны окружающей среды, охраны природы и безопасности реакторов. Несмотря на то что в то время был достигнут общественный консенсус, который рассматривал атомную энергию как переходную, официальное решение об отказе от атомной энергии было принято лишь избранным в 1998 г. красно-зеленым правительством. В других странах (например, во Франции) использование атомной энергии в общественных целях не ставилось под вопрос, тогда как в третьих (в Швеции или Швейцарии) Чернобыль стал лишь еще одним аргументом и без того острой дискуссии по поводу использования атомной энергии. В общественных дебатах всех стран противники атома, как правило, на первый план выдвигали основополагающие проблемы использования атомной энергии в общественных целях по всему миру. Представители атомного лобби, напротив, подчеркнули, что чернобыльская катастрофа в первую очередь обусловлена советской системой управления и произошла исключительно из-за недостатков сконструированных и для военных целей реакторов чернобыльского типа. В этом аргументе они согласились с позицией политической оппозиции в Советском Союзе. В данном смысле конфликтные линии в восприятии катастрофы по своей сути глобальные и не привязаны к конкретным политическим системам. Фактически весь спектр политических конфликтных линий отражается в публичном дискурсе каждой страны²⁰.

После чернобыльской катастрофы и в Советском Союзе, и в других входящих в социалистический лагерь восточноевропейских странах, в которых эксплуатировались атомные станции, постепенно образовались антиядерные движения. За границами СССР эти процессы отчасти происходили даже быстрее, поскольку там, как правило, существовали более интенсивные прямые контакты с Западной Европой. Это относилось и к ГДР, где люди имели больший доступ к информации, чем в Советском Союзе, в связи с наличием западногерманского телевидения и других средств. Здесь члены независимых инициатив за мир и защиту окружающей среды уже в июне 1986 г. распространяли обращение

под заголовком «Чернобыль действует везде»²¹. На фоне этих растущих протестов правительства некоторых советских республик и восточноевропейских стран во второй половине 1980-х гг. оставили или изменили свои тщеславные планы по поводу развития использования атомной энергии²². Благодаря развитию антиядерного движения в Восточной Европе вышеописанный контраст восприятия в категориях будущего и прошлого был немного смягчен. Правда, движение за защиту окружающей среды в постсоветских странах снова утратило свое значение в 1990-х гг. в связи с экономическим кризисом. Однако в новом тысячелетии дебаты об изменениях климата дали по всей Европе новые аргументы в пользу дальнейшего развития использования атомной энергии, и, таким образом, практически во всех европейских странах общественные конфликты, связанные с эксплуатацией АЭС, вновь приобрели актуальность.

Как вспоминают?

Различия заключались не только в восприятии катастрофы. Заметная разница прослеживается в формах воспоминаний, которые сложились за последние 20 лет. В Украине находятся основные места памяти – приостановленная атомная станция и покинутый город-призрак Припять. Соответственно чернобыльская катастрофа здесь, прежде всего, вспоминается как техническая. Закрытая зона, как и приостановленная атомная станция с бетонным укрытием, названным «саркофагом», над разрушенным третьим блоком реактора, используется с коммерческой целью как туристический объект. Не в последнюю очередь благодаря инициативам объединенных в «Союз Чернобыля» и другие организации ликвидаторов в Киеве был открыт Чернобыльский музей. Здесь реконструированы ход катастрофы, спасательные мероприятия, а также судьбы покинутых деревень и людей²³. В России также существует Чернобыльский музей, инициаторами открытия которого выступили представители гражданской обороны, выполняющие большой объем деконтаминационных работ вокруг разрушенного реактора и в загрязненных территориях. Таким образом, и тут доминирует воспоминание о Чернобыле как о техногенной катастрофе.

В Беларуси, напротив, нет сравнимых с Украиной значительных центральных мест памяти. В столице есть только маленькая церковь, расположенная в парке Дружбы, а также памятники в отдельных зараженных местах, которые формально едва ли отличаются от памятников погибшим во время Второй мировой войны. Чернобыль вспоминается здесь главным образом как катастрофа повседневности, которая, прежде всего, уничтожила многовековую народную культуру Полесья. Во время экспедиций на покинутые хутора этнологи собрали предметы и выставили их в полуоткрытом музее при Академии наук. Также и музей икон в находящейся на краю зоны отчуждения Ветке стал особым местом памяти. Фольк-музыканты собрали народные песни этого региона и предста-

видели их впервые на фестивале «Кветка-палын» в Минске 3 мая 2009 г. На этот фестиваль также были приглашены некоторые музыканты из Украины, работающие над той же темой. Аутентичные же места, покинутые после катастрофы, сегодня почти исчезли. Их либо сравнивали с землей, либо снова заселили. Покинутые деревни превратились в прямом смысле слова в заповедники. Именно поэтому передать чувствами невидимую катастрофу сложно. О том, что проблема, по меньшей мере, не забыта, видно на примере поддержки проектов «Культура и воспитание, передача воспоминаний» в рамках программы CORE, закрытой в 2009 г. Кроме этого, к 25-летию чернобыльской катастрофы церковь памяти катастрофы в парке Дружбы должна превратиться в более значимое памятное место²⁴.

Дискурсы памяти в Беларуси и Украине объединяет отношение к чернобыльской катастрофе как к многогранной национальной истории страданий. В Беларуси это преимущественно опыт войны, хотя белорусский писатель Алесь Адамович уже в 1990 г. в своей статье «Куропаты, Хатынь, Чернобыль» включил в эту историческую цепочку опыт уничтожения в период сталинских репрессий²⁵. В Украине, напротив, особенно отчетливо подчеркивается ответственность Москвы за чернобыльскую катастрофу, что становится очередным обоснованием для национальной независимости страны. Здесь Чернобыль ставится в одну линию с Голодомором, т.е. намеренно организованной Сталиным огромной катастрофой в Украине, в течение которой в начале 1930-х гг. умерли несколько миллионов человек. Очевидно, что на фоне данной катастрофы Чернобыль поблекнет в общественном сознании²⁶.

В других европейских странах память о Чернобыле концентрируется в основном на годовщинах и поддерживается, прежде всего, инициативами в помощь Чернобылю и организациями, выступающими против АЭС, такими как Гринпис. Они используют годовщины чернобыльской катастрофы, с одной стороны, для проведения протестных акций против использования атомной энергии в их стране или же во всем мире. С другой стороны, они организуют на локальном, частично национальном и международном уровнях выставки, посвященные Чернобылю, на которых выставляются в первую очередь детские рисунки и фотографии. Однако, по моим сведениям, не хватает постоянных памятных мест. Этого, к примеру, можно было бы достичь, интегрируя Чернобыль в постоянные выставки истории техники и др. До сих пор только французский философ Поль Вирилио публично озвучил идею создания музея техногенных катастроф и предпринял попытку частично это осуществить во время Парижской выставки в 2002–2003 гг.²⁷ До этого самая претенциозная выставка с точки зрения европейской культуры памяти состоялись в честь 20-й годовщины чернобыльской катастрофы в Центре современной культуры в Барселоне. Наряду с ходом катастрофы и описанными как «Чернобыльская битва» спасательными работами на этой выставке, организованной в результате баскско-французского

сотрудничества, были представлены также судьбы ликвидаторов – забытых героических спасителей Европы, условия жизни людей в зараженных регионах, переселенцев и т.д. Целью была рефлексия, прежде всего, над пониманием человеческого существования в техническом обществе с его имманентными рисками. Также была представлена идея «экстремальной антропологии» для сохранения «украинской Атлантиды» в форме деревенской культуры в Полесье. Тем самым выставка использовала центральный элемент характерного для постсоветского пространства восприятия Чернобыля. Аспект европейского движения солидарности, напротив, остался незатронутым²⁸.

Начиная с 20-й годовщины Чернобыля можно проследить возрастание внимания к теме Чернобыля по университетским курсам. Так, Свободный университет Берлина проводил в 2006 г. междисциплинарный цикл лекций, посвященный последствиям Чернобыля. Европейский гуманитарный университет в сотрудничестве с Университетом Коэна и Киевским университетом им. Шевченко с 28 августа по 3 сентября 2006 г. провел Летнюю школу по Чернобылю на русском и французском языках, рассмотрев феномен с философской, социально-антропологической и политологической точек зрения²⁹. Частично тема Чернобыля также затрагивается независимо от годовщин на мероприятиях, посвященных общим вопросам памяти. Так, в Университете Мюнхена с октября 2006 г. по июль 2007 г. в рамках специальности «Восточная Европа» проходил курс для студентов по теме «Носители памяти». В рамках данного курса были проанализированы и представлены в виде брошюры наравне с Чернобылем восстание в Венгрии в 1956 г. и другие события³⁰. Институт немецких исследований при Рурском университете в Бохуме организовал в зимнем семестре 2008/2009 гг. лекции на тему «Европейские места памяти XX столетия», где Чернобылю была посвящена одна лекция наряду с Освенцимом, Данцигом, Сараево и др.³¹

Для всех европейских стран характерным является то, что Чернобыль стал метафорой для обозначения других страшных или чрезвычайных событий. Так, белорусская оппозиция во время спорного референдума по изменению Конституции в 1996 г. говорила о «правовом Чернобыле». Иногда также весь режим, созданный президентом Лукашенко, обозначался как «политический Чернобыль». Во Франции это обозначение применяется в связи с успехами на выборах ле Пена. Знаменитый французский режиссер Ариан Мнучкин и другие французские интеллектуалы использовали понятие «культурного Чернобыля» для описания негативного влияния «Евродиснея» на французскую культуру³². Понятие чернобыльского синдрома используется во Франции также в тех случаях, когда страна в отличие от стран-соседей якобы остается незатронутой мировыми кризисами, как это было, например, в 2008 г.³³ Можно также привести схожее многообразие метафорических высказываний, использующихся в других странах³⁴.

Чернобыль стал темой практически во всех средствах массовой информации. Так, уже на упоминавшейся выставке в Барселоне были представлены и

современные произведения искусства: показаны фильмы, исполнялась музыка, в том числе реквием по жертвам Чернобыля Романа Гурко. В апреле 2006 г. студенты Высшей школы искусств Берлин-Вайссензее в Берлине и Государственной академии дизайна и искусства Харькова выставляли свои совместные работы. Во время проектного семестра были созданы плакаты, анимации, рекламные ролики, проводились акции в городе. Показательной для проводимых в Германии дискуссий о Чернобыле стала выставка под названием «Визуальная энергия. После Чернобыля: ресурсы, энергия и мы», проходившая при финансовой поддержке Министерства охраны окружающей среды ФРГ и выдвинувшая на первый план вопрос об обращении с энергией³⁵.

Также Чернобыль находит свое отражение в романах, комиксах и компьютерных играх. Уже в 2001 г. Енки Билал опубликовала свою сатиру в формате комиксов «Саркофаг. Обмен письмами». В 2009 г. под влиянием эпидемии свиного гриппа появился роман Торстена Гюна «Чернобыльский вирус». Также в интернет-магазине Amazon имеется в продаже и пользуется большой популярностью разработанная в Киеве компьютерная игра ужасов – «Сталкер – тень Чернобыля». По сценарию игры происходит новый взрыв реактора, появляются мутанты и т.д. Всего на Amazon при поиске по ключевому слову «Чернобыль» можно найти 320 соответствий на немецком языке, на Amazon.com – 18072 на английском языке, при этом многие названия, конечно, упоминаются несколько раз. В любом случае после 1996 г., 10-й годовщины Чернобыля, можно констатировать значительный спад публикаций, а новинки, вышедшие после 2006 г., 20-й годовщины Чернобыля, практически можно сосчитать на пальцах одной руки.

Это всего лишь один показатель того, что на чернобыльскую катастрофу в последнее время накладываются, отодвигая ее на задний план, другие катастрофы и длинный процесс трансформаций в Беларуси и Украине. Процесс вытеснения происходит при этом на различных уровнях. Это относится также и к наиболее зараженной радиоактивными осадками Беларуси. В то время как президент Лукашенко в середине 1990-х активно преподносил себя как политик, реально занимающийся вопросами по преодолению последствий катастрофы, в последние годы эти последствия тематизируются в публичном пространстве в заметно меньшей степени. Также и для политической оппозиции Чернобыль уже давно является показной темой, так как на проводимых ежегодно чернобыльских маршах специфически чернобыльские темы в основу не ставятся, а выносятся другие актуальные политические вопросы, например отношения с Россией. Но прежде всего именно желание людей отнести невидимую, но вездесущую угрозу на второй план, как и нежелание жить постоянно в «мире за претов», является важной причиной постепенного забвения³⁶.

Почему Чернобыль должен стать незаменимой частью европейской культуры памяти?

Как и многие другие события, чернобыльская катастрофа не является темой вне конфликтов и в различных странах воспринимается по-разному. При этом опасность политической инструментализации этой темы дополнительно усугубляет ее включение в европейскую культуру памяти. Но, по-видимому, невозможно найти такой исторической феномен, относительно которого можно было бы на европейском уровне сконструировать бесконфликтное воспоминание. Использование Чернобыля как метафоры, а также переосмысление его в различных медиа-средствах показывает, что Чернобыль стал прочной частью памяти. И это несмотря на то, что конкретные события и последствия все чаще уходят на задний план, осложняя тем самым саморефлективное понимание Чернобыля обществом. За активное вовлечение чернобыльской катастрофы в развивающуюся европейскую культуру памяти, которая обязана проекту «космополитической Европы»³⁷, говорит, с одной стороны, то, что в этом случае речь идет о катастрофе с потенциалом глобальной угрозы, которая касается в равной степени как людей в Европе, так и во всем мире. С другой стороны, тот факт, что в многочисленных странах Европы, а также в некоторых неевропейских странах, как в пострадавшей от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки Японии, образовались солидарные инициативы, действующие на протяжении долгого времени.

Конечно, можно лишь условно говорить о европейском движении солидарности после Чернобыля, так как большинство инициатив существуют на национальном уровне и не связаны между собой на европейском. Один из наиболее важных немецко-белорусских чернобыльских проектов Детский реабилитационно-оздоровительный центр «Надежда» в 2009 г. реализовал более 20 международных проектов по оздоровлению в сотрудничестве с инициативами из шести европейских стран и Японии. К сожалению, эти инициативы едва ли до сих пор состоят в прямом контакте друг с другом. Тем не менее инициативы, образованные в ответ на Чернобыль, имеют возможность внести существенный вклад в становление европейского гражданского общества. Особые достижения этих инициатив состоят в том, что они развились из инициатив помощи в партнерские проекты и, несмотря на межкультурные различия, научились достигать взаимопонимания и преследовать совместные цели. Поэтому 25-я годовщина Чернобыля должна быть использована политиками, учеными и актерами гражданского общества для того, чтобы проанализировать и задокументировать как судьбу непосредственно затронутых Чернобылем людей, так и историю европейских инициатив солидарности, чтобы тем самым не только поспособствовать становлению объединяющей Восток и Запад европейской культуры памяти, но

и поддержать процесс становления неотъемлемого для политической культуры Европы сильного европейского гражданского общества.

Перевод Веры Новиковой

Примечания

- ¹ Cp.: Beck U. Der anthropologische Schock. Tschernobyl und die Konturen der Risikogesellschaft // Merkur, Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. 1986. 8. S. 653–663.
- ² Cp.: Ackermann U. Das gespaltene Gedenken. Hier Holocaust, da Gulag: Eine gesamteuropäische Erinnerungskultur ist nicht in Sicht // Internationale Politik. 2006. 5. Цит. по: <http://www.ulrike-ackermann.de/GespalteneErinnerungEuropa.pdf>.
- ³ Leggewie C. Schlachtfeld Europa. Transnationale Erinnerung und europäische Identität // Blätter für deutsche und Internationale Politik. 2009. 2. Цит. по: <http://www.eurozine.com/articles/2009-02-04-leggewie-de.html>.
- ⁴ Troebst S. Jalta versus Stalingrad, GULag versus Holocaust. Konfligierende Erinnerungskulturen im größeren Europa // Bernd Faulenbach / Franz-Josef Jelic (Hg.): „Transformationen“ der Erinnerungskulturen in Europa nach 1989 (Geschichte und Erwachsenenbildung, Bd. 21). Essen, 2006. 23–49, здесь с. 30.
- ⁵ Ackermann U. Hier Holocaust, da Gulag (Fn. 2); Leggewie, Schlachtfeld Europa (Fn. 3); Troebst (FN. 4): Jalta versus Stalingrad.
- ⁶ Schlögel K. Auf verlorenem Posten? Russland und seine Freunde 20 Jahre nach der Wende // Osteuropa, 2009, 11: 15–36, здесь с. 35. München war der Sündenfall. Nicht erst der Hitler-Stalin-Pakt ebnete den Weg zum Krieg. Aus dem Brief des russischen Ministerpräsidenten Wladimir Putin an die Polen // Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung, 6.9.2009.
- ⁷ Cp.: «Schmerzliche Erfahrungen der Vergangenheit» und der Prozess der Konstitutionalisierung Europas / Christian Joerges / Matthias Mahlmann / Ulrich K. Preuß (Hg.). Wiesbaden, 2008.
- ⁸ Цит. по: Corneließen C. Erinnern in Europa, Bundeszentrale für politische Bildung // Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord / Volker Knigge / Norbert Frei (Hg.) Bonn 2005. Цит. по: www.bpb.de/themen/8JVYJ2.html.
- ⁹ Opa in Europa. Erste Befunde einer vergleichenden Tradierungsforschung / Harald Welzer / Claudia Lenz // Der Krieg der Erinnerung. Holocaust, Kollaboration und Widerstand im europäischen Gedächtnis / Harald Welzer (Hg.). Frankfurt a.M., 2007. S. 7–40, здесь с. 26.
- ¹⁰ Kumm M. Geschichte als Argument? Republikanisches Geschichtsverständnis im Transnationalen Europa // Schmerzliche Erfahrungen der Vergangenheit“ und der Prozess der Konstitutionalisierung Europas / Christian Joerges / Matthias Mahlmann / Ulrich K. Preuß (Hg.). Wiesbaden, 2008. S. 43–47.
- ¹¹ Jarusch K.H. Konfligierende Erinnerungen. Nationale Prägungen. Verständigungsversuche und europäische Geschichtsbilder // Joerges / Mahlmann / Preuß: 15–25, здесь с. 25.
- ¹² Cp.: Sahn A. Transformation im Schatten von Tschernobyl. Münster 1999.
- ¹³ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M., 1986. S. 7.
- ¹⁴ Cp.: Schneider M. 15 Jahre nach Tschernobyl. Atomkraft und Treibhauseffekt? // Europäische Allianz im Europäischen Parlament / Hrsg. von Die Grünen/Freie, April 2001, http://www.greens-efa.org/cms/topics/dokbin/102/102927.15_jahre_nach_tschernobyl_atomkraft_und@en.pdf
- ¹⁵ Sahn A. Und der dritte Weltkrieg heißt Tschernobyl ...“ [A tre‘tja mirovaja vojna – Černobyl’] // Erinnerungen gegen den Krieg [Ne ubit‘ čeloveka] / F. Dorn/L. Jekel/V. Ignatowitsch, zweisprachige Ausgabe. Minsk, 1995. S. 202–227.

- ¹⁶ Alexijewitsch S. Tschernobyl. Chronik der Zukunft. Berlin, 1997.
- ¹⁷ Встает вопрос, насколько важным является сравнение истории в Испании, так как именно 26 апреля 1937 г. был совершен налет на Гумик. Удивительно, но про это почти не упоминается в немецких средствах информации.
- ¹⁸ Sahm A. Auf dem Weg in die transnationale Gesellschaft? Belarus und die internationale Tschernobyl-Hilfe // Osteuropa. 2006. 4. S. 105–116.
- ¹⁹ Sahm A. Transformation im Schatten von Tschernobyl. 217ff.
- ²⁰ См.: Schneider. 15 Jahre nach Tschernobyl (Fn. 14).
- ²¹ Kneipp D. «Tschernobyl wirkt überall ...». Die Reaktorkatastrophe und die Umwelt- und Friedensbewegung in der DDR // Zeitgeschichte-online, Thema: Die Reaktorkatastrophe von Tschernobyl / Hrsg. von Sabine Schön, April 2006. Цит. по: zeitgeschichte-online.de/zol/portals/_rainbow/documents/pdf/kneipp_umbwg.pdf
- ²² Chernobyl and Eastern Europe: One year after the accident, RFE/RL RAD Background Report, 67, 24.4.1987.
- ²³ Pavlik M. Das schlummernde Ungeheuer und seine toten Helden. Das Ukrainische Nationale Čornobyl'-Museum Kyïv, Kurzanalysen und Informationen des Osteuropa-Instituts. München, 2006. Nr. 25.
- ²⁴ Ср.: www.core-chernobyl.org/eng/projects/topicalprojects/culture/radikulture/
- ²⁵ Адамович А. Куропаты, Хатынь, Чернобыль // Литературная газета. № 33. 15.8.1990.
- ²⁶ Arndt M. Von der Todeszone zum Strahlen-Mekka? Die Erinnerung an die Katastrophe von Tschernobyl in Belarus, Russland und der Ukraine // Zeitgeschichte-online, Thema: Die Reaktorkatastrophe von Tschernobyl / Hrsg. von Sabine Schön, April 2006. Цит. по: zeitgeschichte-online.de/zol/portals/_rainbow/documents/pdf/arndt_tschernobyl.pdf
- ²⁷ Kunst der Katastrophe. Paul Virilio über den Unfall – eine verunglückte Ausstellung in Paris // Die Zeit, 51/2002.
- ²⁸ Ср. точное описание на: <http://www.cccb.org/en/exposicio-once-upon-a-time-chernobyl-12974>
- ²⁹ Программа и тезисы на www.unicaen.fr/colloques/tchernobyl/programme.php
- ³⁰ См.: www.osteuropastudien.uni-muenchen.de/aktivitaeten/projekturse/medien_erinnerung/index.html#top
- ³¹ См.: http://www.ruhr-uni-bochum.de/deutschlandforschung/Programm_Ring_VL_WS_0809.pdf
- ³² Ср.: Frankreich: Ein politisches Tschernobyl на: www.spiegel.de/spiegel/print/d-13527452.html; Golsan, R.J. From French Anti-Americanism and Americanization to the “American Enemy”? // The Americanization of Europe. Culture, Diplomacy, and Anti-Americanism after 1945 / Stephan A. (ed.). 2006. S. 42-68, здесь S. 59.
- ³³ France in denial or bucking the trend? BBC News, 14.11.2008, newsvote.bbc.co.uk
- ³⁴ Ср., к примеру, в отношении к Германии: Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik / Georg Stötzel/Martin Wengeler (Hg.). Berlin, 1995. 655ff.
- ³⁵ См.: berlin-charkiw.de/content/index.php
- ³⁶ Pena-Vega A. Leben in einer Welt der Verbote. Eine Vergangenheit, die nicht vergeht // Osteuropa. 2006. 4. S. 71–80.
- ³⁷ Ср.: Beck U. Edgar Grande: Das kosmopolitische Europa. Frankfurt a.M., 2004.

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ГРАЖДАНСТВО ПОСЛЕ ЧЕРНОБЫЛЯ

Введение: Событие

26 апреля 1986 г. в Украине взорвался четвертый энергоблок Чернобыльского атомного реактора, что привело к повреждению человеческого иммунитета, генетической структуры клеток, загрязнению почв и водоемов. Главная причина случившегося к настоящему времени уже известна: советские инженеры пытались протестировать, как долго генераторы блока могут работать без потока в случае прекращения подачи энергии (IAEA, 1986). В ходе тестирования рабочие значительно снизили напор и блокировали доступ потока [воды] к генераторам реактора, приведя этим в нерабочее состояние многие из его систем обеспечения безопасности. Последовала огромной силы волна и в 1 час 23 минуты ночи последовал взрыв блока – вначале один, затем другой. Находящиеся под огромным давлением градиенты разносили радиоактивные куски (пыль), по некоторым оценкам, на высоту восьми километров. Графитовая активная зона реактора горела на протяжении нескольких дней. С вертолетов сброшено более пяти тысяч тонн карбида бора, доломита, песка, глины и свинца в попытках затушить пламя, исходящее из центра (активной зоны) горящего реактора. Сейчас эти действия рассматриваются как рискованные и сомнительные. С подавлением огня температура атомного ядра увеличивалась. Это в свою очередь вело к тому, что радиоактивные частицы поднимались в воздух быстрее, образуя радиоактивные облака, которые разносились над Беларусью, Украиной, Россией, Европой и другими районами северного полушария¹.

Михаил Горбачев, генеральный секретарь, публично заявил о случившемся населению страны только спустя восемнадцать дней. За это время десятки тысяч людей оказались подвергнуты (сознательно или неосознанно) воздействию радиоактивного йода-131, быстро всасываемого в щитовидную железу. Результатом стал, помимо прочего, всплеск заболеваемости раком щитовидной железы у детей и взрослых уже после первых четырех лет после произошедшего². Такие последствия могли бы быть менее страшными, если бы правительство распространило среди населения в течение первой недели после аварии таблетки нерадиоактивного йода³. Отвергая оценки, сделанные английскими и американскими метеорологическими группами, советские управленцы преуменьшили значимость проблемы и охарактеризовали Чернобыль как контролируемый биомедицинский кризис. Усилия советских медиков сконцентрировались на группе из 237 жертв, выбранных на месте катастрофы доктором Ангелиной Гусковой. Они были доставлены на самолете в отделение экстренной помощи подверженным радиации Института биофизики в Москве. 134 из них был поставлен диагноз «острый радиационный синдром». По официальным данным, погиб 31 рабочий (IAEA 1991a,b; WHO 1996)⁴. За этими выдаваемыми за точные цифрами стоит целая сеть научных, моральных и политических недостоверностей.

В течение следующего десятилетия 600 тысяч или более солдат, пожарников и других рабочих, женщин и мужчин, продолжали подвергаться радиации⁵. Многие были направлены на место катастрофы для работ различного рода – начиная от расчистки территории при помощи бульдозера, ликвидации загрязненного верхнего слоя почвы и заканчивая работой в одноминутные интервалы на крыше примыкающего блока реактора, заключавшейся в перелопачивании радиоактивных остатков в отверстии взорвавшегося блока. Некоторые из этих так называемых волонтеров называли себя «биороботами» – понятие, которое предполагает, что правило одной минуты не всегда соблюдалось. Другим платили достаточно неплохо за строительство саркофагов – заградительных сооружений, заключивших в себя разрушенный четвертый блок реактора и содержащих внутри 216 тонн урана и плутония. В настоящее время 15 тыс. человек работают на переведенной в резервное состояние электростанции или обеспечивают техническую поддержку в «зоне отчуждения». Зона – это территория размером в 30 км в диаметре, окружающая место катастрофы. Доступ в зону ограничен: его имеют только рабочие, восстанавливающие электростанцию, инженеры, медицинские работники и исследователи.

В 1992 г., во время моей первой поездки в Украину, я встретила в Киеве, расположенном в 110 километрах к югу от места катастрофы, одного из рабочих электростанции, пребывающего в двухнедельном отпуске. Полный отчаяния, он сказал: «Теперь я “пострадавший”», используя слово «пострадавший» с отсылкой к официальной категоризации, принятой не так давно в новом независимом украинском государстве для людей, пострадавших от чернобыльской

катастрофы. «Я получаю компенсацию пять долларов в месяц. Что я могу купить на это?» Других же вариантов, кроме как продолжать работать в зоне, у него нет. Теперь ни одна фирма не примет его на работу. «Это из-за радиации», – сказал он. Рабочий поднял свою ногу и продел сигарету через кольцо, образованное складками кожи выше лодыжки – следствие прямого контакта с радиационным источником, «местный ожог». «Это случилось в зоне... Мы люди, которых никто не понимает, в больницах, в клиниках, “живущие мертвецы”. Наша память ушла. Ты забываешь все – мы ходим как трупы».

Директор of the Shelter Complex отметил в интервью в 2000 г., что, несмотря на публичные заверения изменить стандарты безопасности в зоне, «нормы радиоактивной безопасности здесь отсутствуют». Министерство здравоохранения страны устанавливает ежегодно допустимые нормы радиации, но эти нормы не соблюдаются. В ситуации экономической нестабильности работа в зоне считается вознаграждением. На вопрос о рабочих электростанции был дан ответ: «Риск – это их личные проблемы. Никто больше за это ответственности не несет». Сравнивая установленные в стране нормы безопасности рабочих с нормами в Западной Европе, руководитель ответил довольно мрачно: «Никто никогда не пытался определить цену дозы радиации здесь. Никто никогда не пытался определить ценность человеческой жизни здесь»⁶. Когда экономическая ситуация вынуждает людей бороться за физическое выживание, отсутствие определения ценности человеческой жизни приводит к слишком далеко идущим последствиям. В таком мире физический риск, надругательство и неопределенность усугубляются. Труд «биороботов» становится все более приемлемым, желаемым и даже нормальным.

В попытках картографировать загрязнение окружающей среды, измерить степень подверженности радиации отдельных индивидов и всего населения в целом, а также вынести определенные решения по болезням, правительственные и научные интервенции переработали последствия Чернобыля в комплексное политическое, а также связанное со здоровьем событие со своими собственными бюрократическими и правовыми контурами. По словам моих информантов, включая людей, которые добиваются получения статуса инвалидов, а также местных психиатров и исследователей, первоначальные – и спорные – оценки учеными и медиками размера катастрофы и ее последствий на жизни людей, решение об отсрочке публичного заявления о случившемся, а также экономические побуждения работать в зоне уникальным образом сформировали Чернобыль как *техногенную катастрофу*. Это понятие предполагает, что не только чрезмерная радиация, но и политическое вмешательство стало причиной возникновения новых неопределенностей. Это вмешательство осложнило биологические и социальные проблемы, которые оно было призвано разрешить, даже стало причиной возникновения новых проблем. Когда государство отвечает на кризис оценкой происшедшего и подсчетом компенсаций, это порождает

дает, в свою очередь, дальнейшие неопределенности, касающиеся разрешения кризиса, увеличения жалоб на состояние здоровья, и социальное страдание подвергшихся радиации индивидов и групп⁷.

Последствия

Мое внимание сосредоточено на Украине, стране, которая, провозгласив свою независимость в 1991 году, наследовала и разрушенную атомную электростанцию вместе с неразрешенным чернобыльским кризисом. Большая часть зоны отчуждения находится в Украине. Приблизительно 8,9% украинской территории считается зараженной. За время проведения полевых исследований (1992–1997, 2000 гг.) страна стала свидетельницей стремительного возрастания числа людей, которые жаловались на полученное радиоактивное облучение и недостаточность некоторых форм социальной защиты. Социальная защита включает в себя денежные субсидии, семейные заработки, бесплатную медицинскую помощь и образование, пенсионные добавки для пострадавших и инвалидов. Этот новый слой, получивший официальный статус пострадавших, насчитывает 3,5 млн человек и составляет 5% украинского населения.

В целом Украина расходует 5% своего бюджета на траты, связанные с ликвидацией последствий чернобыльской катастрофы, включая очистительные и технические работы в разрушенном реакторе. В 1995 г. свыше 65% этих расходов были потрачены на социальные компенсации пострадавшим, а также на поддержание разнообразных правовых, медицинских, исследовательских аппаратов и аппаратов здравоохранения. Находящаяся по соседству Беларусь в отличие от Украины тратит значительно меньше (из расчета на душу населения) на социальную поддержку своих пострадавших граждан, ограничив число чернобыльских претендентов, хотя пораженной считается 23% территории этой страны. Белорусское правительство стремится пресекать, замалчивать или игнорировать результаты исследований; оно преуменьшает масштаб катастрофы, будучи не в состоянии обеспечить достаточную финансовую поддержку медицинского обслуживания примерно двух миллионов человек, которые живут на загрязненных территориях.

В отличие от Беларуси Украина использует наследие Чернобыля как средство легитимации себя на внутренней и международной арене и утверждения территориальных притязаний. Она развивает политику национальной автономии, используя чернобыльский кризис, характеризуя при этом советский ответ на катастрофу как халатный. Государство учредило целый ряд новых социальных и научных институтов, ориентированных на работу с людьми, пострадавшими от чернобыльской катастрофы, и начало выдавать пострадавшим и инвалидам относительно щедрые денежные компенсации, выделяемые из общегосударственных чернобыльских налогов. Более того, новое правительство определило

новые и достаточно претенциозные нормы безопасности для рабочих в так называемой зоне. Они включают в себя стабилизацию разрушенного заградительного сооружения в связи с нормами рабочей безопасности, уменьшение будущих загрязнений, закрытие последнего оставшегося рабочим блока на черновильской станции. Реализация этой новой программы также стала ключевым элементом в международной политике Украины. Западноевропейские страны и Соединенные Штаты обещают Украине дальнейшую техническую поддержку, ссуды и потенциальные торговые партнерские отношения. Подобные обмены легитимировали новую политико-экономическую арену, где прибыль, политическое влияние и коррупция начинают вырисовываться в уже мощном и ускользающем от понимания энергетическом секторе.

Рационально-технический ответ Украины наследию Чернобыля является уникальным: он смешивает гуманизм со стратегиями построения ответственности и государственности, рыночные стратегии с формами экономической и политической коррупции. Такие взаимосвязанные процессы создают новые виды формальных и неформальных социальных сетей и экономик, которые дают возможность некоторым сегментам населения выживать и получать льготы (извлекать пользу) из политически гарантированных субсидий. Я работала в клинических учреждениях и лабораториях, а также в существующих сейчас в немалом количестве для пострадавшего от черновильской катастрофы населения организациях социального обеспечения – как в государственных, так и в неправительственных агентствах в Киеве. Вместе они составляют подсистему государственной инфраструктуры здравоохранительных и социальных институтов, где все более беднеющее население – бывшие и нынешние работники Чернобыльской электростанции и население, переселенное с загрязненных зон, – мобилизуется, требуя возмещения причиненного им ущерба.

Я назвала этот сложный бюрократический процесс, посредством которого население пытается добиваться статуса пострадавших от вредного воздействия радиации и достойных компенсаций, «биологическим гражданством». В Украине, где развивающаяся демократия связана с непростыми условиями перехода к рыночной экономике, «поврежденная биология» населения становится основанием социального братства. Обратившись к тому, как исследования, проводимые государством, а также клиническими институтами и неправительственными организациями инвалидов отвечают на индивидуальные и коллективные жалобы, я продемонстрирую, как устанавливаются и дискутируются права и притязания на права. Я также затрону вопрос о том, как в этой динамике участвует предшествующее советское вмешательство в жизнь пострадавшего от Чернобыля населения. Биологическое гражданство можно описать и как массовое требование, и как избирательный доступ к форме социального обеспечения, основанного на медицинских, научных и правовых критериях, признающих и компенсирующих биологический ущерб. Подобные требования формулируются в контексте

фундаментальных потерь – потерь первичной защищенности, такой как право на работу, и государственного финансирования здравоохранительной системы. Борьба за дефицитные медицинские препараты и за критерии, которые формируют легитимные притязания гражданства, являются частью отсутствующей на карте постсоциалистической территории. Неформальный порядок исключения и включения сосуществует в настоящее время с официальными дискурсами о правах человека.

Известное и неизвестное

Размах чернобыльской аварии и ее отдаленные последствия для здоровья людей стали предметом интенсивных дискуссий и полемики. Международные научные организации отмечают, что загрязнение от чернобыльского реактора было успешно остановлено, но в то же время считают необходимым продолжение технического наблюдения и информационных обменов (IAEA, 1991a; Chernobyl's Legacy, 1996). Научный комитет Организации Объединенных Наций по действию атомной радиации, основываясь на данных МАГАТЭ, признал внезапный рост заболеваемости раком щитовидной железы среди детей, живущих на подвергшихся радиоактивному излучению территориях. Международная биомедицинская и социально-исследовательская литература характеризует множество других нарушений как продукт «информационного стресса» (Сергеев, 1988; WHO, 1996), «соматизации страха» (Guskova, 1995; Rumiantseva, 1996) или отсутствия надлежащего «восприятия риска» (Bromet and Havenaar, 2007; Drottz-Sjoberg, 1995). Украинские ученые и врачи констатируют наличие растущего стресса среди подвергшегося воздействию радиации населения. В то же время они критикуют международные оценки здоровья за игнорирование ими того неблагоприятного «вклада», который вносит сама радиация, даже в не очень больших дозах, на подобные психологические изменения (Noshchenko et al, 2002; Pilinskaya, 1999).

Множество разногласий между группой ученых Организации Объединенных Наций и украинскими учеными касаются значимости *подтвержденных vs ожидаемых* последствий для здоровья. Основываясь на исследованиях, проведенных после Хиросимы и Нагасаки, ожидался «излишек» в 6600 смертей от рака, включая 470 случаев заболевания лейкемией. Другие, также основанные на опыте Японии, исследования происшедшего и смертности от рака демонстрировали, что риск заболевания раком варьируется в зависимости от типа ракового заболевания. Самая высокая степень риска наблюдалась в отношении лейкемии, рака груди, щитовидной железы, легких, а также раковых заболеваний желудочно-кишечного тракта. Между учеными ООН и их коллегами из Украины и Беларуси существуют значительные разногласия по количеству раковых заболеваний, вызванных чернобыльской катастрофой. Считается, что наиболее

широко распространяется лейкемия. Тогда как службы ООН не находят эпистемологических доказательств связи между облучением и риском раковых заболеваний, включая лейкемию, Присяжных и его коллеги (1999, 2007) отмечают, что если говорить о всех раковых заболеваниях, вместе взятых, то, согласно статистике, гораздо более высокие показатели по степени охвата были обнаружены у подвергшихся наибольшему излучению рабочих в Украине, участвовавших в очистительных работах⁸. Команда белорусских медиков пришла к заключению, что число заболеваний лейкемией среди рабочих, проводивших очистительные работы и подвергшихся наибольшему излучению, в четыре раза превышает средние показатели по Беларуси (Pearce, 2000, P. 12; Stone, 2001). Геннадий Лазюк, директор НИИ наследственных и врожденных заболеваний в Минске, вместе с коллегами из Японии и Европы обнаружили, что воздействие радиации объясняет увеличение на 12% врожденных дефектов на сильно загрязненных территориях в Беларуси (Lazjuk, Nikolaev, Khmel, 2000). Несмотря на доказанный рост заболеваемости раком щитовидной железы у детей, МАГАТЭ и Научный комитет Организации Объединенных Наций по действию атомной радиации сочли неубедительными свидетельства о вызванных радиацией врожденных пороках (Pierce, Shimizu, Preston, Vaeth, Mabuchi, 1996).

Исследователи от ООН и местные эксперты также расходятся во мнениях по вопросу о расстановке акцентов в исследованиях того, какая степень биологических изменений может быть обнаружена. Последствия воздействия радиации на человека варьируются в зависимости от того, являются они детерминированными или стохастическими. Детерминированные последствия имеют место тогда, когда уровень абсорбированной дозы радиации настолько велик, что способен убивать клетки, которые, не будучи в достаточной мере заменены, вызывают поддающиеся клиническому наблюдению патологии. Степень сложности воздействия зависит от радиационной дозы с резким линейным отношением доза – воздействие. Такой результат является противоположным стохастическому воздействию, которое, основываясь на повреждении генов, дает только вероятность развития вредоносных последствий. В противоположность детерминированному воздействию стохастические являются нелинейными по отношению к тем разновидностям вреда, которые они могут оказать, но скорее связываются с раковой индукцией и лейкемией. В отличие от детерминированного воздействия стохастическое скорее увеличивает вероятность, нежели степень сложности, патологии (Gofman, 1981). В результате недавнего сотрудничества постсоветских и западных ученых, не все из которых связаны с международными радиологическими комитетами и агентствами, были собраны новые данные, касающиеся стохастического воздействия. Используя гораздо более совершенные приборы, чем во время исследований Хиросимы и Нагасаки, исследователи продемонстрировали увеличение отклонений на зародышевой стадии развития человека при низких дозах облучения среди детей, рожденных в 1994 г.

в Могилеве (Беларусь) по сравнению с контрольной группой населения в Британии (Dubrova et al., 1996). Были также обнаружены значительные увеличения частоты хромосомных отклонений от нормы (абберрации) и другие генетические указатели радиационного воздействия на детей, живущих в загрязненных районах (Pilinskaya and Dibskiy, 2000). Несомненно, наука о воздействии Чернобыля на здоровье людей является наукой развивающейся. По мере того как новые технологии становятся все более доступными и увеличивается финансирование исследований, появляются новые поля знания. Но в настоящий момент то, что мы знаем о точных цифрах причиненного ущерба, далеко от завершенной исчерпывающей картины (Kardis et al, 2006; Kesminiene and Cardis, 2007).

Тем не менее выводы, которые можно сделать с определенной долей уверенности, заключаются в том, что процесс производства научного знания неотделим от форм власти, которые легитимируют эти процессы и даже предлагают определенные решения (Shapin and Schaffer, 1985, P. 15). Специфика оценки научного знания, а также уровни, на которых удерживаются значения, могут оказывать воздействие на планирование государственного вмешательства и медицинского наблюдения населения, рассматриваемого как группа риска, а также на уменьшение испытываемых населением страданий и заболеваний, которым оно подвергается. Более того, специфика вмешательства основывается отчасти на том, как представляются теми, кто принимает решения, отношения между дозами радиации и телесным вредом. Так называемая линейная гипотеза утверждает, что вред пропорционален дозе и что радиация является вредоносной при любой дозе. Вопрос заключается не в том, существуют ли приносящие вред воздействия, например, стимулирующие заболеваемость раком. Он заключается в том, существуют ли в нашем распоряжении технологии настолько совершенные, чтобы они могли продемонстрировать это воздействие, а также в том, есть ли у правительства желание инвестировать в развитие таких технологий или же использовать их. Поэтому вопросы, поднятые линейной гипотезой, имеют этическую, политическую, а также экономическую природу.

Те, кто принимают решения, имеют в своем распоряжении несколько опций. С одной стороны, эти опции могут быть описаны как «низкие технологии», производящие минимальное вмешательство. Ключевым моментом здесь является то, что ввиду невозможности определить незначительное увеличение количества смертей от раковых заболеваний, спрогнозированное линейной гипотезой, раковые или любые другие заболевания не должны быть определены как радиогенные. В случае с Чернобылем это оказало влияние на выделение групп людей, подвергшихся радиации и получивших впоследствии помощь. Советские руководители заявляли, что, за исключением группы рабочих, направленной для очистительных работ в зону, полученное остальным населением радиационное излучение было незначительным, чтобы рассматривать его как оказавшее вредное воздействие на их здоровье. На самом деле есть множество экспертов,

которые остаются приверженцами идеи о том, что основное воздействие Чернобыля на здоровье носит психическую и психосоциальную природу. В соответствии с такой аргументацией советское вмешательство сосредотачивалось на распространении информации (как, например, государственная кампания против «радиофобии») и на введении терапевтических режимов и режимов надзора, направленных на психосоматические недомогания, характеризующиеся как продукты индивидуальной психологической слабости и самовнушения. Психосоциальные медицинские категории использовались для исключения большинства медицинских жалоб.

Альтернативный способ действия мог бы строиться на немедленном разоблачении (обнарождении) того, что известно и что не известно обо всех возможных последствиях для здоровья, включая признание тех, которые являются комбинацией клинически наблюдаемых, стохастических и психологических воздействий. Такого рода подход имел место в регулировании последствий в Украине и вел, например, к улучшению систем регулирования и контроля здоровья населения. Снимая ограничения на международное сотрудничество и зарубежную помощь, государство сделало доступными для исследователей, которые занимались оценкой воздействия катастрофы на здоровье, разнообразные исследовательские технологии – от эпидемиологических до клинических и молекулярных биологических. Несколько местных ученых, в сотрудничестве с рядом молекулярных биологов и генетиков из Западной Европы, Соединенных Штатов и Японии, все еще продолжают классифицировать генетические последствия вызванных радиацией раковых заболеваний.

И советский, и постсоветский/украинский подходы влекут за собой социальные и политические компромиссы и риски. Если советских полисмейкеров можно обвинить в отодвижении на второй план медицинского аспекта или в отрицании воздействий катастрофы на здоровье, то украинских полисмейкеров можно обвинить в уделении чрезмерного внимания созданию такой системы здравоохранения, которая побуждает к злоупотреблениям. Тем не менее в мои намерения не входит распределение вины. Скорее, я хотела бы нарисовать ясную картину динамики взаимной игры научного и социального порядков и того, каким образом эти порядки начинают определять действительные условия для здоровья: те аспекты, которые защищают или подрывают его, а также моральные и этические дискурсы, окружающие связанные со здоровьем права и ответственности. Следуя Виене Даз (Veena Das, 1995, P. 138) в ее характеристике последствий химической катастрофы в Бхопале (Индия), крайне важным является понимание того, как «переживаются боль и страдание, которые активно создаются и распространяются» в самих научных/социальных порядках.

Численность, новизна, физическая изменчивость и длительность элементов, выброшенных (и распространившихся) в результате чернобыльского взрыва, практически означало нанесение огромного вреда человеку, при этом данная

проблема представлялась как не имеющая своего разрешения во времени. Отрицать это стало невозможно. Эта незавершенность ведет к необходимости дальнейшей рефлексии над тем, как сами научные исследовательские процессы способствуют распространению боли и страдания в поисках легких ответов и простых выводов. В распознавании «истинных» причин страданий субъектов, своих исследований, ученые сконструировали категории аутентичных и неаутентичных страданий, отодвинув тем самым на периферию тех, кому «посчастливилось» попасть во вторую категорию. Во избежание такой категоризации я предпочитаю не разделять людей, испытавших последствия чернобыльской катастрофы, на пострадавших от «тяжелых», вызванных биологическими причинами симптомов и на тех, чье состояние определяется как «легкое» психологическое – хотя причины для утверждения первичности и большей значимости одной этиологии над другой зачастую влекут за собой моральные и эпистемологические заявления.

Мое решение воздержаться от суждений имеет также и эмпирическое основание. Научное понимание вместе с политическими решениями, общественным давлением и доступностью технологических ресурсов может сдвинуть рамки того, что рассматривается в качестве свидетельства физического воздействия катастрофы. Ключевыми в этом анализе становятся различные социальные контексты, в которые помещается научное знание, а также используемые в поддержку этические ценности. Мир науки, статистики, бюрократии, страдания, власти и биологические процессы эволюционируют здесь сообща в специфических и изменчивых направлениях. Вопрос о том, чтобы отделить модели их развития как обозреваемые в локальных масштабах реальности, оказывающие воздействие на специфический опыт здоровья, от переговоров о категориях здоровья и заботы о здоровье, является ключевым творческим вызовом этой работы.

Антропология человеческой катастрофы

В период с 1992 по 1997 г. я проводила архивные и полевые исследования в Украине, России и Соединенных Штатах. В Украине я работала с переселенными из зараженной зоны семьями, с матерями подвергшихся радиации детей, а также с подвергшимися радиации рабочими. Я следовала за ними на публичные мероприятия в Киеве, присутствовала на встречах с представителями государственной администрации Парламентской комиссии по правам человека, где они вели переговоры по расширению связанных с Чернобылем мандатов на социальную защиту и защиту здоровья. При сборе данных я ориентировалась в основном на следующие ключевые вопросы: 1. Как украинское правительство администрирует индивидуальные и коллективные жалобы, касающиеся последствий радиоактивного воздействия? 2. Как используются научное знание и политики администрирования в категоризации групп риска и

формулировании законов о компенсациях? 3. Как научные знания и политики администрирования разворачиваются под групповым давлением требований компенсаций и социальной справедливости? Я проводила интервью с сотрудниками Министерства по чернобыльскому вопросу Украины (уже не существует), ответственными, кроме всего прочего, за привлечение организаций для оказания гуманитарной помощи; за координирование международных усилий по финансированию и поддержанию оградительного блока; финансирующих мониторинг окружающей среды и новые постройки, как, например, дома для индивидов и семей, переселенных с зараженных территорий; координирующих работу центральных и местных государственных органов, а также научных и медицинских институтов; вырабатывающих политику в отношении к подвергшимся радиации гражданам; распределяющих финансирование для оплаты лечения и заботы о здоровье подвергшихся радиации граждан; распределяющих льготы и компенсации. У меня был доступ к служебным запискам (приказам) и внутренним отчетам, очерчивающим динамику социальных ответов на катастрофу; правилам гигиены для живущих на загрязненных территориях; отчетам о моделях медиа-покрытия; рекомендациям и медицинским критериям, которые представители Министерства здравоохранения использовали при принятии решений о компенсациях; отчетам о возникающих психологических проблемах и методологических рекомендациях для быстрого определения психологического статуса. Исследуя то, каким образом связанные с Чернобылем социальные мандаты легитимировали процессы построения украинской государственности, я собрала данные о чернобыльском бюджете социальной помощи и связала их с национальными приоритетами в использовании этих средств для здоровья и социальной защиты в Украине. Я также собрала информацию о том, как и на каких научных основаниях были приняты и видоизменены законы, касающиеся компенсаций для пострадавших от чернобыльской аварии с момента приобретения Украиной независимости.

Кроме исследования обозначенных выше вопросов на уровне государства и гражданского общества, я разработала также краткую социальную историю научного знания и технического опыта, который советские, американские и украинские эксперты приобретали как в непосредственно последовавшем за катастрофой, так и в последующем администрировании Чернобыля. Стало очевидно, что, для того чтобы провести добросовестный анализ переживаемого опыта Чернобыля, нужно было проделать совершенно разноплановую работу. Это означало необходимость приобретения определенной научной грамотности – исследование циркуляции и ассимиляции научного знания на национальном, международном и локальном уровнях, а также рассмотрение возникающего между ними взаимного напряжения. Я провела интервью с ключевыми научными и политическими акторами в Киеве и Москве, сравнивая научные нормы биологического риска и безопасности в советском и постсо-

ветском администрировании последствий. Я также обратилась к заявлениям экспертов из МАГАТЭ и правительственных лабораторий Соединенных Штатов. В Национальной лаборатории им. Лоуренса в Беркли⁹ (исследования которой не связаны с чернобыльским вопросом) я узнала о некоторых базовых радиобиологических техниках для оценки биологического воздействия радиации на клеточный уровень и уровень ДНК. Но, как сказал мне один специалист по радиации, результаты экспериментов, проведенных над животными, не могут быть основой оценок, связанных с массовым поражением населения малыми дозами радиации. И если причинные связи между высокими дозами радиации и воздействием на человеческую биологию доказаны, то же нельзя сказать о продолжительной подверженности людей малым дозам радиации. Не удивительно, что прогнозы, сделанные международными экспертами по здоровью, часто оказываются противоречащими реальному опыту людей. Из-за нынешнего состояния знания подсчет стоимости и критериев оценки вреда остается незавершенным и открытым для противоречивых дискуссий.

В отсутствие согласованных стандартов научных оценок в Украине появилось новое социальное и политическое пространство. В результате длительной работы с общественными служащими чернобыльских аппаратов здравоохранения я узнала, что дискуссии о размерах ущерба, причиненного катастрофой, и специфика их моделирования продолжают оказывать воздействие на политику, социальную мобилизацию и не в последнюю очередь на саму природу течения заболеваний подвергшегося воздействию населения, с которым я работала. Я могла изнутри наблюдать также за тем, как различные научные подходы (психометрические vs биологические; лабораторные vs полевые), различные приоритеты в финансировании и различное видение степени безотлагательности, касающиеся неизвестных последствий катастрофы для здоровья, вовсе не случайно оказались в конфликте друг с другом. Они не просто ждали оценки своей допустимости или непригодности. Их конфронтация и непосредственное соседство породили новое окружение – или, более точно, политическую экономию заявлений вокруг радиационных заболеваний. Помимо новых научных, биомедицинских и правовых институтов, пропагандирующих «безопасную жизнь» в Украине, еще один социальный феномен, который развивался параллельно, привлек мое внимание. Произошел бум гражданских организаций, называемых фондами, которые администрировали международную благотворительную помощь и заявления о компенсациях работникам зоны. Поскольку более пятисот этих фондов были освобождены от налогов, они породили («разожгли») большую неформальную экономику, основанную на импорте различных товаров, включая фармацевтические препараты, автомобили, продукты питания и т.д.

В политической экономии связанных с Чернобылем заболеваний человек, имеющий статус «инвалида», получал значительно более высокие компенсации, чем просто «пострадавший». Те, кто находился вообще за пределами си-

стемы чернобыльских пострадавших, знали о том, что их шансы на получение приличной социальной компенсации от государства минимальны. При такой экономии научное знание становится важнейшим медиумом в повседневной жизни. Связь полученной дозы с вызванными ею симптомами, опытом и рабочими историями в зоне определяла местоположение, которое человек мог занять в иерархии пострадавших, и степень возможности обладания им капиталом, который мог бы гарантировать ему государственную защиту. Постсоциалистическая Украина произвела уникальное созвездие, в котором построение государственности, социальные движения, развитие рынка оказались тесно переплетены друг с другом, производя новые институты и социальные порядки, через которые трансформировались гражданство и этика.

Когда в 1996 г. я вернулась в Киев для проведения годового полевого исследования, основным местом моего исследования стал Научный центр радиационной медицины (НЦРМ). Центр был основан в июне 1986 г. как клиническое исследовательское отделение *Всесоюзного научного центра радиационной медицины* АМН СССР. Штат сотрудников с момента основания Центра и до 1991 г. увеличился с девяноста до более тысячи трехсот сотрудников. Эти цифры отражают рост его статуса как важнейшего социального института. Они также иллюстрируют, как в условиях экономического кризиса правительственные бюрократии не сокращались, а расширялись для обеспечения своих собственных форм социальной защиты. В Центре наблюдаются пациенты с серьезными радиационными заболеваниями и проводятся исследования клинического воздействия на людей ионизирующей радиации. Что особенно важно, в нем работает Центральная медико-социальная экспертная комиссия (*Экспертиза*) – группа исследователей, медиков и администраторов, которые отвечают за оценку состояния здоровья работающих в чернобыльской зоне, переселенных семей и жителей загрязненных территорий. Их работа заключается в установлении группы инвалидности (или степени потери работоспособности) пациентов, а также подтверждении или непризнании этиологии этой инвалидности как последствия чернобыльской катастрофы. Члены этой группы удостоверяют связь с Чернобылем, выдавая официальный документ, подтверждающий связь между конкретной болезнью и радиационным воздействием, и наделяют носителя этого документа правом на получение компенсации от государства в виде пенсии, бесплатного лечения и даже образовательных льгот для детей. Этот пакет льгот гораздо выше, чем средний размер обычной пенсии, и поэтому более желаем. Примерно до 2000 г. государство выплачивало в среднем около 12 долларов обычного, не связанного с Чернобылем социального страхования. Черта бедности находилась примерно на уровне 27 долларов в месяц. Для тех же, кто пострадал от чернобыльской катастрофы, размер выплат варьировался от 54 до 90 долларов в месяц в зависимости от полученной группы инвалидности. Пострадавший, т.е.

тот, у кого не было группы инвалидности, но кто имел статус пострадавшего от чернобыльской катастрофы, получал в среднем около 20 долларов в месяц.

Через контакты с политически активными группами инвалидов (бывших) рабочих чернобыльской зоны, посещавших клинику, я получила разрешение провести исследование в клиническом отделении центра (известного как Клиника). К 1996 г. Клиника стала эпицентром медицинских, научных и правовых споров. Физические обследования, научные ресурсы и специализированное медицинское лечение стали определяющими в назначении пожизненных компенсаций тем, кому посчастливилось попасть сюда. Мне было позволено наблюдать за взаимодействием между врачами, нянями и пациентами; посещать встречи, на которых принимались решения, связанные с удовлетворением заявлений о компенсациях, а также изучать текущие исследования, в частности, в отделении патологий нервной системы Клиники.

Мой выбор этого отделения как места проведения исследования был сделан намеренно. Члены Экспертизы пришли к заключению, что большинство жалоб поступали через неврологическое отделение и касались различного рода расстройств нервной системы. Тем не менее не было ясно, явились эти расстройства результатом социального стресса вследствие тяжелой экономической ситуации в стране, или следствием радиационного воздействия, или комбинацией первого и второго. Помимо бесед с исследователями, рабочими и администраторами, я взяла интервью у шестидесяти пациентов – мужчин и женщин (в возрасте от 35 до 55 лет) и получила доступ к их медицинским документам. Мною задокументировано течение их болезней, диагнозы, а также процесс приобретения ими статуса инвалидов («оформление группы»). Я также работала с тремя чернобыльскими фондами, рассматривая историю их членства и стратегические отношения с Клиникой и медико-социальной экспертной комиссией. Заключительная часть моей работы включила в себя наблюдение за повседневной активностью пяти пациентов-мужчин Клиники, их жен и детей. Мне было интересно, как вхождение этих мужчин в новую политическую экономию болезни меняло их идентичности кормильцев и отцов семей и как оно воздействовало на их психическое здоровье. Особенно интересно было наблюдать, как менялось понимание «личности», советское понятие индивидуальности, которое выражалось в индивидуальной приверженности работе и трудовому коллективу, и то, как замужние пары использовали вызванные радиацией заболевания как средство для выживания в новых экономических условиях.

Навигация через чернобыльское неизвестное

Далее я обращусь к тому, как международные ученые, а также советские и постсоветские общественные деятели определяли размер чернобыльской катастрофы в разные периоды времени и как выстраивались связанные с этим

компенсационные стратегии. Я хочу обратить особое внимание на то, как отсутствие конкретики и неоднозначность научного знания о заболеваниях, с которыми столкнулись люди, а также о природе атомной катастрофы материализуются одновременно и как бедствие, и как источник выгоды. Такие составляющие, как карты атмосферного распространения, международное научное сотрудничество, реакции локального научного сообщества, а также процессы вовлечения людей в бюрократические процедуры и процедуры тестирования, приводят к тому, что можно обозначить как «техническое и политическое протекание болезни». Примеры вовлечения людей в подобные процессы и их собственное влияние на них станут предметом дальнейшего размышления.

Большинство исследователей сегодня согласятся, что, учитывая имеющиеся на момент катастрофы технологии, специалисты были не в состоянии представить объективную оценку происшедшего (Medvedev, 1999). Том Салливан, до недавнего времени возглавлявший группу Atmospheric Release Advisory Capability (ARAC) в *Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса*, штат Калифорния, согласен с такой общей оценкой ситуации. Еще до чернобыльской катастрофы команда ARAC Салливана сгенерировала модели атмосферной дисперсии, размера и движения ядерных частиц на основании тестирования американских и китайских надземных ядерных оружий и происшествия на Острове трех миль. «Территория размером 200 на 200 километров была достаточной по размеру для моделирования априорных радиационных выбросов, – рассказал мне Салливан. – Мы произвели визуализацию недалеко от чернобыльской станции, используя двухсоткилометровую квадратную решетку, но решетка была настолько пропитанной [радиацией], что мы не могли даже толком использовать ее, потому что каждая ее часть имела такие невероятно высокие радиационные показатели... *Наши системы кодирования оказались совсем неподготовлены для события подобного масштаба*».

Советские ученые также не были подготовлены, но не признали этого на встрече с МАГАТЭ в августе 1986 г. Вместо этого они представили грубый анализ распространения радиации в зоне отчуждения и в Советском Союзе: оценки были сделаны на основании действительных и будущих радиационных доз, полученных населением в городах, деревнях и других населенных пунктах. В результате этого и ряда мероприятий ими было «*доказано, что радиацию можно удерживать в определенных границах*» (USSR State Committee on the Utilization of Atomic Energy (Государственный комитет по использованию атомной энергии СССР), 1986, с. 38).

Вопрос, который стоит особенно остро, – это вопрос о правоспособности государства дезинформировать или, скорее, создавать ситуацию игнорирования с целью установления определенного политического порядка. Например, историк Лорен Грэм (1998) писал о том, как «ложные» науки вроде Lysenkoism, отрицающие существование генов и пропагандирующие методы интенсивной

трудоустройстве для ускорения получения урожая, становились инструментальными в формировании трудовой психологии и социальной жизни в социальных проектах. Факт заключается в том, что немногочисленные карты Чернобыля оказались не в состоянии подтвердить ограниченные формы радиологического надзора и действий по переселению. Незнание стало ключевым в производстве авторитетного знания. Высокие дозы, поглощенные, по меньшей мере, двумястами тысячами чернобыльскими рабочими в 1986–1987 гг., не были в достаточной степени зафиксированы. Причина этого заключалась отчасти в нехватке доступных действующих дозиметров. По сведениям, полученным от одного из биохимиков, множество работающих на очистительных работах «получили дозы радиации, в 6–8 раз превышающие летальные (при дозе в 400 рен костный мозг теряет способность к регенерации¹⁰. И они живы. Они знают, что они не умерли. Но они не знают, как они выжили». Это заявление говорит о том, что и знание, и его игнорирование использовались как государственный метод удержания общественного порядка. Историк науки Роберт Проктор в своей книге о том, как политика участвует в становлении науки о раковых заболеваниях, свидетельствует, что игнорирование «является не просто естественным последствием смещающихся границ между известным и неизвестным». Это «политическое последствие» решений касается того, как, с помощью каких методов избежать несения ответственности за жизнь населения.

Чернобыль становится также местом не имевшей доселе в истории прецедентов международной научной кооперации и исследований человека. Президент СССР Михаил Горбачев лично пригласил команду американских онкологов, возглавляемую специалистом по лейкемии Робертом Гейлом, для проведения экспериментальной трансплантации костного мозга тем, у кого радиационное облучение превысило летальную дозу и для кого эти трансплантации казались возможными. Кроме того, четыреста рабочих, выбранных доктором Гусковой и другими, получили генетически сгенерированную молекулу rhGM-CSF, предназначенную для регенерации роста стволовых клеток. И несмотря на то что и трансплантация, и эксперимент оказались неудачными, работа медиков с этой группой (и объективные показатели, полученные при работе с ней) помогли воспроизвести картину биомедицинского кризиса, суть которого сформировалась передовым медицинским знанием. В попытках ослабить общественный страх доктор Гейл появился на телевидении в прямом эфире, прогуливаясь по зоне за руку с одним из своих детей.

Несмотря на это международное сотрудничество ученых, физическое администрирование загрязнений на месте происшествия оставалось сферой действия советского государственного контроля. Например, осуществляя один из пунктов своей программы, советское Министерство здравоохранения дало медицинским экспертам указание классифицировать заболевание у рабочих, получивших максимальные дозы, как «вегетативно-сосудистую дистонию», т.е.

своего рода паническое расстройство, а новое психосоциальное расстройство получило название «радиофобия» (страх биологического воздействия радиации). Эти категории были использованы для фильтрации большинства заявлений об инвалидности¹¹. Серьезный вызов такому советскому менеджменту был брошен со стороны некоторых трудовых секторов в последующие годы. К концу 1989 г. всего только сто тридцать человек получили статус инвалидности; к 1990 г. было рассмотрено еще 2753 случая, из которых в 50% были признаны неврологические расстройства. Степень политического влияния определенных рабочих секторов отражена в том порядке, согласно которому они получают группы инвалидности, вызванные чернобыльской катастрофой: шахтеры, затем рабочие Министерства внутренних дел (милиция), затем работники Министерства транспорта. Эти различные трудовые группы вскоре осознают, что в украинском менеджменте Чернобыля политические системы рычагов должны рассматриваться в паре с медико-научными ноу-хау.

Возможно, новые украинские отчеты по чернобыльскому неизвестному являлись частью новых стратегий «основанного на знании» правления и социальной мобилизации. В 1991 г., в своем первом ряду законов, новый парламент назвал советский менеджмент Чернобыля «актом геноцида». Новое национальное государство рассматривало катастрофу (помимо прочих вещей) как ключевое средство для институционализации своего авторитета внутри страны и на международной арене. Законодатели резко критиковали советские стандарты определения степени биологического риска для населения. Советы установили дозу размером в 35 рен (единица абсорбированной дозы), поглощаемую индивидом на протяжении всей жизни (70-летнего периода) как пороговую величину допустимой радиационной дозы. Эта допустимая пороговая доза сводила до минимума размер актов переселения. Украинские законы снизили эту дозу до 7 рен – это сравнимо с той дозой, которая считается допустимой для среднестатистического американца за всю его/ее жизнь. В действительности эти меры снижения порога допустимой дозы для обеспечения безопасной жизни увеличили количество людей, которые решили работать в зоне. Эти меры также расширили территории, которые рассматривались как загрязненные. Значительный новый сектор населения заявил бы о себе как о части находящейся под защитой государства постсоветской политики. Один биофизик, ответственный за проведение ретроспективного анализа полученных переселенными людьми доз, сказал: «Длинные очереди переселенных людей выстроились от дверей нашей лаборатории. Им было недостаточно, что их эвакуировали в “чистые” районы. Людей привлекли в категорию жертвы согласно закону. Будущее их непредсказуемо, и каждый хочет знать свою дозу».

Истории страдания

Иван Нименко научился выживать в новые времена. Он продвинулся по линии социального обеспечения с позиции пострадавшего до инвалида. Работая в государственной милиции в первые после взрыва недели, ему было приказано эвакуировать в течение первых 36 часов после взрыва резидентов Припяти, городка размером в пятьдесят тысяч жителей, в котором жили рабочие атомной электростанции со своими семьями. Я встретила его в Центре радиационной медицины. В этом в высшей степени бюрократическом учреждении подтверждается аутентичность заявлений рабочих об ущербе здоровью, связанному с их работой. Нименко, как любой другой потенциальный инвалид, добивался чернобыльского «узла» – документа, который, как отметил он, стал бы подтверждением того, что его заболевание не есть «общее», а является следствием чернобыльской аварии. «Это документ, который нужен мне для моего здоровья», – сказал он.

Нименко был принят в отделение неврологических патологий Центра с диагнозом, который звучал следующим образом: «церебральный артериосклероз с артериальной гипертонией, остеохондроз, гастрит и ипохондрический синдром». Такой сложный диагноз встречался не редко; он означал всего лишь навсего «психосоциальный» случай, и поэтому «обладатели» такого диагноза исключались из системы компенсаций. Нименко необходимо было избавиться от этого диагноза и заменить ее бесспорной этиологией, связанной с радиацией. Для этого нужна была оценка полученной им дозы радиации. Нименко знал, что, согласно международным стандартам ядерной индустрии, рабочий может подвергнуться не более 25 рен за всю свою жизнь. Он же получил такое количество всего только за десять лет. Нименко удалось благодаря родственным связям с директором лаборатории проникнуть в систему, получить больничную койку и медицинское обследование. Таким образом, для установления своего официального статуса (инвалида) в новом государстве Нименко воспользовался старой советской (преимущественно городской) системой неформальных обменных связей и отношений, известных как «блат».¹² И ему это удалось.

Как и многие другие, Нименко заявлял, что «исторически» он был исключен советской администрацией из последствий этой катастрофы. С отсылкой к слабому радиационному мониторингу рабочих чернобыльской зоны он сказал: «Они не писали ничего. Если и было написано что-то действительно стоящее о нас в регистрах, то 0.0. (*ноль-ноль*), какой бы ни был измеряемый блок». Нименко, характеризуя полученную им дозу радиации как *ноль-ноль*, отмечал в этой ситуации отсутствие правовых оснований, собственной значимости и ценности на протяжении своей работы в Чернобыле. Для Нименко это советское 0.0. символизировало фальшивые подсчеты. Вплоть до сегодняшнего дня исследователи, которые были вовлечены советским государством в исследование последствий

катастрофы, утверждают, что только 237 человек с известными дозами являются полноправными жертвами происшедшего и что только 30 человек из них погибли. Такого рода факты определяют границы последствий катастрофы и лишают права претендовать на компенсации многих, подобных Нименко, – тех, кто потенциально испытывает будущий ущерб. Нименко знал эти цифры наизусть.

В этом новом правовом и моральном контексте на карту была поставлена также новая гендерная динамика. В 1996 г. еще один представитель фонда рассказал мне, что первые слова, которые он сказал своей жене и сыну, когда вернулся домой с работы, были следующие: «Держитесь от меня подальше, я зараженный!» Кулику было 38 лет, когда я с ним встретила, но выглядел он на все 60. Он лежал в гостиной на кушетке, как некий предмет в окружении членов своего фонда. Его жена высмеивала «глупое чувство долга» своего мужа. Ее оставили, чтобы она могла заботиться об «испорченном» человеке: «Он был партийным секретарем, а теперь он скелет. Его глупое чувство долга теперь убивает каждого!» Таня объяснила, что Кулик испытал все симптомы острой радиационной болезни. «Он постоянно терял сознание, кашлял и рвал кровью... Он жив, и это все, что я знаю. Я не хочу знать, что внутри его тела». Каждая деревня, каждый жилой блок, каждый рабочий коллектив знает хоть одного биоробота или кого-то, кто умер.

Многие из тех, кто выполнял менее опасную работу, вроде Нименко, рассматривали таких биороботов как политических родственников. В отличие от Кулика Нименко остался физически и социально мобильным. Он обучился языку симптомов и науки, стал членом фонда нетрудоспособных людей и начал выступать посредником в выдвижении заявлений от других рабочих, выполнявших очистительные работы. Он был грамотен и осознавал ценность науки. Он знал, как читать цитогенетические тесты, указывающие на хромосомные отклонения в своих клетках. Он использовал неопределенности радиационной науки – а их немало – таким образом, чтобы обернуть их в свою пользу. Это были не обычные клинические дела, а политические действия. Пациенты/рабочие вроде Нименко, будучи носителями неучтенного прошлого, являются также и векторами новой социальной организации и индивидуальных практик. Нименко восстановил свою правовую и моральную ценность в новом государстве.

В этой ежедневной бюрократической конкретизации Чернобыля отношения между рабочими зоны, переселенными людьми и семьями, учеными, медиками, законодателями и гражданскими служащими интенсифицировались. Все вместе эти группы оказались помещенными в новый социальный и моральный контракт между государством и гражданским обществом, контракт, гарантирующий им право на знание об уровне риска, которому они подвержены, и использования правовых средств для получения медицинского обслуживания и обследования. Пострадавших и их администраторов поддерживали также другие граждане, которые, не будучи пострадавшими, платили из своих зар-

плат 12% налогов на компенсации и поддержку разрушенной зоны реактора. Гибридное качество этого постсоциалистического государства и социальный контракт стали очевидными. С одной стороны, украинское правительство отрицало западные неолиберальные предписания сокращать область социального обеспечения; с другой стороны, оно представляло себя как информированное в соответствии с принципами современного общества риска. Более того, такие чернобыльские законы способствовали не имевшей до сих пор прецедентов массовой гражданской организации; но они также стали местами коррупции, через которые расширялись неформальные практики обеспечения или продажи доступа к государственным привилегиям и защите.

Еще пример из повседневной жизни. Один известный украинский эксперт по вопросам, связанным с катастрофой, Симон Лавров был на хорошем счету у международной общественности за разработку компьютерных моделей радиоактивных осадков и подсчет дозы у населения в постсоветский период. Он рассказал мне: «Когда плачущие матери приходили ко мне в лабораторию и спрашивали, что с их ребенком, я устанавливал дозу и не говорил больше ничего. Я удваивал ее, если мог». Установление более высокой дозы повышало вероятность сохранения социальной защиты для потенциально больного ребенка. Но наибольшей ценностью в этой ситуации становятся специфическое знание, история и категория. Эмпирический факт не подавляется или отрицается (как это делалось согласно советской модели), но скорее становится ресурсом, который затем распределяется неформальными средствами.

Контрполитики

Отдельные случаи иллюстрируют, как такие экономические и государственные процессы, соединенные с уже описанной технологической динамикой, заложили фундамент «контрполитик» (Gordon, 1991, p. 5). Граждане стали зависимыми от доступных технологий и правовых процедур в приобретении государственного признания и допуска к некоторым формам доступа к социальному обеспечению. Зная, что шансы на получение работы и сохранение здоровья в новых рыночных условиях у них небольшие, эти граждане вычисляли составляющие своих жизней, которые могли быть связаны с государственной, научной и бюрократической историей плохого управления и риска. Чем сильнее оказывались связи, которые можно было бы установить, тем более реальным становился шанс закрепления экономического и социального права на льготы. Рассмотрение болезни как контрполитики предполагает, что пострадавшие знают о том, как политики оформляют их знание и незнание о их заболеваниях. Они также знают, что поставлены в такое положение, когда должны использовать эти политики для сдерживания дальнейшего ухудшения своего здоровья – в ситуации коллапсирующей государственной системы здравоохранения и потери ответствующей правовой защиты.

Вероятность становится ключевым ресурсом местных научных исследований связанных с радиацией заболеваний. Игра с вероятностью, можно сказать, была спроецирована на природу через сложную локальную науку. Молодые нейропсихиатры извлекали лучшее из неизбежности политической ситуации, в которой они находились (они не могли получать визы, чтобы покинуть страну), по мере того как они интегрировали международную медицинскую таксономию в советскую и разрабатывали классификацию ментальных и нервных расстройств в зависимости от полученных доз (в некоторой экспертной литературе такая работа рассматривается как слишком незначительная для того, чтобы иметь возможность сделать значимый вклад в развитие биологической науки). Например, нейропсихиатры были вовлечены в проект, направленный на исследование и оценку случаев замедления развития у детей, подвергшихся радиации в утробе матери в первый год после катастрофы. В одном из таких случаев, с хромым девятилетним мальчиком, ученые и родители объединили свои знания в реконструкции причин этого нарушения как имеющего радиационное происхождение. Мать мальчика – врач скорой помощи – была направлена на работу в зону, где проработала практически до окончания срока своей беременности. Даже несмотря на то, что полученная мальчиком доза радиации была невысокой, ему был присвоен статус пострадавшего – из-за того, что его мать подверглась воздействию радиации во время беременности, а также потому, что в результате проведения позитрон-эмиссионной томографии у ребенка обнаружилось церебральное повреждение, происхождение которого гипотетически всегда связывалось с радиацией. (Это могла быть родовая травма.) Собирая группу для изучения людей, исследователи также строили их судьбы. Это была именно та судьба, которую родители намеревались предложить своему ребенку, – биологическое гражданство.

Болезнь как работа

Связанные с радиацией заявления и практики в ситуации перехода к рыночной экономике становились своего рода работой. Администратор клиники рассматривал эти заявления о радиационных болезнях населения Украины как своего рода требования формы «рыночной компенсации». Он сказал: «Если бы люди могли поправить свои семейные бюджеты, болезней было бы гораздо меньше. Сейчас люди ориентированы только на одно. Они верят, что только через конституирование болезней, и особенно тяжелых, неизлечимых, они смогут подправить свои семейные бюджеты». Администраторы Центра радиационной медицины говорили о том, что им «не особенно стыдно» за разжигание неформальной экономики диагнозов и (прав на) льгот. Сложности можно обнаружить везде, и моральные конфликты, которые они вызывают, становились предметом публичных обсуждений. Администратор, доктор Игорь Демешко, ко-

торый рассматривал заявления на компенсацию, определял болезни как форму обменной валюты. «Есть много неработающих людей, – сказал он. – У людей не хватает денег на пропитание. Государство больше не обеспечивает бесплатные медицинские препараты. Аптеки становятся коммерческими». Он сравнивал свою работу с работой в банке. «Диагнозы, которые мы ставим, – это деньги».

Значимость этих диагнозов для повседневной жизни людей сложно исчерпывающе описать. Со стороны инвалидов идет давление – они требуют связанных с Чернобылем диагнозов. Требования государству увеличиваются с каждой минутой. Люди, работающие в зоне и выполняющие опасные работы, дают согласие, зная об этом риске. Они объясняют это так: «Я заболела и получаю эти деньги. Я умираю – моя семья получит эти большие деньги». В то время как болезнь после Чернобыля становится важнейшим социальным уравнивателем, предоставляющим некоторым доступ к биологическому гражданству, ворота в эти демократические пастбища открываются и закрываются случайным образом. Очевидная случайность закона (в форме отрицаний доступа, исключений, отсрочек), соединенная с экономической нестабильностью, является как раз тем, что обеспечивает мобильность системы и коллективное движение к болезни.

Доктор Демешко позволил мне делать заметки и задавать вопросы тем, кто приходил к нему в офис с подобными заявлениями на протяжении пяти дней. К 1996 г. законы, касающиеся получения чернобыльского удостоверения, стали более ограничивающими. Репертуары стратегий пациентов разнообразны. Многие женщины, например, основывали свои заявления на болезнях мужей, или детей, или внуков, которые находились в утробе на момент катастрофы. Многие мужчины ссылались на количество дней, которое они проработали в зоне, для того чтобы обозначить степень радиации, которой они подверглись, или количество дней, когда они вообще не работали, для обозначения степени заболевания. Многие заявители жили менее чем на 40 долларов в месяц. Их имена и имена членов их семей были зарегистрированы в государственном регистре пострадавших от Чернобыля. Некоторые хотели прекратить свою работу в зоне и получить статус недееспособных (как правило, эти рабочие имели непропорционально высокие зарплаты). Другие же, уже отработавшие в зоне, надеялись получить более высокую степень инвалидности для увеличения своей пенсии. А третьи пытались легализовать статус инвалидов у своих детей или внуков.

Также можно наблюдать за тем, как распределялись или отрицались роли и привилегии больных, и теми последствиями, которые порождали такое распределение или отрицание. В одних случаях распределение основывалось на способности клиента попасть в исследовательский центр. В других случаях Демешко рассматривал заявителей как находящихся «на границе жизни и смерти». Причинами отказов зачастую становилось отсутствие необходимых задокументированных свидетельств радиационного воздействия, а также тот факт, что

болезни заявителей развивались во временных рамках, выходящих за пределы установленных. Но, в сущности, очень мало формальных правил руководило распределением этих привилегий. Некоторые клиенты вынуждены были умолять о них; другие были осведомлены о неформальных клинических процедурах, необходимых для ускорения рассмотрения их заявлений.

В офис Демешко входит женщина, носившая ребенка в утробе во время катастрофы. У ее мужа третья группа инвалидности, у нее – вторая. Она заявляет, что ее дочь «не развивается должным образом». Ребенок «был резвым, теперь ее ноги болят». У дочери рак щитовидной железы. Чья-то голова показывается в дверях. Демешко говорит: «По вашему случаю решение еще не принято».

Входит деревенская женщина среднего возраста. Она была эвакуирована из своей деревни, которая находилась в зоне 2. Когда она сказала, что ее дочь во время катастрофы была беременна, то начала плакать. «Маленькая девочка, – говорит она. – Сейчас ей десять лет, ее рот сухой, слабый. Она больна, у нее заторможенное мышление, ее щитовидная железа распухшая, ее ноги болят, у нее малокровие». Женщина просит направить ее девочку в гастроэнтерологическое отделение клиники для обследования. Она очень старается вызвать симпатию Демешко, который в конечном счете и будет тем, кто примет решение, станет ли ее девочка защищенным государством инвалидом на основании выписанной ей бумаги с диагнозом. Демешко прерывает бабушку и говорит ей, что она пришла не туда. Ей нужно идти в чернобыльский детский госпиталь для определения статуса (болезни) ребенка.

Входит мужчина в возрасте примерно 55 лет. Он работал в зоне реактора с 1978 г. и регулярно посещал центр и местную клинику для работников чернобыльского реактора для обследования и лечения. Мужчина аккуратно хранит записи своих болезней. Он показывает документальное подтверждение полученной им дозы – высокие 73 рен. Когда я спросила его, почему он пришел к Демешко только сейчас, он ответил: «Я болен». Демешко тогда спросил: «А раньше?» Мужчина ответил, что он был болен, но «скрывал это». Когда я спросила его, почему он это скрывал, он ответил: «Так я мог продолжать работать в зоне. Я привык работать». «И сколько вы зарабатываете?», – спросил Демешко. «270 долларов в месяц». Затем он повернулся к сидящей женщине. «А сколько Вы зарабатываете?» – спросил он, и ее ответ был «27 долларов в месяц». Когда я попросила рабочего побольше рассказать о том, что привело его в клинику, он цинично ответил: «Головокружение».

Приходит устало выглядящий пожилой мужчина и швыряет свои документы в Демешко. Он не работает, живет на пенсию. Говорит, что эвакуировал людей из зоны, когда работал в городском таксопарке. Демешко, безо всяких причин или объяснений, не принимает документы и отправляет мужчину в другую больницу.

На приеме мужчина в возрасте примерно 55 лет. Он работал в зоне «один день, 18 мая 1986 года», полученной им дозы не знает. Мужчина работал водителем и утверждает, что заболел в 1995 г., 9 лет спустя после катастрофы – у него начался ревматизм, стенокардия, кардиосклероз и аритмия. «Мне дали чернобыльское удостоверение из-за сердечной аритмии», – говорит он мне. Он больше не работает и живет на пенсию по инвалидности, которая дает ему 27 долларов в месяц. Мужчина хочет получить более высокую группу инвалидности по Чернобылю. Когда он покидает офис, Демешко высказывает предположение, что мужчина «купил» свое удостоверение, потому что болезнь заявителя проявилась «уже после допустимого временного отрезка для аритмии... Срок его инвалидности закончится, и он не сможет продлить ее». Физическое состояние мужчины, независимо от того, было ли оно вызвано Чернобылем, якобы не позволяет ему работать. Его заявление на право получения статуса инвалида, основанное на отсылке к одному дню работы в Чернобыле, означает, что мужчина движим полнейшим отчаянием, или же что его ожидания компенсации просто нереалистичны, или то и другое вместе.

Входит хорошо одетый мужчина и без объяснений докладывает, что прежде он являлся пациентом кардиологического отделения. Он работал в зоне шесть дней в 1986 г., «строил саркофаг». В 1993 г. у него началась стенокардия. Демешко спрашивает его, где он работает. Он отвечает, что является директором Киевской энергетической компании. Он заявляет о потере работоспособности – «26 дней из пяти недель я не работал», и думает, что больше работать не может. Демешко ему говорит: «Идите к финансовому менеджеру центра».

После того как мужчина уходит, Демешко говорит, что стенокардия у него появилась уже после допустимого временного отрезка. Допустимый отрезок времени – пять лет. «Болезнь началась у него спустя семь лет после катастрофы. Он заболел слишком поздно. По закону мы не можем присвоить ему статус инвалида. Но поскольку он директор, возможно, мы сможем получить от него некоторую гуманитарную помощь».

Входит женщина, представляющая своего больного мужа. «Я представила для рассмотрения его документы год назад», – говорит она. «Решение по вопросу вашего мужа еще не принято», – отвечает Демешко. Она уходит, практически ничего больше не добавляя о своем случае. Демешко хорошо знает ее ситуацию и откладывает с принятием решения.

В офисе появляется деревенская женщина средних лет. Ее муж-инвалид умер три дня назад, и она пришла за дополнительной социальной помощью. Ее муж, водитель по профессии, работал в зоне двухнедельными сменами, транспортируя загрязненные строительные материалы из реактора в «ямы для захоронения», разбросанные по всей зоне отчуждения. Она живет на пенсию в 26 долларов. Он (ее муж) накопил пенсию в 75 долларов до своей смерти от рака. Тогда Демешко спрашивает ее: «Была ли чернобыльская пенсия включена в его регулярную пенсию?»

- Да, дополнительные 16 долларов за работу в Зоне.
- Получили ли вы компенсацию после его смерти?
- Только на похороны.
- И чего Вы ищете здесь?
- Мой муж сказал мне: «Когда я умру, получи чернобыльские привилегии».

В этом случае больной заранее калькулировал льготы, которые получит его семья после его смерти, вызванной последствиями чернобыльской аварии. Его жена «наследовала» его медицинские документы, с которыми она отстаивает большую социальную поддержку от государства. Она утверждает, что его инвалидность связана с его смертью.

В комнату входит мужчина. В июне 1986 г. он две недели работал в зоне, срубая загрязненные леса: «Пошел весь наш завод», – рассказывает он. Он не знает своей дозы, получает пенсию размером в 26 долларов как пострадавший. Статус инвалида ему нужен для того, чтобы он смог оплатить операцию щитовидной железы и лечение, связанное с заменой гормона щитовидной железы. Он выглядит потеряннным, депрессивным и смирившимся с причудами бюрократии. Демешко принимает его документы на рассмотрение.

Входит женщина и говорит безо всякого предисловия: «Мой муж был инвалидом (первая группа), профессионалом. Он умер от рака.... Полученная им доза составила 25 рен. Он получил пенсионную выплату размером в 325 долларов». Она хочет свидетельство о смерти. Когда она уходит, Демешко говорит: «Эта женщина не получит больше денег. Министерство социального обеспечения уже выделило деньги на его похороны».

Входит мужчина. Он получает пенсию размером в 32 доллара и хочет получить статус инвалида. Его жена, работница зоны, недавно умерла, и ему нужно «защитить себя». Он не знает полученной им дозы.

Входит женщина. На ней надето черное платье и черный шарф. Ее муж умер три дня назад. Она хочет получить компенсации, связанные с его смертью, вызванной последствиями Чернобыля. Ее муж работал инженером. Он получил чрезвычайно высокую дозу – 180 рен и умер от рака легких.

Входит женщина. Она была эвакуирована 27 апреля из Припяти, находящейся в зоне. Она была уволена с хлебозавода, где ее зарплата составляла 37 долларов в месяц. Она перечислила Демешко свои болезни. В 1987 году ей был поставлен диагноз вегетативно-сосудистая дистония и энцефалопатия – и одно и второе заболевание из разряда нервных расстройств. Ей нужно содержать троих детей. «Вы можете обеспечить свою семью?», – спрашивает ее Демешко.

- Нет.
- Что вы будете дальше делать?
- Заниматься торговлей, продавать все, что смогу. Государство ничего не платит.

Демешко направляет ее в участковую поликлинику. «Идите туда, и они выпишут направление в наше неврологическое отделение. Это приведет вас к чернобыльскому удостоверению».

Входит мужчина. Он показывает Демешко документы специального обследования, которые требовала от него медико-социальная экспертная комиссия. Мужчина работал на чернобыльской станции на протяжении восьми месяцев начиная с мая 1986 г. Хочет получить статус инвалида, утверждает, что у него экзема, и ссылается на авторитет доктора Ангелины Гусковой: его экзема «превратилась в острый радиационный дерматит – диагноз, поставленный в Москве». Демешко говорит ему, что компенсации для тех, у кого острый радиационный дерматит, не предусмотрены. Диагноз, необходимый для рассмотрения на группу инвалидности, – это рак кожи. После того как мужчина уходит, Демешко объясняет, что Гускова аннулировала все связанные с острыми радиационными болезнями диагнозы в 1988 г. «В общем, инвалидность больше не присваивается испытывающим острую радиационную болезнь. Тем не менее если у человека наблюдаются осложнения, вызванные острой радиационной болезнью, его случай может быть принят для рассмотрения. Рак кожи бы рассматривался».

Входит мужчина. Он выглядит болезненным и истощенным. Кладет на стол документ, который свидетельствует о полученной им дозе. Оценка была сделана на основании учета дорог, по которым он ездил, для того чтобы добраться в зону, и степени загрязненности на них. «Я работал на *могильниках* [шахты для захоронения облученных материалов]». Мужчина страдает от гипотонии, перенес два инфаркта. Демешко просит его показать документы о посещении госпиталя с 1990 г. Мужчина отвечает, что ему не удавалось регистрировать свои диагнозы из года в год. «Вы не получите удостоверение, – говорит ему Демешко. – Но люди сейчас заняты сбором картошки, поэтому, может быть, есть свободная койка для вас в неврологическом отделении. Там Вам может быть поставлен диагноз». Мужчина уходит. Демешко говорит мне: «Он на грани смерти, у нас много таких».

Депрессия, крайняя усталость, поражение наполняют этот отремонтированный офис. Многие женщины в черных платьях приходят с одним и тем же – их родственники или супруги умерли. Вместе с тем чернобыльская смерть не имеет отличительных биологических маркеров. То, что ее отличает, – это жизнь, предшествующая ей. Эта жизнь имеет специфический медицинский профиль и специфическую связь с государством. Это предмет опыта гражданства и социального включения особого рода. Ко времени его или ее смерти чернобыльский пострадавший становится предметом огромного количества написанного. Он или она оставляют за собой кипы медицинских отчетов, направлений в госпитали, подписей, печатей, оценки полученной дозы, диагнозы, корректировки диагнозов, еще диагнозы и другие бумаги, очерчивающие его/ее чернобыльскую идентичность.

Повседневное насилие

В разверзающейся как никогда пропасти между точными и неточными науками, вероятными и невероятными причинами, а также точными или неточными критериями вины произошла всеобщая социальная трансформация, возникли новые формы отчаяния и бюрократической зависимости. История Антона и Гали (обоим в 1997 г. было по 42 года) является свидетельством того, как подобные отчаяние и зависимость действовали в наиболее частных областях. Новые институты, процедуры и акторы в работе на уровне государства, исследовательских клиник, гражданских организаций прокладывали свои дорожки в дом этой пары. Идентичность Антона как рабочего, его ощущение маскулинности, его роль как отца и кормильца семьи были насильственно смещены и изменены в этом процессе. В 1986 г. государство направило Антона на работу в зону на шесть месяцев для транспортировки мешков с оксидом свинца, песком и гравием к месту реактора. Мешки были транспортированы с помощью вертолета. Он и представления не имел, как много радиации поглотил он за эти шесть месяцев. Начиная с 1991 г. Антон регулярно проходил через больничную систему и, как любой другой «будущий» инвалид, подвергался обследованиям. Его симптомы со временем усиливались: начались хронические головные боли, он потерял краткосрочную память, проявлял асоциальное поведение, у него начало развиваться нарушение речи, появились эпилептические припадки и импотенция, а также много других проблем. Несмотря на растущее количество симптомов и их интенсивность, его диагноз не «прогрессировал» по отношению к установленному в начале «психосоциального» случая.

Когда я встретила Антона и его жену Галию, они пытались выживать на маленькую пенсию, которую он получал как пострадавший. Антон считал себя банкротом, моральным и экономическим: «Государство забрало мою жизнь. Ограбило меня и ушло. Чему радоваться? Честный человек сейчас не может выживать. Для чего? У нас была жизнь. У нас было масло. У нас было молоко. Я не могу купить утюг. Раньше я мог бы купить пятьдесят утюгов. Были деньги. Зарплата моей жены меньше, чем стоимость одного утюга». Он рассказал мне, что не знал, как «торговать» или продавать на рынке мелкие товары. Антон стал относиться к себе как к человеку, который оказался неспособным со своей болезнью к осуществлению роли кормильца в рамках чернобыльской компенсационной системы или же перед лицом бедности. Со временем, и в конкретных усилиях избавиться от своей психосоциальной метки, пара познакомилась с лидером активистской группы рабочих-инвалидов в клинике. Через них они встретили невролога, который был знаком с директором местной медико-социальной комиссии. Пара надеялась, что этот человек поможет Антону (и это в конечном счете произошло) в удовлетворении заявки Антона по получение группы инвалидности, связанной с Чернобылем.

Экономические мотивы его действий были достаточно ясны. Тем не менее мне было трудно видеть этого человека, отказывавшегося от всего, что он знал и думал о себе, для подтверждения того, что его симптомы имеют органическое происхождение. Неврология стала центральными воротами к инвалидности; неврологические расстройства были наиболее неопределенными, но в то же время наиболее подходящими для удостоверения через использование диагностических технологий, симптомов самовнушения и телесных проявлений. На каждом шагу Антон ломался психологически. Его правовая и медицинская спекуляция (авантюра) – такое приобретение жизни через болезнь в новой рыночной экономике – отражает практики всего гражданского населения, у которого нет денег или отсутствует возможность их заработать. Такое поведение становится естественной, соответствующей здравому смыслу тактикой выживания. Здравый смысл, в его понимании Клиффордом Гирцем, – то, что «остается после того, как все другие более артикулированные символические системы исчерпали свои задачи» (1983, с. 92).

Тем не менее такой способ выживания ни в коем случае нельзя назвать нормальным; он является частью реальности структурного насилия (Farmer, 1999). Недостаток заботы о здоровье, ограниченная медицинская помощь, стойкое социальное неравенство, которое усиливается проводимой социальной и экономической политикой, внесли свой вклад в мировую эпидемию предотвратимых инфекционных болезней, таких как туберкулез, обладающий множественной лекарственной устойчивостью. В украинском контексте усилия по оценке и исправлению чернобыльских последствий способствовали социальной неопределенности и новым формированиям очагов власти. Страдание – его переживания и интерпретации – моделировалось и реализовывалось через серию вмешательств, которые были направлены на восстановление Чернобыля со временем. Граждане, хорошо осведомленные о том, что имеют меньше перспектив на работу и здоровье в условиях рыночной экономики, внесли в свою жизнь те элементы (меры, цифры, симптомы), которые были связаны с более общей историей ошибки, неправильного администрирования и риска. Чем сильнее были связи, которые можно было бы прорисовать, тем большей становилась вероятность экономического и социального включения – по крайней мере в краткие сроки. Пострадавшие были осведомлены о том, как «политика участвует в производстве знания или незнания» (Proctor, 1995, p. 7) о их собственных болезнях, и они готовы были использовать эти политики для сдерживания дальнейших атак, которые для них являются результатом коллапса государственной системы здравоохранения и потери должной правовой защиты их собственного здоровья и благополучия.

Возникли неформальные экономики знания, кодифицированных симптомов, дифференцированного доступа к медицинскому обслуживанию, континуум диагнозов, и «Чернобыльские удостоверения». Все это начало функци-

онировать как параллельные государственной официальной правовой системе социальной защиты институты. Новые ресурсы работали подобно системе кредитования, гарантируя людям, чьи временные горизонты были недолгими, социальную защиту в неопределенном будущем. Глубокое вторжение болезни в частные жизни порождало такой вид насилия, который выходил за поддающиеся контролю рамки. Не было места, которое могло бы обеспечить естественный иммунитет от этих неестественных и технических сил. Такое состояние незащищенности конституировало отправную точку для пересмотра людьми своих ролей; они становились теми, кто нуждался в защите в новых социополитических условиях, в которых им пришлось жить.

Заключение

Жизни людей, испытавших на себе воздействие Чернобыля, оказались сплелены с последовавшими вскоре коллапсом Советского Союза и коренной политико-экономической реструктуризацией. Коллективный опыт этих людей не позволяет объединить их всех под одной общей психологической маркировкой. Этого недостаточно. Не могут они также быть просто сведены к оценкам восприятия отдельных индивидов или связаны в рамках некоторых оптимальных модусов социальной адаптации. Тем не менее научные агентства продолжают пропагандировать идею того, что воздействие, которое Чернобыль оказал на здоровье, является в первую очередь психологическим по природе. В недавнем отчете сказано, что воздействие на здоровье населения «было не столько вещественным (реальным), сколько выстроено на страхе». В нем отмечается наличие «устойчивых мифов», «неверного восприятия» и «парализующего фатализма» у резидентов пострадавших от чернобыльской катастрофы территорий¹³. Такие психологические интерпретации с легкостью могут отодвинуть на второй план политические контексты, в которых подобный фатализм обретает свою форму. В 1997 г. доктор Илья Лихачев, ведущий украинский специалист по радиации, отметил: «Мы поняли, что трагедия не определяется количеством тех, кто умер». Он высказал мнение о том, что «правда» Чернобыля является гораздо более мрачной, чем то, что говорят цифры.

Как я продемонстрировала здесь, а также в моей книге «Жизнь облученная» («*Life Exposed*» (2002)), политики общественного здоровья, как в советский, так и в постсоветский период, превратили последствия Чернобыля в сложный политический и социальный опыт со своими собственными бюрократическими и правовыми очертаниями. Вследствие этих политик заявления и социальное страдание подвергшихся воздействию Чернобыля индивидов и групп продолжается. Некоторые могут попытаться связать это с парализующим фатализмом. Я называю это биологическим гражданством. Опосредованное научными исследовательскими центрами, бюрократическими структурами общественного

здоровья и активистскими организациями, биологическое гражданство становится массовым желанием, но пассивным доступом к формам социального обеспечения, которое основывается на научных и правовых критериях, признающих несправедливость и компенсирующих ее. Для привлечения этой формы гражданства пострадавшие манипулируют теми составляющими своих жизней, которые могли бы связать истории их болезней с историей ошибки, неправильного администрирования и риска и которые могли бы дать им шанс на краткосрочное экономическое или социальное право на компенсации. Такие динамики выживания производят свои собственные спиралевидные эффекты, которые разрушают семейные жизни, порождают ощущение несправедливости и незащищенности, а также определяют жизненные шансы индивидов и межличностные и политические переговоры.

Чернобыльские последствия ни в коем случае не являются феноменом, границы которого можно прочертить в прошлом, или тем, что может быть проинтерпретировано только как психологическая травма. На самом деле эксперты по общественному здоровью определили и квантифицировали последствия через специализированные научные поля; но их изолированные факты сокрыли за собой более общее измерение Чернобыля. Антропологам нужно изучать аспекты общественного здоровья с холистской точки зрения, т.е. анализировать, как люди инкорпорируют научные факты, даже в их необъективности и пристрастности, в свою ежедневную борьбу за жизнь – выраженное здесь сложным и зачастую болезненным взаимодействием технического видения последствий произошедшего и актуальными индивидуальными и социальными беспокойствами. Подобный подход лучше бы объяснил опыт пострадавшего населения с его же позиций – то, как оно это понимает и переживает. Также он открыл бы для рассмотрения вопрос о том, как те, кто принимает решения, своими действиями и решениями моделировали этот опыт. Здоровье в этом контексте не может быть просто вопросом «адаптации более здорового образа жизни» в загрязненных зонах¹⁴. Это продукт истории, так же как и дискуссионный способ бытия в мире.

Благодарности

Я благодарна Марсии Инхорн, Роберту Хану и Хайо Билу за их пронизательность и комментарии к этому тексту, который является переработанной частью моей книги «Жизнь облученная: биологические граждане после Чернобыля» (*Life Exposed: Biological Citizens after Chernobyl* (2002)).

Перевод Инны Хатковской

Примечания

- ¹ См.: Sich 1996. На эти и другие сложные факторы, «оценивающие последствия чернобыльской катастрофы во времени, нельзя с уверенностью положиться даже в оценке размера». (With these and all other compounding factors, “estimates of the long-term health consequences of the Chernobyl accident are uncertain even as to the order of magnitude”). (von Hippel, 1991, с. 235; см. также von Hippel, 2000).
- ² Тринадцать тысяч детей в пострадавших районах получили дозы радиации, превышающие более чем в два раза допустимую дозу для рабочих атомного реактора за целый год. См.: Shcherbak, 1996.
- ³ Таблетки йода увеличивают количество йода в кровотоке и щитовидная железа не может более его абсорбировать. Радиоактивный йодин, которому подвергается человек в этом случае, выводится из организма вместе с мочой.
- ⁴ Эти цифры недавно были пересмотрены: к ним добавилось 56 случаев фатального исхода, ставших последствием катастрофы.
- ⁵ Согласно подсчетам, эти цифры варьируются от шестисот до восьмисот тысяч. К работе в зоне были привлечены рабочие со всего Советского Союза. Но наибольшую часть составили представители украинского и российского населения.
- ⁶ Эти данные были получены на основании «рен-потребления», абсорбируемого рабочими; размер дозы по международным стандартам ограничен. Несмотря на существование этих стандартов, нормы поглощенной радиации были установлены на локальном уровне, диктуемые местными экономическими условиями. Такие нормы «недооценивали» жизни рабочих, вынуждая их подвергаться большему риску за меньшую плату.
- ⁷ Социальное страдание является «результатом того, что политическая, экономическая и институциональная власть делает с людьми и, соответственно, того, как сами эти формы власти влияют на ответы на социальные проблемы» (Kleimann, Das, and Lock, 1996, с. xi).
- ⁸ В 2005 г. в отчете ООН было сказано: «Кроме резкого (драматического) увеличения количества заболеваний раком щитовидной железы среди подвергшихся излучению в раннем возрасте, других убедительных данных, с очевидностью демонстрирующих увеличение заболеваний раком и лейкемией как последствие чернобыльской катастрофы среди подвергшегося наибольшему облучению населения, нет» (Chernobyl Forum, 2005, с. 7) Чернобыльский форум, 2005, с. 7).
- ⁹ Национальная лаборатория Министерства энергетики США в Беркли, штат Калифорния: Ernesto Orlando Lawrence Berkeley National Laboratory, LBNL. – Прим. пер.
- ¹⁰ Симптомы острого радиационного заболевания начинают проявляться при 200 рен. При дозе в 400 рен костный мозг теряет способность к регенерации. Летальная доза (LD 100) – эта доза, которая приводит к 100% отмиранию клеток или смерти человека. LD 50/30 – это доза, которая приводит к отмиранию 50% клеток или к смерти человека в течение тридцати дней.
- ¹¹ В своих интервью я слышала о случаях, когда у рабочих наблюдались симулируемые симптомы острого радиационного заболевания (например, рвота). Это говорит о степени испытываемого некоторыми из ними отчаяния в попытках получения разрешения покинуть зону.
- ¹² О «блате» см.: Лебедева, 1998 (Lebedeva, 1998).
- ¹³ См.: Chernobyl: the true scale of the accident. 20 Years Later a UN Report Provides Definitive Answers and Ways to Repair Lives. <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2005/pr38/en/index.html> – просмотрено 1 ноября 2007 г. Информация взята из данных отчета

«Chernobyl's Legacy: Health, Environmental and Socio-Economic Impacts», представленных Чернобыльским форумом ООН по последствиям катастрофы на здоровье человека (UN Chernobyl Forum's Health Effects of the Chernobyl Accident) и Специальными программами по охране здоровья (Special Health Care Programmes). Geneva: WNO 2006.

¹⁴ Там же.

Библиография

- Bromet, Evelyn J, Havenaar, Johan M (2007) Psychological and perceived health effects of the Chernobyl disaster: A 20-year review. *Health Physics* 93(5):516–521
- Cardis Elisabeth, Geoffrey Howe, Elaine Ron, Vladimir Bebesheko, Tetyana Bogdanova, Andre Bouville, et al (2006) Cancer consequences of the Chernobyl accident : 20 years on. *Journal of Radiological Protection* 26:127–140
- Chernobyl Forum (2005) Chernobyl's legacy health, environmental and socio-economic impacts. www.iaea.org/Publications/Booklets/Chernobyl/chernobyl.pdf
- Chernobyl's legacy to science (1996) *Nature* 380:653
- Das V. (1995) *Critical Events: An Anthropological Perspective on Contemporary India*. New York: Oxford University Press.
- Drottz-Sjoberg BM (1995) “Risk Perception Research and Disaster.” In: *Mental Health Consequences of the Chernobyl Disaster: Current State and Future Prospects*. K.Loganovsky, K.Yuriev, eds. Kiev: Physicians of Chernobyl
- Dubrova YE, Nesterov VN, Krouchinsky NG, Ostapenko VA, Neumann R, Neil DL, et al. (1996) Human minisatellite rate after the Chernobyl accident. *Nature* 380:683–686
- Farmer P (1999) *Infections and Inequalities: The Modern Plaques*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Geertz C (1983) *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York: Basic Books.
- Gofman J (1981) *Radiation and Human Health*. San Francisco: Sierra Club Books.
- Gordon C (1991) “Government Rationality: An introduction.” In: *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. G Burchell, C Gordon, and P.Miller, eds. Chicago, IL: University of Chicago Press, pp.1–52
- Graham L (1998) *What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?* Stanford, CA: Stanford University Press.
- Guskova A (1995) “Radiation and the Brain.” In: *Mental Health Consequences of the Chernobyl Disaster: Current State and Future Prospects*. K.Loganovsky, K.Yuriev, eds. Kiev: Physicians of Chernobyl
- International Atomic Energy Agency (IAEA) (1986) Soviet State Committee on the Utilization of Atomic Energy, Report to the IAEA. Vienna: IAEA
- International Atomic Energy Agency (1991a) The International Chernobyl Project: Assessment of Radiological Consequences and Evaluation of Protective Measures. Report by an International Advisory Committee, Vienna
- International Atomic Energy Agency (1991b) The International Chernobyl Project: Proceedings of an International Conference, Vienna
- International Atomic Energy Agency (1996) *One Decade After Chernobyl: Summing Up the Consequences of the Accident*. Lanham, MD: Bernan Associates.

- Kesminiene A, Cardis E (2007) Cancer epidemiology after the Chernobyl accident. *Bulletin du Cancer* 94(5):423–430.
- Kleinman A, Das V, Lock M (1996) Introduction. *Daedalus* 125(1):xi-xx.
- Lazjuk GI, Nilolaev DI, Khmel RD (2000) Epidemiology of Congenital Malformations in Belarus and the Chernobyl Accident. *American Journal of Human Genetics* 67(4):214
- Lebedeva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Medevdev Z (1990) *The Legacy of Chernobyl*. New York: WW Norton.
- Noshchenko AG, Zamoshtyan PV, Bondar OY, Drozdova VD (2002) Radiation-induced leukemia risk among those aged 0–20 at the time of the Chernobyl accident: A case-control study in the Ukraine. *International Journal of Cancer* 99:609–18
- Pearce F (2000) Chernobyl: The political fall-out continues. *UNESCO Courier*, October 10.
- Petryna A (2002) *Life Exposed: Biological Citizens After Chernobyl*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pierce DA, Shimizu Y, Preston DL, Vaeth N, Mabuchi K (1996) Studies of the mortality of atomic bomb survivors. *Radiation Research* 146:1–27
- Pilinskaya MA (1999) Cytogenetic effects in somatic cells of Chernobyl accident survivors as bio-marker of low radiation doses exposures. *International Journal of Radiation Medicine* 2(2):83–95.
- Pilinskaya MA, Dirbskiy CC (2000) The frequency of chromosome exchanges in critical groups of Chernobyl accident victims. *International Journal of Radiation Medicine* 1(5):83–95
- Proctor R (1995) *Cancer Wars: How Politics Shapes What We Know and Don't Know about Cancer*. New York: Basic Books.
- Prysyazhnyuk AY, Gristchenko V, Gulak L, Fedorenko Z, Fuzik M (1999) Epidemiological study of cancer in population affected after the Chernobyl accident: Results, problems, perspectives. *International Journal of Radiation Medicine* 2(2):42–50
- Prysyazhnyuk AY, Gristchenko V, Fedorenko Z, Gulak L, Fuzik M, Slipenyuk K et al. (2007) Twenty years after the Chernobyl accident: Solid cancer incidence in various groups of the Ukrainian population. *Radiation and Environmental Biophysics* 46(1):43–51.
- Rumiantseva GM (1996) “Dynamics of Social-Psychological Consequences Ten Years after the Chernobyl.” In: *The Radiological Consequences of the Chernobyl Accident*. Brussels: European Commission, pp. 529–535
- Сергеев Г.В. (1988) Медико-санитарные мероприятия по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции. В: «Медицинские аспекты аварии на Чернобыльской АЭС». Киев: Здоровье (Zdorov'ia), сс.15–26
- Shapin S, Schaffer S (1985) *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shcherbak Y (1996) Ten Years of the Chernobyl era. *Scientific American* April:45–49
- Sich A (1996) The denial syndrome. *Bulletin of Atomic Scientists* 52(3):38–40
- Stone R (2001) Living in the shadow of Chernobyl. *Science* 292(5376):420–424.
- UN Chernobyl Forum (2006) *Health Effects of the Chernobyl Accident and Special Health Care Programmes*. Geneva: WNO
- USSR State Committee on the Utilization of Atomic Energy (1986) The Accident at the Chernobyl Nuclear Power Plant and its Consequences. Information compiled for the IAEA Expert's Meeting, August 25–29, 1986, Vienna. Working Document for the Post-Accident Review Meeting.

- von Hippel F (1991) *Citizen Scientist*. New York: American Institute of Physics.
- von Hippel F (2000) "Radiation risk and ethics": Health hazards, prevention costs, and radiophobia. *Physics Today* April:11
- World Health Organization (1996) *Health Consequences of the Chernobyl Accident*. Results of the IPHECA Pilot Projects and Related National Programmes. Geneva: WNO

НАШИ АВТОРЫ

Игорь Бобков – белорусский философ, историк идеи. Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра историко-философских и компаративных исследований Института философии НАН Беларуси, стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Микола Бянько – стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Наталья Барановская – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук (Киев). Автор около 200 публикаций по новейшей истории Украины, в том числе четырех монографий, ряда статей и др. по истории черновобильской катастрофы. Составитель двух сборников документов по проблеме.

Андрей Степанов – со-директор Академического департамента политических наук Европейского гуманитарного университета, стипендиат проекта «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова» (CASE, Европейский гуманитарный университет).

Мелани Арндт – немецкий историк, Dr. phil. Директор международного исследовательского проекта «Политика и общество после Чернобыля» в Центре изучения современной

истории в г. Потсдаме, Германия. Доцент кафедры современной истории Потсдамского университета.

Анастасия Леухина – участник проекта Фонда Фольксваген, работает над диссертацией при кафедре политологии Национального университета Киево-Могилянская академия. Анастасия закончила магистратуру по международным исследованиям в Нотр-Дамском университете и бакалавриат по специальности «социология» Киево-Могилянской академии. Она принимала непосредственное участие в международных проектах, направленных на развитие гражданского общества в Украине и Восточной Европе и опубликовала 17 статей.

Татьяна Касперски – закончила Франко-белорусский факультет политических и административных наук Европейского гуманитарного университета в Минске в 2002 г. В 2003 г. – магистратуру Института политических наук в Париже, где в настоящее время работает над диссертацией по политологии на тему: «Чернобыльская катастрофа: коллективная память и политика». С 2007 г. – преподаватель Европейского гуманитарного университета. С 2008 г. участвует в международном исследовательском проекте «Политика и общество после Чернобыля», осуществляемом при содействии Фонда Фольксваген.

Александр Долговский – 1996–2001 гг. – учеба в Белорусском государственном педагогическом университете им. Максима Танка г. Минска. 2001–2008 гг. – учеба в Рейн-Вестфальской магистратуре Аахена. Тема магистерской работы: «Человеческий материал: принудительный труд белорусов в системе национал-социализма». С августа 2008 г. докторант в Гиссенском университете имени Юстуса Либига (JLU Gießen), стипендиат фонда Фольксваген. Рабочее название диссертации: «Восприятие и изображение чернобыльской катастрофы в письменных источниках Беларуси».

Астрид Зам – доктор философских наук, 1994–2000 гг. – научный сотрудник Маннгеймского центра социальных исследований в Европе и кафедры политологии и новейшей истории Маннгеймского университета, 2000–2005 гг. – научный ассистент кафедры политологии и новейшей истории Маннгеймского университета, с 2006 г. – директор Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Рау. Автор публикаций по темам интеграции, трансформации и формирования национальной идентичности в западных странах СНГ, энергетики и экологии, а также исследований по вопросам мира и конфликтов.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

К рассмотрению принимаются оригинальные статьи (до 5 п. л.), рецензии (до 0,5 п. л.) и переводы (при наличии авторских прав). Материалы необходимо представлять на русском языке.

Статьи должны сопровождаться краткой (до 250 слов) аннотацией на английском языке с указанием (на англ.) имени автора, названия и 5–7 ключевых слов. Материалы присылать в формате «doc» или «rtf». Сноски и литература оформляются в конце статьи. Примеры оформления см. ниже.

В сведениях об авторе просим указать: город/страну, ученую степень и звание (если есть), институциональную принадлежность (если есть).

Материалы присылать по адресу:

Примечания

1. Lewis Justin, Inthorn Sanna, Wahl-Jorgensen. Citizens or Consumers? What the Media Tells Us about Political Participation. University Press, 2005. P. 1.

2. См.: Шмидт Энрика, Тойбенер Кати. Российский Интернет как (альтернативная) публичная сфера? // Публичное и личное в русском Интернете / Под ред. Натальи Конрадовой, Кати Тойбинер, Энрики Шмидт. М.: НЛЮ, 2009. С. 105.

3. Benjamin Walter. Moscow // Reflections / edited by Peter Demetz. New York: Schocken Books, 1978. P. 108.

4. Eco U. Turning Back the Clock. Hot Wars and Media Populism. Orlando: Harcourt Inc., 2007. P. 82, 87.

5. Так называлась известная работа немецкого теоретика Юргена Хабермаса, вызвавшая широкую дискуссию о

специфике публичной сферы в эпоху модерна и постмодерна (см.: Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Polity Press, 2006). Хабермас рассматривал публичную сферу как посредника между обществом и государством и полагал, что она (должна быть) основана на принципе объединения всех и любых индивидуумов вокруг областей, представляющих общий интерес, независимо от социального статуса, с целью достижения рационального консенсуса путем критического обсуждения.

6. Информация собрана по материалам сайта <http://agiotag.crimea.ua>.

7. См.: РГИА. Ф.970. Д.908. Л. 12–14.

8. Там же. Л.2.

Литература

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // *Новое литературное обозрение*. 1999. № 39.

Волков В.В., Хархордин О.В. *Теория практик*. СПб: ЕУ в СПб, 2008.

Кабаков И. 60–70-е... *Записки о неофициальной жизни в Москве*. М.: НЛО, 2008.

Колесников А. *Время суфлера* // *Gazeta.ru*. 2007. Декабрь.

Левада Ю. Рубежи и рамки семидесятых. *Размышления соучастника* // *Неприкосновенный запас*. 1998. № 2.

Мангейм К. *Идеология и утопия* // *Диагноз нашего времени*. М., 1994.

ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

- интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;
- организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;
- создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;

- создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
- содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

- проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
- осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
- проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
- издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
- издание сборника работ стипендиатов CASE;
- издание монографий по проблематике CASE;
- создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
- создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

- теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
- исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
- политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
- Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
- Пограничье и проблемы европейской безопасности;
- национальная идентичность в условиях Пограничья;
- социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
- регионы Пограничья в условиях глобализации.